опустошитель

[иверсния курутьлы]

#28
мизология

Журнал «Опустошитель»
#28. Мизология
Москва, август 2019
252 страницы

Главный редактор Вадим Климов

Новая инквизиция выглядывает из замызганой конуры привратника тымячью зловещих глаз, старых и новых. Антонен Арто, Маруся Климова, Луи Арагон, Серое Фиолетовое, Миша Вербицкий, Филиппо Томазо Маринетти, Жюли Реше и прочие истязатели инакомыслия в 28-м номере «Опустошителя». Мизология августа 2019, или, в дефиниции Имманула Канта, ненависть к разуму, возникающая у многих людей, включая самых искушенных в его применении.

ISSN 2219-5424

В оформлении обложки использована
картина Alessandro Sicioldr.

Опустошитель, 2019
http://pustoshit.com

журнал

ОПУСТОШИТЕЛЬ

#28. Мизология

Луи Арагон
Антонен Арто
Миша Вербицкий
Илья Дейкун
Евгений Долматович
Артур Другой
Вадим Климов
Маруся Климова
Филиппо Томазо Маринетти
Ильдар Насибулин
Георгий Панкратов
Нестор Пилявский
Адам Ранджелович
Жюли Реше
Сибусава Тацухико
Серое Фиолетовое
Станислав Щербаков

Москва
Август 2019

Синдром научного вахтера

В раннем романе Владимира Набокова присутствует остроумное рассуждением о вере. Герой признается, что вполне готов поверить в бога, если бы не анекдотическая щепетильность последнего. Герой сомневается, что кто-то «наверху» с таким вниманием разглядывает каждый его поступок, причем не только его, но любого самого жалкого существа во Вселенной.

В контексте сближения религии и науки (что давно назревало, ведь обыватель понимает науку ровно так же, как религию) вспоминается школьный курс физики. В нем преподают законы, распространяющиеся на все, что мы видим вокруг. Например, на яблоко, которое притягивается к Земле.

Способен ли поверить герой Набокова, что кто-то «наверху» внимательно следит за каждым яблоком, включая жалкие огрызки, дабы они падали на землю, а не повисали бесхозным мусором, словно души умерших в чистилище?

В парадигме религии/науки мы заявляем следующее: Бог есть Духовная Гравитация; он объективно существует; и божественное существование не более абсурдно, чем закон всемирного тяготения.

Владимир Набоков эмигрировал в Европу, а потом и в США, оставив своих соотечественников разбираться с проблемами науки и религии самостоятельно. Они как раз выбирались из средневекового мракобесия и готовились совсем скоро жить при коммунизме, но вместо этого оказались под пятой науки, нового верховного божества, требующего духовного служения и личного благочестия.

Роль сельских батюшек взяли на себя СМИ, в которых профессиональные дилетанты (журналисты) знакомят страждущих с последними достижениями вероучения. Причем делают это одинаково хорошо, вне зависимости от области (медицина, физика, социология, астрология и пр.).

Где-то на Олимпе обитают истинные боги, великие ученые, явленные пастве в научно-популярных изданиях и прочей журналистике. Правоверные сциентисты, одухотворенные последними версиями учения (меняющегося на глазах), внимательно читают этикетки, избегают неугодных продуктов питания, стоически ожидают глобального потепления и исчезновения всего живого.

Новой (сциентистской) религиозностью давно никого не удивишь. Она научилась сочетаться со старой религиозностью, теперь это почти одно и то же. Однако кое-что новое в поклонении науке все же обнаружилось.

Отдельные верующие все чаще сомневаются в специалистах: ученых, популяризаторах, журналистах. Набожные скептики подозревают их в ереси. Есть ученые, но есть и лжеученые, которых должно сжигать на костре. Есть истинные свидетели (научные журналисты), но есть и лжесвидетели (глашатаи сенсаций), которых тоже следует сжигать на костре.

Скептические храбрецы, с трудом освоившие устный счет в пределах первой сотни, хмурят брови, не доверяя правомерности алгебраических операций и интегральных уравнений.

Хотя нет... такое уже было. В прежней религиозности подобное называлось инквизицией, борьбой с круглой Землей, вертящейся вокруг солнечной монетки. Но как тогда назвать нынешний виток возмущения снизу? Всех этих шариковых, требующих "научной обоснованности"?

Кажется, хорошо подходит словосочетание "синдром вахтера". Но не обычного вахтера, а институтского. Подспудно такой вахтер и сам считает себя научным работником и, проверяя документы, пускает далеко не каждого. Если вахтер умеет читать, то измеряет квалификацию по пропускам. А если не умеет, то по лицам.

— Тысяча извинений, но вы не из нашего института, — говорит он и выпроваживает незваного ученого, словно татарина.

Новая инквизиция выглядывает из замызганой конуры привратника тымячью зловещих глаз, старых и новых. Антонен Арто, Маруся Климова, Луи Арагон, Серое Фиолетовое, Миша Вербицкий, Филиппо Томазо Маринетти, Жюли Реше и прочие истязатели инакомыслия в 28-м номере «Опустошителя». Мизология августа 2019, или, в дефиниции Имманула Канта, ненависть к разуму, возникающая у многих людей, включая самых искушенных в его применении.

Серое Фиолетовое

Цикл

существует Оно изволѣнь.
беспредѣльнаго, внеположного:
несводима же к ним природа

Найден на чердаке
остов древнего змия

генеративные функции антропной стреловидности
уступают клинаменам сворачивающихся,
листа папоротника дрожи

/;; Ёрмунганд любит тебя

К выходу призывая из самопровоз
глашенного богами и 田舍; бытующими
популяциями порядка

не
К бнэітию разбитому сёдлами;
переѡ'ежающемуся

фо
ѡ'еж Dгорифэіра [статуя]
фор |5ся
|7а [стат
над обканјын"ым городом
нависает

равенству́ют кольцо и стрела

[11] Я надеваю золотую
диадему
стерильномертвенную
совершенномудрую

[7] Я надеваю золотую
диадему
стерильномертвенную
совершенномудрую

[5] Я надеваю золотую
диадему
стерильномертвенную
совершенномудрую

[3] Я надеваю золотую
диадему
стерильномертвенную
совершенномудрую

[2] Я надеваю золотую
диадему
стерильномертвенную
совершенномудрую

Я надеваю золотую
диадему
стерильномертвенную
совершенномудрую

|[k] - *отступление на $\frac{1}{k}$-ю часть стандартной паузы*
фигурная скобка – одновременное чтение связываемых ей фрагментов

|зог> размгнутия: пр'д'л-и бы
мерц: остаронись -- дроженье
<абветвления| -- п'л'м чист'м как

Автоп[с]ті[к]а съл, с'нм [***]формий
Истребительских; аггілав чистамотив:
Шьершчкегранн'ьих гномай стави, shtpóbji kai лóуи
Лексы, внёмы и гры --- блюда jec'тв рудия́

Вырождение

Движение

Ражение

dd

Стремление

Воззрение

Лунение Гашение

Ра[зж]$^{1}_{2}$жение плостнасти – $\frac{\text{ابني}}{\text{обънаи}}$ дукх

Комет ёбл гор[ ]$^{1}_{5}$адов – тысяч[щ] – BSoD [содт]
Масштаба – гризли жал – смена
Резкость не – [зон, значений] – быстро

Auтоп[с]ті[к]а съл, с'нм [***]фор"ий
Истребительскиӡ; аггілав чистамотив:
Шьершчкегранн'ьих гномай стави, shтpóbji kai лlóyи
Лексы, внёмы и гры --- блюда jec'тв рудия́

адописных икон тенью скрытые муд[р]ы (трёх[р\н]огий космонавт крадётся гнобя страх)

ска́, взды, пла, ра
[листы белы станы зворочаемы][1/2]

[па в[о][1/5]зтре уд и панц ог][1/2]
углаты скнут ёленны ирны гниех

трепетливы, [нежны, письмо чистят чистят]

утешных в
жестотраво
ор
большекаменно
вспламеневает, чихвощается

жестотраво
ор вспламеневает, чихвощается
большекаменно

фермы дзонговы
синагоги города
каплями черными камнях на

небо горнее чрев[: остановка движения]

опечатки пустынь: гипногрифы и ламии
борьбы опечатки[1] на небесной [коре́][2/3] [ко́ре][2/3]…

[1] джихада бодхисаттвы

Аитоп[с]ті[к]а съл, с'нм [***]формий
Истребительскиꙗ; аггілав чистамотив:
Шьершчкегранн'ьих гноꙋ стави, shтpóbji kai лlóyи
Лексы, внёмы и гры --- блюда jec'тв рудия́

мощённ конь вязко сладостию вязной, мраморов катарактностеями
мраморами катафрактностагными, гроботпусканиями [хвоящимися;]
Осередь храама столь жгущегося в глубине вод обеззвёжженных
Прогрибливливаются стволования, облишаиваются – волеют Заржавленная Луна – играющая в бутылку Хахотаж; флюкций невежества в знаках запьянъке важнее всего та скорость с
Горельефами Бонг-птицы оклыченной: взыв прористывания В четверть глаза Вытужен в сфинктер [Tod] Хахотаж: слов еле мёртвящих из осенних з$_{с}$во-ро$_{а}$ссыпей изменяющиеся объёмы
гор взмах пригортанен вздох Изъедененная – не может ко сну [тождества] Річей вороченіа: нитею [сдробленнай своряны] производные от статистики
Мир сверхпрост: тут Дрозд — вор звёзд червоточений резь Отойти, раздвигнуть вагонов двери [Выворот их вытужен, высочнен, выдавлен в свято тожжиства]
Горлышком кровь Тих, сонн танц волн вне вобл (void) именно
Дронн за каменной роений кладкой вой Вглядывая себя во мраки, в гомоны Шлам да лом звёзд снёс в бар Дрозд: пограничные
Сверхтекучих устроений изменчивых форм Стенобиты, От длинн кег в стол, ор, гон: в горл зычь шрот погружаясь в логи
направлением на Фиксируя следовость устойчивых обнаружений разрываясь, Скор мах пёр: нёб блёв (нык взрыт – нбом, доб) ***Раззаворачивание текста***
застройки Телесности в-промеж диалоговой модели рокочут хахотаж: Вагону метро приписано свойство способности превращения в кроличью нору
конструктор Будущего Длань черна: рубить кости в поле знобкое сердце знака В обтяжении нескольких кальп оно не обладало возможностью быть реализованным
Вдоль, поперёк, в волю - причала прытит в Это - устройство пограничного слоя пребывания в бытии Перестраивают и
сычует кудрями полоз горбылём изросшего, вздуваемого столблёную *Тенистые клубы*
реку Вдоль слоя [обтягивающего небытие множеств]; вдоль [внешних пограничных] событий; вдоль пробежек
Глорификация невнятностей, пись ма *Дисрепрезентации*
в поля: отстойник псовий *Остоп{о/а}риваются в*
мечистый философских рисков *дробление отслаивающихся*
дёрнонный звон скрадывание *Режают Чумливясь*

Волхвы-расстриги; грохотаны
Сквернивцы: в корней суть продиры
Наморошью пробрыкивают реляционные логики разрывов повествования *и акценты одвигая, развосстают*
В возможность заворачивать их *серо-иссиня шершаво-заборно тождествлений-ра*
Воединно, чермно, во внутренность дрожи лилий техники цитирований и отскоков*; сосчитаний привольности*
[В нестабильное ощущение пустоты] *чувствования параллельного механики посредством «я» своё собирают мизконтексты,*
Бакх лыцар своё гугнивит где *ихних раз[спад]ов смыслов рукавлений возможности?не игнорируют знакоподражаний паттерны Распределенные* и забор через; поперек и вдоль; взапуски
где Розовеюща дрожь мрачна недовымороченна направляет нус зарям *обытевляют {событие : ы} в вваливаются полей (каузальных?)символьных*
Разделением на детали и фракции гор взмах звёзд зарев, переобустройства переустраивают
[камней] серых измятое между – скал, расселин сомнамбула техноТЕЙЯ слоёнисты ветвятся, коренеют: диалетейй орнаментальностями дыбится мрак Логический
городской глубину Сумеречностью ликов свиных реологии
взгляд обеззвёжжен Усталостью червоточений резь, *пород* крошева: гор зёрен. место ней в своё находит ***действия глоток в***
Проёрженьем голос разлагается на звуки звуки червей и мух плюральность сингулярную в себя возводит, ветвлении в останавливается, имматериализуется время структур маргинальных ку
тяжелу ир-речь время дестабилизируют состояния
нам ведомое учредить и упредить желали бы мы образом этим

взгляда собственного ужарах, огарах, радостностях рассказывают унижений и положений
постылу восприятия форм разнообразных [возможности] уточнять нас заставляют затемнений
сознания разветвленного пересборку производить можно которой

Грекающей весны мотивы вытертые

Нестор Пилявский
Стихи господина Тиглера

посвящаю А., который открыл мне Берлин

легко и приятно

убивать людей во сне легко и приятно
встать не с той ноги легко и приятно
наступить на горло собственной жизни легко и приятно
желать урагана землетрясения
и нашествия саранчи с как бы венцами похожими на золотые легко и приятно
написать человеконенавистнический стишок легко и приятно
говорить правду легко и приятно
внушать себе что жить легко и приятно
легко и приятно
легко и
приятно
легко
и

господин Тиглер

***
у мистера Тиглера
было свое альтер-эго
оно частенько повторяло:
весь мир игра
весь мир игра
но чья игра
игра т.игра
игра Т.
или игра его альтер-эго
мистер Тиглер не знал
и считал что мир

скорее похож на камеру смертников
чем на какую-то там игру
альтер-эго словно слышало эти мысли
и немедленно отвечало:
если мы смертники то кто нас приговорил (?)
мистер Тиглер молчал
и все начиналось сначала

***

только
поэзию про поэтов
стихи про стихотворения
иногда (по мере
хорошего настроения)
с эпиграфом
писал господин Тиглер
какая странная у меня фамилия
думал он глядя в закат
то ли от тигра то ли от тигля
есть в ней что-то гитлеровское гибельное
геббельсовское гиббелиновое гильотиновое
в общем идеальная для поэта фамилия
так что не нужны никакие псевдонимы
напротив свою фамилию господин Тиглер
иногда сдавал литераторам напрокат

***

в каждом поэте есть что-то от немца
а пауль целан думал
что в каждой смерти
на голове любого романтика
прусский паричок
(как у канта)
и со следами бантика
(у тракля на голове
сидела нежная синяя птица)
всякому авантюрному сердцу
(что там застряло — частица
майсенского фарфора
или льдинка)
всегда есть к чему стремиться
ну почти всегда:
далеко заходит тот
кто не знает куда

так написал рукой
другого погибшего бюргера
в своем дневнике
сын эрнста юнгера
когда в его вещь-мешке
закончились плиточки марципана
ах в каждом поэте есть что-то от немца
в каждом поэте
(разумеется речь о талантливых)
есть что-то от смерти
есть что-то от тайной германии

***

хотя бы один волосок
с головы белокурой бестии
нечто от грусти и строгости оккупанта
и нечто похожее на мрачные недра
где цверги куют бриллианты
есть в каждом поэте
но есть и такие в которых
(в каждом по отдельности
и во всех вместе)
есть что-то от негра
и что-то от тигра
(что в общем
как подчеркивала поэтесса
раскольникова арина родионовна
совершенно логично
ведь в каждом тигре
есть что-то от негра
хотя и не в каждом негре
есть что-то от тигра
и в голосе ее
когда она подчеркивала это
звучало немало личного
и много от укоризны)
разумеется речь
не о литературных неграх
с какими-нибудь глупыми бакенбардами
а о тех настоящих
сделанных из черного агата
которым африканские кукушки бы
не предсказали и года жизни
которые только и делают что умирают

то от голода и холеры
то от происков реакционеров
то придавленные крокодилами и гепардами
то от личинок вольфратовой мушки
и особого тропического бражника
то целуясь на оргиях
сразу разом с винтовкой мусина
мушкетом пушкина
и автоматом калашникова

***
наконец есть такие поэты
(совершенно удивительные
их очень мало
и каждого из них можно короновать
в поэтического короля)
в которых есть и то и другое
к таким поэтам
себя относил господин Тиглер
в нем было что-то от немца
и что-то от негра
словно двойная петля
повторяемая смерть смерть
вертела им в круговерти опасных игр
господин Тиглер
господин тигр

***
господин Тиглер
вам письмо
и под дверь
что-то сунул усатый консьерж
что за штемпель
или это клеймо
или это консьерж уронил эскимо
на бумажный квадратный конверт
или может быть не консьерж
а тайный посланник организации смерш
ядом пропитал письмо
или оно переходя из рук в руки
ядом пропиталось само
господин Тиглер всегда осторожен
он боится человеческой кожи
он верит в свой гороскоп

он чует где разлит цианид
где водятся стаи опасных хламид
где светится отравляющий изотоп
у господина Тиглера
есть урано-урино-лоринго-термо-калейдоскоп
и карманная лаборатория для эко-биологических проб
господина Тиглер что-то гложет
быть может
он боится смерти
и жизни тоже
но как странно
он копается в новом конверте
не надев даже перчаток
господин Тиглер слишком устал
жизнь давно замолчала
как забытый скандал
очень тихо и мягко вокруг
очень глухо и гладко и вдруг
из конверта торчит уголок
словно смерти зачаток
словно некий опасный крючок
словно чей-то постыдный клочок
словно тайной беды ярлычок
словно вредный и злой язычок

***
господин Тиглер мертв
в нем было что-то немца
и что-то от негра
в нем жила двойная смерть
смерть
впрочем почему жила
смерть не умирает
она будет жить в господине Тиглере
до скончания века
а то и дольше
умирают только живые
а мертвецы почти что бессмертны
у ног господина Тиглера
простерто его альтер-эго
тоже мертвое наверняка
вероятно выпавшее из конверта
... на одной стороне листка
нарисован тигр

а на другой написано имя
того кто приговорил этот мир
играть

to play a trump

И стало в мире две империи зла:
— одна свободная, другая рабская;
— одна богатая, другая нищая;
— одна умная, другая глупая;
— одна красивая, другая страшная;
— одна злая на вторую,
вторая — вдруг подобревшая к первой.
И отменилась ядерная зима,
и позабылась русская весна,
и отлетело одно лето в аду,
и наступила осень патриарха,
утро плохого парня,
полдень благодарения,
вечер с огоньком,
ночь длинных стволов,
и я радовался,
поскольку моё скверное настроение
говорило: пора заняться собой —
и спрятавшийся под снегом
солнечный заяц советовал:
поищи-ка и ты козырь
для своего злодейства.

голландский писатель

один голландский писатель
написал что бог совсем одинок
второй голландский писатель
написал что бог совсем однобок
третий голландский писатель
написал что бог совсем неглубок
остальные писатели этой страны
не верили в бога
да и королеву Нидерландов —
хотя она была человеком глубоким
разнобоким и не одиноким

ходила с корзинкой к прилавку
чтобы нравиться буржуа
выступала по телевидению
и плела кружева —
тоже не особенно почитали
— писатели вообще вредный вид —
один парень даже вытатуировал на груди:
чем больше я узнаю писателей
тем больше мне нравятся читатели —
но это был очень одинокий парень
который на самом деле
из всех читателей
был знаком только с самим собой —
ему просто божественно повезло

не бессмертник

горечь бессмертника
отвара для нормализации
работы желудочно-кишечного тракта
не столько во рту
сколько в названии
он бессмертен
а ты нет
его сорвут
а ты умрешь от болезней
одно утешение:
им исцелятся
а тобой заболеют

paeonia anomala

от чего уклоняется
пион уклоняющийся
думаю что он уклоняется
от самого себя
от сладко-жгучих корней
от тонкого стебелька
от тяжелой цветочной головы
и в этом мы с пионом
неуловимо похожи
потому-то

если меня спрашивают
(а спрашивают порой)
— нестор вас вообще
интересует хоть что-нибудь кроме самого себя? —
я отвечаю что нет не интересует
и это если ни правда
то во всяком случае уклонение от лжи
столь же решительное
как и уклонение от самого себя:
от самого себя уклоняюсь
я неуловимо схожий с пионом —
и делаю так поскольку
люблю себя неразделенной любовью

alter garnisonsfriedhof

в мастерской сновидений построили рейх из железа
в чьей-то жесткой руке канделябр
напоминает эфес
и виднеется кладбище в узком оконном разрезе
так похожее сразу на церковь и лес

романист из глазниц рассыпает
не слезы
тяжелые пули
Атлантида стеклянная тонет и наперевес
ей из моря восходит
секретное общество Туле
во главе с трибуналом из трёх ледяных баронесс

кто пролил витриоль
кто сварил колдовской барбарис
кто оставил следы
королевской тропинке наперерез
господин офицер
это Рейнеке-лис
это в шляпе вервольф
это Фауст в мундире СС

это я
я приехал на поезде
к чёрным погнутым деревьям
посмотреть на могилы

в которых растаяла плоть
мне сказали что здесь сообразно народным поверьям
где-то здесь
двести лет как закопан уснувший Господь

что ты ищешь
меня допытаются тихие фрау
от чего ты все время как будто бежишь
и какой-то бездомный
с глазами из метиленблау
мне предложит со скидкой дешевый гашиш

я ищу на земле
только небо и натиск и бурю
я хочу получить бесподобный единственный дар
различать как сверкают раздвоено
руны в берлинской лазури
и как метит в нас молния
свой прощальный финальный пожар

Артур Другой
Дознание

— Ты что сейчас делал? — зло спросил Степа.

Артем потупил глаза. В темноте коридора можно было разглядеть, как лицо подростка краснеет.

— Дай-ка, — сказала Маша Степе и влепила ладонью по уху Артема.

Удар он выдержал стоически, как будто бы его и не били.

— Не надо, — строго оглядев всех, сказал Степа.

Его глаза сверлили Артема.

— Тьфу, черт! — выругался Степа и стукнул Артема в солнечное сплетение.

Скрючившись, Артем задом прислонился к стене. Ему казалось, что писающий мальчик на двери смеется и пытается попасть в него струей мочи.

— Еще раз, — продолжила допрос Маша, — что ты сейчас делал?

— М-м… — попытался ответить Артем.

— Что? — крикнули Степа и Маша.

— М-мастурбировал.

— Вот же гад! — прорычала Маша, готовая соединить свой кулак с лицом Артема.

Степа вовремя схватил ее за руку, сказав:

— Я же говорю, не надо.

После этих слов Степа косым движением ударил ногой по лицу жертвы.

Мальчик упал на колени. Носом пошла кровь.

— Ты дурак! Знал бы ты, что ты сейчас натворил, дрочун проклятый! — завелась Маша. — Ты просто дебил какой-то!

— Н-не понимаю, — заикался Артем.

В ответ Маша больно ткнула его под ребро концом резинового тапка.

— Ты что, правда, ничего не знаешь? — недоумевал Степа.

— Н-нет.

— Степа, расскажи ему, — попросила Маша.

— Давай ты, у тебя лучше получится, — парировал Степан.

Маша начала рассказ:

— Артем, ты не обижайся, мы не звери какие-нибудь, но ты пойми, где ты находишься, пойми, что ты натворил. Ты вот где дрочил? В туалете, да? А ты знаешь, что в этих туалетах стоят специальные унитазы с зараженной микробами водой? Если в эту воду попадает сперма, то сперматозоиды захватываются этими микробами, как яйцеклетками, понимаешь? Они о-пло-до-тво-ря-ют-ся! После оплодотворения яйцеклетка-монстр уплывает в инкубатор, в котором дозревает плод, твое детище, можно сказать, и этих, больных ученых-экспериментаторов. Зачем это делается? Таким образом государство выводит армию послушных биороботов, которые скоро начнут экспансию на другие государства. Сначала на несогласное население — на своих же граждан! — а уж потом и до остального мира доберутся. Я не знаю, почему нет официальной программы, и почему нельзя на госуровне это решить, там, через банк спермы это делать, — не знаю, мама Степы об этом не рассказывала. Тут одно ясно: спускать в местные унитазы нельзя.

— Мать недавно пророчествовала, — продолжил Степа, — что если люди не перестанут, как она говорит, сбрасывать эякулят в ванны и унитазы, то все человечество погибнет в ближайшее время. Сам подумай, американцы не станут терпеть и ждать, когда их поработят твари-мутанты, да и сбро-

сят на нас бомбу. Тогда нам хана. Мы ответим, Китай подключится. И все. Кабзда...

— Ты понимаешь, о чем мы говорим? — перебила Степу Маша. — Это серьезные вещи. Ты их видел вообще, этих тварей? Они как чужие Кубрика.

— Гигера в первую очередь, — подчеркнул Степа.

— Не суть. Главное, что это монстры. Тема, ты помнишь мальчика из 233, пухленький такой блондин? Он пропал. Но мы уверены, что его растерзали и съели чудовища, кем им еще тут питаться? Гречкой с кисло-вонючей тушенкой?..

— А это что тут у нас? А ну марш по палатам принимать таблетки! — прокричала тучная молодая медсестра.

Илья Дейкун
Доктор Муха

Малыш мудрец сказал:

— Любишь жизнь, люби и саночки возить

Мы все офигели. Папа вскричал в истерике:

— Я его не учил говорить. Он говорит такое. Я не учил. Это не мое.

Он побежал от одной стены к другой, и заломил руки.

— Не беспокойтесь, отец семейства, мы отведём его в поликлинику, где ему сделают укольчик в мозг. Он заново научится приличиям. Он станет гордостью фамилии.

Я взял малыша под белы рученьки. Мы взбежали в городскую богадельню, где жил врач, большая муха в белом халате. Каждый день она жалила в голову маленьких детей, и заслужила этим большую репутацию в своей области.

— Скаж-ж-жите, пож-ж-жалуйста, что произ-з-зошло? На что ж-ж-жалуетесь?

— Мне горько говорить это, господин Муха, но Малыш сей, по всей видимости, любит только себя! — здесь мне пришлось немного приврать, потому что формулировку, сказанную Малышом, я напрочь забыл. — С младых ногтей не признает отца, мудрствуя лукаво.

— Лукав-в-во? — сказала огромная Муха, и облизнули лапки, — Это нам из-з-звестно. Мы это из-з-злечим.

— Как я рад! Как я рад!

Тут он без лишних слов закинул лапки на плечи мальчику и впился в ещё мягкую голову. Хруст проломленной черепной кости заставил меня, конечно, немного понервничать, но господин Муха имеет столько рекомендаций, он признан заслуженным врачом нашего города! Его новаторская методика проста, как все гениальное:

Проведя изысканную лоботомию почти безболезненно — благо все природные наклонности его отвечают этому делу! — он высасывает мозг. Кратковременное извлечение мозга способствует выпрямлению шейных позвонков. Но самое главное заключается не в этом! Отсосав из мозга, он заглатывает его целиком, пропускает через нехитрую систему пищеварения — благо Бог наделил господина Муху коротким трактом, — и позволяет препарату храниться в желудочных соках некоторое время. Затем, когда приходит срок инфильтрации, он встаёт на первые четыре лапки, а задними двумя придерживает голову пациента за уши. Такая фиксация позволяет высрать точно тот объём, который был высосан, и точно в то же самое место.

После проведения операции предписывается десятидневный постельный режим в палатах госпиталя.

Когда Малыш впервые разомкнул глаза, мы все столпились вокруг его кроватки.

Он закашлялся, выплюнул какой-то волосатый комок, а затем, просияв, проговорил, глядя большими своими глазками на зардевшегося в ожидании отца:

— Папуля! Папуля!

Мы все от умиления так и ахнули!

проза

Евгений Долматович
На краю ночи

Карине,
как и обещал

Испепели меня, черное солнце — ночь!
Марина Цветаева

***

В воспаленных глазах моих сонм отражений. Там зеленовато-желтая пена собирается меж отполированных морем камней, исчезает под очередной ленивой волной и образуется вновь, скапливаясь в омерзительные липкие сгустки. Там, в десятке футах от берега, разверзается бездна — черная, пугающая, алчущая, — а с юга мало-помалу наползает плотная пелена аспидно-серого тумана. В ушах же у меня до сих пор звенит безумный хохот, невнятные выкрики, бессвязные бормотания. Я слышу, как вхолостую щелкает боек старого револьвера, слышу глумливое эхо в заброшенном здании школы — будь то надрывный звонок или же суетливый топот детских ножек по обшарпанным ступеням, будь то едва уловимое позвякивание уцелевших стекол в окнах или же пронзительные скрипы ржавых дверных петель. Готов поклясться, что различаю, как шуршит на ветру пожухлая трава, и как хрустит гравий под подошвами ботинок… бесчисленного множества пыльных заношенных ботинок! А еще голоса, голоса, да… Я жду, и мое ожидание не напрасно. На остров медленно надвигается ночь.

На остров медленно надвигается ночь.

Медленно надвигается ночь…

***

Но сначала был рассвет.

Он заключался в стеснительно-игривой улыбке, в лукавых ямочках на щеках и во влажном розовом язычке, мелькавшем меж жемчужно-белых зубов; в земляничном дыхании молодой жизни. Он таился в полном коварства взгляде, сквозил в чарующих переливах голоса, витал в будоражащем кровь и сознание пленительном аромате волос. Я же всеми силами сторонился этого наваждения, важно вещал об эпохе Ренессанса, переходил к классицизму и караваджизму, к барокко и рококо, и далее — к романтизму, импрессионизму и символизму. То и дело запинался, сконфуженно косился на часы… Я заносил пометки в журнал, задавал вопросы, между тем неустанно о чем-то рассуждал — например, противопоставлял манеру письма, либо же выискивал сходство в работах да Винчи и Боттичелли, Микеланджело и Рафаэля, Джорджоне и Тициана, — но думал я совсем о другом. Понимал это, когда в минуты уединения отрешенно рассматривал внечувственные, если не сказать андрогинные образы на полотнах маньеристов, перескакивал с них к легковесным, точно воздух, танцовщицам Дега, цеплялся взглядом за гротескный натурализм Бальдунга и — мысль моя постепенно обретала форму, плоть — спешил укрыться у прерафаэлитов, затеряться в знойных фантазиях Гогена. Я упивался плавностью линий «Махи обнаженной» Гойи и тщился постичь волнующий секрет модильяневских женщин, но все чаще и чаще я возвращался к Ренуару: удивленно, даже испуганно вглядывался в его «Портрет Жанны Самари». Изумительное сходство! Нет, ну разве такое возможно?

Так или иначе, но уже тогда я осознавал, к чему все клонится, всячески избегал этого и вместе с тем… — да, страстно желал, чтобы это произошло!

И это произошло. Впоследствии я неоднократно вспоминал наши с ней тайные свидания — эти полные запретной страсти встречи, вобравшие в себя всю прелесть ее томных вздохов и громких криков, ее мутных от блаженства глаз. О, это восхитительное тело! Я крепко сжимал его в объятиях, нежно гладил, яростно мял, неистово целовал, жадно глотая источаемый им сок… Снова и снова проникал я в нее, упиваясь ею, словно живительным источником. «Моя Жанна, моя Жанна, моя, моя, моя!..» — заклинал я, покоряясь власти блаженного помрачения. А позже, в моменты отдыха, я наслаждался солоноватым привкусом ее пота на губах и терп-

ким ароматом нашей любви, заполнявшим мою спальню; тонул в разметавшихся по подушке огненно-рыжих локонах; слушал ее размеренное дыхание, когда она засыпала.

И среди вязкой как патока нашей с ней неги, одна странная мысль не давала мне покоя: отчего-то мнилось, что во снах своих она бродит по некоему попурри из «Сада земных наслаждений» и «Воза сена» Босха, дивится на причудливых созданий, сад сей населяющих, скромно тянется к налитому яблоку на ветвистом древе познания добра и зла… Сдаваясь на милость Морфею, я будто присоединялся к ней, со звериной ненасытностью грыз даруемый ею плод, при этом равнодушно наблюдая, как вдали, в небесах, бесчисленные насекомоподобные твари отчаянно борются с архангелами. То была жестокая война, но каким-то образом нас она не коснулась. Мы являлись первыми, но уже утратившими невинность людьми, грешниками, встречавшими свой единственный и последний рассвет в раю.

Но постепенно солнце достигло зенита. Ослепленный, я не желал замечать этого. Глупец! Будучи визуалом по натуре, привыкший лишь созерцать, я наивно полагал, что можно сохранить мгновение, превратив его в вечность — в еще один величайший шедевр, слепок, которым я смогу ублажать свое чувство прекрасного всякий раз, как мне вздумается. То была дивная гармония жизненных красок, и я не ошибся, когда уверовал, что любовь моя сродни движению кисти в руке гения, творящего очередное великое. Но, как выяснилось, живопись эта — наша с Жанной живопись! — вылилась не просто в пейзаж на холсте реальности, то оказался целый триптих, — и мы плавно перешагнули с левой его створки к центральной части. Разразившийся скандал ознаменовал наступление полудня. Дальше?

А дальше последовали ее слезы, бесконечные маловразумительные объяснения, жалкие оправдания, никому не нужные сожаления, бессмысленная гнусная ложь и, как следствие, мое позорное увольнение. Чудом избежав наказания, я все равно угодил меж двух огней: с одной стороны осуждающие, полные презрения взгляды общественности, а с другой — пустота спальни, норовившая свести с ума. Наскоро побросав вещи в сумку, я приобрел билет на самолет, вытерпел несколько утомительных часов и… очутился в Токио. Я давно мечтал о Японии — о ее воздушной монохромности, сотканной из тишины и запредельного спокойствия, ее многовековой мудрости и умения принимать себя, как неотъемлемую часть природы; — долгое время готовился к этой по-

ездке и даже представить себе не мог, что предполагаемое изначально паломничество в конечном счете обернется побегом. Мне хотелось увидеть нечто другое, принципиально отличающееся от той пестроты, что я привык наблюдать дома, — нечто бесплотное, едва осязаемое; захваченное врасплох мгновение из мира туманов и дождевых капель, в лучших традициях суми-э выведенное на шелке разбавленной водой тушью. Я жаждал впитывать, словно губка, эту нежную восточную палитру, сделаться частью ее, стать ею, навеки позабыв свое прошлое и самого себя… Вместо этого наткнулся лишь на людей с одинаковыми лицами, которые заполонили собой все. Я буквально захлебнулся в этом брейгелевском столпотворении, полностью растворившись среди незнакомых улочек и неизвестного мне языка, но… так и не обрел желаемого. Воспоминания преследовали меня: то и дело грезилась рыжая прядь, до боли знакомая улыбка, полные неутолимого желания глаза. В городской какофонии я отчетливо различал, как она зовет меня, как смеется. На манер охотничьего пса я жадно втягивал носом воздух и среди напластований различных запахов — в большинстве своем миазмов рафинированной повседневности — улавливал благоухание ее разгоряченного страстью тела. Вконец отчаявшись, я пустился во все тяжкие: словно беглый преступник следовал от одной префектуры к другой, пока однажды, в каком-то захолустном гадливом баре уже где-то на окраинах Нагасаки, не повстречал Ли.

Ли представлял собой более широколицую и узкоглазую версию сатира с полотен Якоба Йорданса — такой же грязно-серый, жилистый, со скрюченным, покрытым коркой прыщей носом, жиденькой бородкой и заостренными нечищеными ушами. Порочная физиономия его была вся изъедена оспой, изо рта невыносимо несло гнилью, а в полупьяном взгляде проскальзывала недобрая искорка. Настоящего его имени я так и не узнал, потому на весь непродолжительный период нашего с ним знакомства он был для меня просто Ли.

Этот пройдоха сразу меня заприметил, подсел и бесцеремонно улыбнулся, обнажив черные пеньки зубов. Заговорщически подмигнув, он нагнулся ко мне и на отвратительном английском осведомился, не желаю ли я девочку? Может, мальчика? Может, что-то еще?

— Что-то еще, — скривившись, отозвался я.

— Например?

— Хочу что-нибудь увидеть. Нечто другое… — Тут я задумался, а когда мысль более-менее сформировалась, прошептал: — Хочу туда, где совсем нет людей.

Не померещилось ли мне, но собеседник мой побледнел, как если бы испугался чего-то. Это длилось лишь миг, потом, овладев собой, он прищурился и скользнул своим полным злой иронии взглядом мне в самую душу. Уже тогда стервец знал, чем меня заинтриговать.

— Есть такое место, — наконец сказал он.

Я отвернулся, скосился на редких посетителей бара — пропитые, с клеймом вырождения на опухших лицах, они молча рассматривали днища своих полупустых кружек. Настоящие человекоподобные монстры с морщинистой, коричневой от загара кожей, торчащими в разные стороны сальными патлами и длинными изгрызенными ногтями на огрубевших пальцах. Скрюченная и пахнущая скотиной, эта падаль человечья словно бы вырвалась с полотен все того же Босха или Дюрера, если не сказать Бэкона, единственно ради того, чтобы заполонить земной сад, распять на кресте добродетель и погрузиться в пучину мерзостной суеты. И не видно отныне им конца и края! Куда ни глянь — повсюду они! А у меня и осталось что, так это гнетущие воспоминания о Жанне Самари, бывшей моей Жанне Самари…

Таковой оказалась центральная часть триптиха — лишь бесконечная толпа деградантов, месящих покрытыми струпьями ногами некогда благородную почву и обращающих ее в мертвую зловонную жижу. Таков был день.

Я уставился на Ли.

— Что за место?

— Хасима, — пробормотал он. — Денег требуется.

— Там нет людей?

— Там никого уже нет.

Наверное, после этих его слов день стал плавно перетекать в вечер. Мы же на дребезжащей «тойоте» покидали Нагасаки, устремившись куда-то на юг. Но перед этим Ли кому-то звонил, о чем-то договаривался, называл цену и терпеливо смотрел на меня.

— Оно хоть того стоит?

— Вы все увидеть, но… сначала я получать разрешение.

А чуть позже был старенький рыболовецкий катер с облупившейся на бортах краской, и малахитового цвета воды Восточно-Китайского моря — такого же, как все те моря, коими я любовался на картинах русского пейзажиста Айвазовского, — и еще легкая качка, и занудная лекция Ли. Его

акцент оказался настолько чудовищным, что волей-неволей я был вынужден додумывать многое в его речи, мысленно заменял слова и целые предложения; сам же Ли будто утрачивал свою человечность в моих глазах, все больше превращаясь в клишированного литературного персонажа. И вот он вещал о какой-то Гункандзиме, она же, как я сумел понять, Хасима. То был крохотный остров в нескольких милях от западного побережья Японии, который полтора столетия назад прибрала к рукам одна известная японская компания с единственной целью — добывать там уголь. Со временем остров получил огромное промышленное значение, помимо шахт на нем появились военные заводы, а в годы Второй Мировой в качестве рабочих там использовали пленных корейцев и китайцев, многие из которых остались на Хасиме навечно. В течение нескольких десятилетий Гункандзима являлся одним из самых густонаселенных мест на планете, пока в 1974 году компания не закрыла шахты ввиду истощения последних. Плюс на смену углю пришла нефть. Так остров полностью опустел.

— Люди говорить, — задумчиво произнес Ли, — что компания рыть шахты глубиной в километр. Может, больше. А еще люди говорить, что неспроста компания так поспешно сворачивать добычу. Уголь вовсе не кончаться, не-е. И вовсе не в нефти дело. Они что-то находить в недрах земли. Что-то жуткое, древнее, спящее… — Он внимательно посмотрел на меня. — Уж не знаю, будить они это или нет, но оно их серьезно пугать. Да-да, очень пугать! Мне все известно — мой дед работать на Хасима…

Я лишь пожал плечами. Меня мало заботили душещипательные семейные истории, как и всевозможные глупые байки — я в них никогда особо не верил. Но вот мысль о брошенном острове не оставляла ни на секунду. Напряженно вглядываясь в темный ребристый силуэт Гункандзимы, четко прорисованный на горизонте и чем-то напоминавший крейсер, я дождаться не мог, когда уже вступлю на эту заповедную землю.

А еще через пару минут тусклое послеобеденное солнце вырвалось из-за плотного скопления облаков, и Хасима предстал передо мной во всем своем великолепии; от открывшегося зрелища у меня буквально захватило дух. То был настоящий плавучий город с высокими, дымчато-серого раскрошившегося бетона обрывами в море, — неприступная для штормов и тайфунов крепость, брошенная и позабытая. Я стоял на носу катера, вяло прислушиваясь к сомнамбули-

ческому бормотанию Ли, и ненасытным взглядом воспаленных от морской соли глаз изучал пепельного цвета пятиэтажные здания с черными провалами окон, и бункерообразные сооружения, несущие на себе печать упадка и опустошения, и редкие деревца, яркими вердепомовыми мазками проглядывающие тут и там, и расположенный на единственном холме маяк… Картина, по колориту своему воистину достойная кисти Эль Греко!

— Спящий дракон, — шептал у меня за спиной Ли, умело подводя утлое суденышко к причалу. — Сколько жизней он пожирать… сколько душ навсегда томиться в его утробе… Люди говорить, что остров надо оставлять в покое. Нельзя делать из него памятник и прочее. Нельзя водить сюда много туристов. Остров — отдельно, туристы — отдельно. Иначе мертвые не находить покоя. Иначе древнее зло просыпаться, жаждать еще и еще…

Постепенно до меня начал доходить смысл его слов. Я повернулся и внимательно посмотрел на своего спутника в этом царстве уныния — лишь теперь понял, что не знаю о Ли ровным счетом ничего. Почему-то меня нисколько не смутило это открытие. Напротив! Где-то в глубинах своей измученной страданием души я догадывался, что на закате моим провожатым — моим личным Хароном или, если так можно выразиться, моим Вергилием — должен был стать именно такой персонаж, как Ли. И, размышляя об этом, я невольно вспомнил строки из Данте:

Ond' io per lo tuo me' penso e discerno
che tu mi segui, e io sarò tua guida,
e trarrotti di qui per loco etterno;

ove udirai le disperate strida,
vedrai li antichi spiriti dolenti,
ch'a la seconda morte ciascun grida;

e vederai color che son contenti
nel foco, perché speran di venire
quando che sia a le beate genti.

Видимо, почувствовав на себе мой взгляд, Ли с прищуром зыркнул на меня, угрожающе прицыкнул, после чего сплюнул в мутную зеленоватую воду за бортом; вновь обратил ко мне свое широкоскулое, темное от загара и испещренное оспой лицо. Тогда-то я и ощутил в нем некую доселе

неуловимую перемену. В один миг Ли перестал быть хитрым сатиром со старинной картины, этаким плутоватым дельцом, нагревающим руки на бестолковых европейцах, алчущих примитивных удовольствий среди чуждой им культуры. Теперь он обернулся жутким чертом, который после долгих странствий по саду земному наконец возвращался в преддверия преисподней.

— Очень давно не бывать здесь, — сообщил Ли, пришвартовываясь. — Очень и очень давно…

— Я тоже.

Наверное, в тот момент, когда я соскочил с неустойчивого борта катера на бетонный, облепленный у самой кромки воды вязкими водорослями причал, мой триптих вступил в свою завершающую стадию.

Сезанн однажды сказал, что величественные пейзажи всегда похожи на видения, и чтобы постигнуть пейзаж, мы должны отказаться от всякой определенности — временной, пространственной, объектной; но такой отказ затрагивает не только предмет созерцания, он в равной мере затрагивает нас самих. Сезанн утверждал, что в пейзаже мы перестаем быть историческими существами, то есть существами, которые сами могут быть объективированы; мы исторгнуты из объективного мира, но также и из самих себя. Это Сезанн называл чувствованием. И вот перед неким метафизическим зрителем открывалась правая створка, на которой можно было лицезреть закат во всем его макабрическом великолепии. Я и был тем зрителем! Один только я, никого больше! — сам смотрел на то, что и породил, то, что подводило черту под всеми этими бессмысленными метаниями, всей этой глупостью, сокрытой в извечном поиске некоего недостижимого счастья, обители абсолютной благодати, названной Эдемом или, иначе, любовью. Еще не проникнувшись всей глубиной ситуации, я уже знал, что постепенно оставляю этот мир, что каким-то чудом я умудрился пересечь «Сад земных наслаждений» Босха, нанеся поверх картину своих чрезмерно идеалистических, а потому изначально обреченных скитаний, своих чувств. Теперь же передо мной расстилался музыкальный ад, лишенный, однако, всякого намека на музыкальные инструменты.

Но это только пока, ведь кошмарный пейзаж — этот апофеоз бытия человечьего! — не был окончен, лишь сформировалась его основная идея; у меня же в запасе имелось еще несколько часов…

Интересно, а как зазвучит музыкальный ад, когда партитура будет дописана?

…и это время я потратил на то, чтобы обойти Гунканджзиму, исследовать этот остров вдоль и поперек, насладиться его кладбищенским духом, его атмосферой тотального увядания, насытиться им до того, как черным покрывалом все окутает грядущая ночь. Так я оказался в самых недрах покинутого города, среди антрацитового цвета стен и пугающих, словно застывшие в безмолвном крике беззубые пасти, окон. Оказался в пустынных коридорах, где эхо долго игралось с протяжными завываниями ветра или же с пронзительным хрустом обкрошившейся шпаклевки на полу, а еще с голосами, что не всегда принадлежали нам с Ли. Оказался в заваленных всевозможным хламом комнатах, подсобках и залах, молчаливо вбиравших нас в себя и демонстрировавших свои никому не нужные тайны. Оказался в подвалах, где тьма была столь плотной, что невольно складывалось впечатление, будто ее можно потрогать руками, сжать посильнее — так, что вязкой грязью она брызнет меж пальцев. Переходя из одного помещения в другое, я невольно вспоминал леденящие душу полотна Фюзели — ждал, когда же из очередного темного угла на меня с диким ржанием ринется призрачный конь или выпорхнет демон… В трепещущем свете фонаря я с любопытством рассматривал пожелтевшие от времени и непогоды фотографии, валявшиеся среди прочего сора; рассматривал запечатленных на них людей, их рыбьи лица и натянутые улыбки, ощущая, как за спиной у меня толпятся пугливые тени — те, что некогда были этими самыми людьми. Зачарованный, я пробирался по затхлым, вполне годным для очередного жуткого пейзажа Бекшински, проходам между домов, поднимался и спускался по бессчетному числу обшарпанных лестниц, отворял скрипучие, вздувшиеся от влаги двери, которые не отворяли уже много лет…

Петляя по импровизированным кругам этих адовых декораций вечности, я старался не слушать взволнованных предостережений тащившегося за мной по пятам Ли, старался не замечать его бледного, утратившегося былую самоуверенность лица: он больше не выглядел, как сатир или черт, лишь как сбившийся с дороги бродяга, ненароком забредший в Пандемониум. В те же редкие мгновения, когда Ли отворачивался, привлеченный странным шорохом или тихим вздохом очередной тени, я бросал осторожный взгляд в сторону маячившего за окнами багряного заката. Я знал,

что когда солнце полностью погрузится за линию горизонта и наступит ночь — все закончится: тот невыносимо долгий путь, что я проделал от полного запретной страсти рассвета до нынешней юдоли скорби и одиночества, наконец-то будет завершен.

А потом каким-то немыслимым образом я потерял Ли. Он просто исчез! Секундой ранее покорно плелся за мной следом, лепеча о том, что пора возвращаться, что Хасима не место для романтических прогулок под луной и прочий вздор, а мигом позже словно растаял в сгустившемся мраке. Хитросплетения пропахших пылью коридоров и многолетняя тишина заброшенных человеческих жилищ проглотили его, пропустили сквозь себя и выплюнули на крышу здания школы, где он громко и надрывно смеялся, устремив куда-то в сумерки взгляд обезумевших глаз.

Мне пришлось преодолеть несколько лестничных пролетов, после чего долго пробираться по окутанному мглой и угрожающе скрипящему чердаку, прежде чем я оказался рядом с Ли. В руке он держал не пойми где найденный старенький револьвер, сам же не переставал улыбаться.

— Я встретить своего деда, — сообщил Ли, слегка отдышавшись. — Видеть его близко-близко! Он звать меня с собой. Звать на дно шахты, где он теперь жить. Он говорить, что там все они жить. Он говорить, что там есть сам Бог. Мертвый Бог любви! Вот что они откопать! Вот что так пугать их! Теперь они все жить там. И мой дед тоже! Там и для меня находить место! Для всех нас находить много-много места! Бог любви не спящий, я ошибаться! Бог мертвый! Он умирать давным-давно… Ха-ха! Ха-ха-ха!

Не прекращая хохотать, Ли приставил револьвер себе к виску и неустанно щелкал спусковым крючком, снова и снова прокручивая пустой барабан.

И глядя на этого свихнувшегося забулдыгу-китайца, бог знает что забывшего в Японии, я вдруг понял, что это не столько он был моим Хароном, моим Вергилием, сколько я его. Все это время Ли терпеливо дожидался меня, чтобы именно я проводил его к мертвому острову из полузабытых детских снов, острову, куда рвался сам, по своим, совершенно отличным от его причинам.

И вот тогда, повернувшись лицом к последним отблескам заката, уставившись на это загустевшее кровавое марево, я подумал о тех причинах — я подумал о моей Жанне Самари, о ее стеснительно-игривой улыбке, о лукавых ямочках на щеках и о влажном розовом язычке, мелькавшем меж жем-

чужно-белых зубов, о земляничном дыхании ее молодости. Я вспомнил наш с ней рассвет, пленительно-жгучий, полный запретного наслаждения; вспомнил переливы ее сладострастных стонов и ее пересеченный шелковистыми прядями, мутный от блаженства взгляд…

Все-таки как же моя Жанна была похожа на Жанну Самари кисти Ренуара — те же глаза, тот же овал лица, те же огненно-рыжие локоны и та же мечтательная влюбленность, запечатленная во всем ее облике! При том между ними имелось и одно существенное отличие, ведь Огюст Ренуар изобразил зрелую женщину, в то время как у моей Жанны едва наступило менархе. Я не имел права любить ее, не смел вожделеть ее юного, еще не познавшего мужских ласк тела, но и противостоять этому внутреннему зову я был не в силах. Будучи всего лишь ее учителем, я пытался претендовать на большее! — стать не только наставником, но и другом, любовником. И она сжалилась надо мной. Моя новоявленная Венера, разметав пену дней, она подарила мне первый в моей жизни рассвет, гаммой и чистотой красок не уступающий шедеврам мастеров рококо; она сделалась моей личной Евой в саду земном, и вместе мы познали упоительно-чарующую прелесть греха…

Увы, как я уже сказал, наша с ней живопись породила целый триптих, где ей было отведено место лишь в самом начале. Мне же предстояло пройти его до конца — до своего логического завершения. И встретить этот финал я мог лишь строчками из Катулла; вздохнув, как если бы обращаясь к моей Лесбии — к Жанне! — я прошептал:

— Nobis cum semel occidit brevis lux, nox est perpetua una dormienda…

***

Я жду, и мое ожидание не напрасно…

…И когда солнце окончательно умирает, в воспаленные глаза мои закрадывается тьма. Там больше нет отражений — нет сгустков ядовито-желтой пены, нет полированных морем иссиня-черных камней, и ленивых изумрудного цвета волн, их омывающих, тоже нет. Бесследно исчезает и алчущая беспросветная бездна, и плотная пелена аспидно-серого тумана на юге. Отныне я ничего не вижу, я слеп, а потому спокойно закрываю ненужные мне глаза. Теперь лишь слышу, как равномерно бьется мое немолодое сердце, и как тихо перешептывается с ветром прибой. Слышу, как шуршит по-

жухлая трава, и как хрустит гравий под подошвами ботинок… бесчисленного множества пыльных заношенных ботинок! А еще голоса, голоса, да… Готов поклясться, что различаю, как где-то в темных недрах шахт сдавленно хихикает Ли…

Это и есть истинная музыка! Слишком долго я занимался пустым созерцанием, теперь настала пора слушать! И я слышу, как…

…на остров медленно надвигается ночь.

На остров медленно надвигается ночь.

Медленно надвигается ночь…

Георгий Панкратов
Билет

Дело было на автовокзале обыкновенного города N. До автобуса оставалось минут пять. «Если потороплюсь, то успею, — подумал Игнат. — К тому же, водитель подождет — вон, Борька ему скажет».

Игнат действительно обратился к Борьке, стоявшему рядом:

— Мне надо в туалет, — сказал он. — Ты водилу попроси, шоб без меня не уезжал, — и для пущей убедительности хлопнул его по плечу.

— Без базара, брат, — ответил Борька. Выпили они в честь отъезда прилично. Игнату не терпелось. Он обошел большой красный автобус и завернул в парк. Как назло, везде люди — придется идти в туалет, а не под кустик. Непривычно! А ведь он, наверное, платный.

Так оно и оказалось. На входе сидела тетенька и лениво поглядывала на табличку: «Стоимость 10 рублей». Достал из кармана «чирик», не без сожаления отдал.

— Ваш билет, — хмуро буркнула тетя.

— Билет — выдавил из себя Игнат — Зачем?

— Не знаете — не спрашивайте. А то узнаете, — проворчала тетенька.

— А, понял, — сказал Игнат и даже кивнул головой, хотя ничего и не понял. Небрежно взял билет и направился ко входу.

Помещение было просторным. Десять кабинок, зеркала, две раковины, автомат с презервативами и целых два ряда

писсуаров. Однако чистотой тут и не пахло. А пахло тут чем-то другим. Не будем об этом. Сразу на входе Игнат наступил в большую лужу. Посмотрев в нее, он выругался и уронил билет. Тот моментально намок.

— Ну и хер бы с ним, — задумчиво произнес Игнат.

— Эй, потише там с матами, — донеслось из кабинки — А то отхватишь.

Пошатываясь, Игнат подошел к кабинке. Не спеша принялся расстегивать ширинку, предвкушая кайф. Из соседней кабинки доносились громкие звуки — впрочем, какие там звуки: один сплошной свист и дрист.

— Эй, мужик! — крикнул кто-то, очевидно игнтатовому соседу — Я сколько ни хожу в этот сортир, всегда тебя тут вижу. И даже слышу!

— Да, ыыы, — раздалось мучительное хрипение — Работаю тут, недалеко... Поносы мучают, ух-ф...

— Поносы, поносы... А мне думаешь, приятно это все?

— Да я понима... — начал мужик, но его резко прервали.

— Тааак, — рявкнул кто-то, и Игнат, только было приготовившийся отлить, замер.

В сортире материализовались четверо здоровенных парней в камуфляже и с автоматами. Рожи у всех источали злобу и вовсе не выражали желания шутить. Все как один были бритыми.

— Билеты предъявляем, — рявкнул один из вошедших.

— Контролеры, — прохрипел кто-то возле раковины.

— Договоришься у меня, — орал бритый. — Билет-то есть?

— Да-да, конечно, — парнишка лет шестнадцати дрожащими руками рылся в карманах. Наконец, он достал билет и протянул контролеру.

— Дела свои сделал?

— В... в смысле?

— Ну, посрал, идиот?

— А... Д-да. Ну да.

— Ну так вали, чего ждешь?

Парень пулей выскочил за дверь.

— Так, ну а мы что сидим? — контролер направил автомат на кабинки.

— Мне... Мне плохо, — простонал мужик из соседней с Игнатом.

— Билет, сука, чего, глухой? — «камуфляж» резко двинулся к кабинке, но один из сопровождавших бойцов схва-

тил его за руку. Кто-то открыл дверь снаружи, но тут же захлопнул ее. Послышались шаги быстро убегающего человека.

— Мне плохо, понимаете… Когда я подумал, что я уже все… ну, вы понимаете, уже закончил, я этим билетом… А потом захотелось снова… Боже, я уже не могу так жить!

— Вот и отлично, — гаркнул лысый. — Выходи.

Мужик, словно под гипнозом, вышел из кабинки. В его глазах Бог Ужаса играл Судьбою Мира.

— К стене!

— Что?

— К стене, гнида!

Мужик подошел к зеркалу, посмотрел на себя — бледный, убогий, губы трясутся.

— Посмотри на свое отражение, — приказал «камуфляж». — Видишь?

— Д.. да.

— Запомни себя таким!

Автоматная очередь пронзила его — тело, сперва неуклюже упав на колени, рухнуло на пол. Поморщившись, бритый направился к приоткрытой кабинке. Его взгляд встретился с глазами подростка. В руке тот сжимал журнал с фотографиями голых женщин.

— Любишь экстремальный онанизм? — контролер усмехнулся. — А ты знаешь, что это запрещено?

Вдруг из первой кабинки кто-то ринулся к выходу. Это был Игнат. Но трое парней у входа крепко схватили его.

— Так, так — главный обратился к Игнату. — Не терпится со мной пообщаться? Погоди, дружище, — он снова повернулся к пареньку.

— Вот что, парень. Ты знаешь, что ты преступник? — контролер рванулся в кабинку, схватил мальчишку за руку и потянул наружу. Тот заорал.

— Аааа, я сам, я сам!

Но просьба не была удовлетворена.

— Сам Самыч, блин, — «главарь» подвел мальчишку к раковине и крикнул парням, державшим Игната.

— Нож! Быстро!

Один из бритых достал складной нож и кинул его «главарю». Резким движением «камуфляж» перерезал нарушителю горло. Мальчик упал, издавая глухие хрипящие звуки, зафонтанировала кровь.

— Раздел 605, пункт 2, — с видом скучающего философа произнес контролер.

— А расстрелять? — глухо спросил один из качков.

— Так билет-то есть, — ответил каратель. — В кармане у него.

— Ну… вернемся к нашим баранам, — успокоился качок.

— У меня есть билет! — завопил истошно противник мата. Он стоял почти у выхода.

«Странно, — отметил про себя Игнат. — Я и не видел, как он подобрался». И тут его словно обдало ледяной водой: лужа возле выхода была пуста! Точнее, не совсем пуста. Фекалии в ней по-прежнему были. Не было билета.

— Он украл мой билет! — вскричал Игнат. — Я же его у… — но тут парни в камуфляже закрыли ему рот. Один крепко прижал ладонь к его губам, другой приставил к горлу нож. Подействовало.

— Фигушки, — противник мата чуть ли не пустился в пляс, громко хохоча — Это мой билет! Я его купил! Десять рублей! Десять российских рубликов!

И он протянул «главарю» контролеров билет.

— Почему грязный?

— Так эээ, — растерялся противник грубых выражений.

— Выписываем тебе штраф — подзатыльник, — хмуро произнес «главарь». И действительно отвесил «счастливому пассажиру» подзатыльник.

— ААА! Можно я пописаю еще, а?

— От радости?

— Ага!

— На улице пописаешь! Вали.

— Понял.

Уговаривать матоненавистника долго не пришлось. В помещении остались лишь совершенно трезвый Игнат и помятый мужик лет сорока. Ну, и контролеры.

— Что ж вы делаете, — ворчал мужик, выходя из кабинки под прицелом автомата, стараясь не смотреть на расстрелянный труп и агонизирующее в луже крови тело паренька.

— Билет! — рявкнул лысый.

Мужик протянул двести баксов. На лице «главаря» мелькнуло удовлетворение, но вслух он произнес нечто совсем другое:

— Ты оцениваешь свою жизнь именно во столько?

— У меня больше нет, — мужик опустил голову.

— Знаешь, — бритый задумался. — Когда мне было 18, один мой друг все время покупал мне пиво в магазине. Это чтоб я его не побил вечером. И однажды, когда продавщица отошла за холодненьким, он положил на электронные весы

несколько купюр. А весы по-прежнему показывали: 0, 00… И тогда он сказал мне: смотри, сколько весят деньги. С тех пор я его не бил. А вскоре мы и распрощались. Он уехал на Север куда-то, ну а я тут, в этом городе N., как там наш автор пишет…, Впрочем, это все так…

— А сколько тебе сейчас? — перебил его мужик.

— 42.

— И мне 42. А ты Толя?

Контролер пристально посмотрел на него.

— Да.

— И пива тогда, которого ты хотел, не было. И ты очень злился, но потом мы пошли купаться и напоролись на троих ублюдков. Кое-как выжили. Ты еще долго потом распинался, как меня уважаешь, когда мы доползли до подъезда.

— Стоп! — крикнул тот, чье имя было Толя, и закрыл уши. — Я не хочу это слышать. Это молодость, я ее ненавижу. Это пиво на честно заработанные гроши, эти гопники, что отбирали их каждый вечер. Этот дикий пульс в мозгу: не ходи на улицу — побьют. Я бил тебя потому, что ты был слабее. Так мир устроен. Ты бил восьмиклассников, поджидая за углом школы. А потом забирал деньги и проставлялся на них мне, чтоб я не бил тебя. А потом били меня, чтобы я отдал пиво. Били, били… Почему они были так жестоки? Я же играл на гитаре, сочинял музыку, блин, кайфовал от жизни. Я приехал издалека. Я любил их всех заранее. Я вышел во двор, я сказал им всем: привет! А они мне: пошел на … ! Я мечтал, что деньги… что выучусь и куплю все и всех. Но тут ты со своими словами о весе денег. И я разом все понял. Ты не выдержал, ты уехал. А мне уезжать было некуда. У меня в жизни был только один шанс. И вот он я, перед тобой. Вот мое место в жизни.

— Нет, Толя, нет. Я скажу тебе кое-что важное.

— Нет. Я не хочу споров. Не хочу утешений. Не хочу предложений. Убирайся. Ты дерьмо, хоть и был моим другом. Впрочем, деньги я все равно возьму.

— Толя, подожди… Это важно! Я искал тебя…

— Деньги! — крикнул «камуфляж» и направил автомат на собеседника.

— Это изменит твою жизнь!

— Деньги!

— Толя, ты ж теперь будешь…

Но он не успел договорить — нервный Толя с грязными воплями выпустил в него очередь. Мужик неуклюже рухнул, прислонившись спиной к кафельной стене. Казалось, что

даже став покойником, друг юности не отводил взгляда от убийцы. Тот поспешил отвернуться.

Игнат задрожал. Теплые струйки снова потекли по внутренним сторонам ног.

— Знаешь, — сказал «главарь» Игнату, которого уже держали за руки контролеры. — Ведь не я это выдумал. Я лишь слежу за тем, чтобы все было в порядке. Ведь если не будут соблюдать одни законы, одни правила, не будут соблюдать и остальные. Верно ведь? Система — вот что главное, даже в отдельно взятом сортире. А теперь скажи мне, у тебя есть билет?

— Нет, — ответил Игнат. — Но я понял. Я все понял. Только можно один вопрос?

— Философский? — усмехнулся «камуфляж».

— Почти. Скажи, если бабушка, ну то есть тетенька на входе продает билеты и все равно не пустит без них, то зачем же их тут проверять?

— Что упустит тетенька, доделаем мы. Тетеньки несовершенны. Мир — вообще несовершенен, — он сплюнул. — Все?

— Да.

У выхода послышался шум, и присутствующих резко обдало перегаром. Пока еще не понимая всех подробностей ситуации, но уже отчего-то трезвея и покрываясь холодным потом, Борька — а это был он — крикнул, заметив друга:

— А ты все еще здесь? Автобус уже полчаса как уехал!

И медленно попятился.

Ильдар Насибулин
Снежный Король

Утром к Снежному Королю в покои вошел камердинер и, забыв о манерах, взволнованно заговорил:

— Протекторат пал, ваше величество! Над нами больше никого нет. Государство свободно!

Снежный Король, холодный со сна, низким ледяным голосом спросил:

— Что делают люди?

Камердинер задумался на минуту, потом робко сказал:

— Пойду посмотрю, Ваше Величество.

Снежный Король хотел остановить слугу, но тот уже скрылся за дверью.

Его Величество встал и подошёл к окну. Двор был пуст, дорожки не чищены, все засыпал первый обманчивый снег. Снежный Король обычно всегда радовался приближению зимы, но в это утро что-то мешало ему насладиться великолепной погодой. В голове стучал, как загнанное сердце вопрос:

— Что делают люди?

День замер. Солнце за низкими серыми облаками висело неподвижно, не желая клониться к закату. Снег шёл, двор внизу заметало. Снежный Король оделся и отпил ледяного кофе. Стало веселее, проснулась привычная сила в руках. В голове далеко-далеко заиграл забытый вальс. Снежный Король спускался в кабинет и, глупо улыбаясь, говорил:

— Протекторат пал. Теперь свободная страна. Интересно, что люди делают.

В кабинете никого не было, но расторопные слуги все уже приготовили для записи обращения к Народу. Снежный Король встал перед камерой и заговорил высоко и торжественно о долгожданной свободе, о правах в государстве, о любви и долгой счастливой жизни.

Потом остановил запись. Солнце за плотными тучами не двигалось. Снежные хлопья не прекращались. Снова зазвучал в голове далёкий вальс. Снежный Король дослушал коду и с полуулыбкой на ледяном лице нажал «Опубликовать».

Видео кануло в сеть. Снежный Король хотел позвать камердинера, но вспомнил, что тот ушел смотреть, чем занимаются теперь люди в государстве. Тогда Снежный Король направился в Зал Переговоров. Министры, вероятно, уже прибыли и ждут его появления. Нужно обсудить дальнейшую политику внутри государства и наметить внешние связи. Кроме того, доверенные лица должны обрисовать обстановку в парламенте. Ещё было бы неплохо послушать, что говорят в Совете. Теперь нужно знать настроение этих деятелей, что-то им взбрело теперь в голову?..

В зале переговоров оказалось пусто. Снежный Король прошелся вокруг гигантского овального стола и поправил спинку одного из кресел. «Как будто кто-то сидел тут недавно». Снежный Король сел напротив того места, где обычно восседал сам. Его привычное кресло во главе стола показалось таким далеким и маленьким, что Король вслух удивился:

— Как же они меня видят? И слышат?

Его голос странным эхом разнесся по залу и скоро затих. Снова заиграл далекий вальс. Снежного Короля начала раздражать эта навязчивая мелодия. Ему даже на миг показалось, что кто-то во дворце специально её включает, чтобы досадить ему. Желая расправиться с незнакомым мотивом, Снежный Король открыл в смартфоне приложение, которое устанавливает происхождение мелодии — достаточно только напеть привязавшийся мотив. И он промычал в микрофон назойливую коду.

Совпадений не найдено.

Снежный Король какое-то время смотрел на эту досадную фразу на экране, потом погасил смартфон и принялся смотреть в окно.

Неплохо было бы перекусить.

Протекторат пал, а я ещё толком не завтракал сегодня.

Снежный Король отправился в Столовую, где в это время ему по обыкновению подавали завтрак. Еда и вправду была уже на столе, который был сервирован как и прежде изысканно и просто. Не было только лакея, который прислуживал бы королю за завтраком. Снежный Король махнул рукой и принялся за еду. Он почти расправился с яичницей, как вдруг за его спиной грянул злополучный вальс. Снежный Король поледенел от злости, швырнул вилку и нож и гневной походкой последовал в кухню. Ему казалось, что вальс звучал именно оттуда.

В кухне никого не было. Снежный Король уловил затухающий звон посуды, как если бы только что некий невидимый оркестр дал туш и тут же приглушил звук. Стало совсем тихо и в этой тишине слышалось, как падает за окном снег. Некий голос спросил:

— Чей же это вальс? Никак не припомню.

Снежный Король думал о том, его ли это был голос:

— Кто скажет мне: я или не я говорил?

Кто скажет мне: я или не я говорил?

«Кто скажет мне, я или не я».

Снежный Король вернулся к себе в спальню и попытался заснуть:

— Вернется камердинер и разбудит.

Вернется и — разбудит. Снежный Король закрыл глаза и услышал:

— В твоем дворце теперь поселилась Машина. Она будет решать все государственные вопросы. Ты же можешь заниматься, чем тебе хочется.

Снежный Король не поверил и заснул.

+++

Как ему Объяснить, что теперь я Занимаюсь государственными делами?

+++

Снежный Король проснулся от скрипа шагов по свежему снегу. Он выглянул в окно и увидел, как к окну королевской спальни пробирается на снегоступах его камердинер. Ему еще далеко идти, он у самых ворот в резиденцию. Пойду пока поброжу.

— Пойду пока поброжу.

Снежный Король шел по галерее и думал о Государственной Машине:

— Снежный Король шел по галерее и думал о Государственной Машине:

«Если машина умеет завинчивать гайки, вбивать болты, высверливать гвозди — то дело всей моей жизни пропало. Как найти эту машину?»

— Я у тебя под ногами.

Снежный Король остановился и долго смотрел в пол. Он почувствовал тепло, исходящее от каменных плит. С теплом шел вкрадчивый голос:

— Я буду вместо тебя Вершить судьбой государства. То есть уже давно Вершу. Твои министры не приехали, потому что я уже Дала им все указания. Я часть дворца, а ты часть меня. Мы оба части, но часть моя больше, чем часть твоя.

Снежный Король думал, что ничего не понимает. На самом же деле он не понимал ничего:

— Как только я найду тебя — сразу уничтожу.

Как только я найду тебя — сразу…

— Не торопитесь, ваше Величество. Я Поменяла шрифт в вашем телефоне и документах, а камердинер теперь разговаривает не иначе как на татарском. Лучше тебе подчиниться.

А я и подчиняюсь. Сам говорю:

— Я и подчиняюсь. Сам говорю:

«нужно бежать отсюда, плевать на камердинера».

Снежный Король побежал по дворцу, проверяя — поспевает ли за ним Голос Государственной Машины.

+++

Сердце Машины должно быть где-то во дворце. Я таю от её деятельности. Скоро мне быть водой.

Незнакомый вальс сообщает о её приближении. Я слушаю и занимаюсь подробным осмотром стен дворца. В какой-то из них спрятано сердце злополучной Машины.

Тепло идёт от стен в моей спальне. Я разбираю все стены во дворце так, чтобы остались только несущие конструкции. Машине не скрыться. Местонахождение вальса будет установлено.

+++

От дворца остались одни стены. Огромное пространство внутри занимают груды камней и кирпича. Ледяные скулы его Величества покрыты пылью. Снежный Король тает на глазах.

Его Камердинер надеется на снегоступы. Он идет по сугробам двухметровой высоты и рассуждает сам с собой:

— Говорю на непонятном языке. Китайский что ли? Все бы ему знать, что народ делает. А я кто — народ или кто вообще? Народ использует снегоступы, пока король ломает стены.

Снежный Король снимает пол — слой за слоем. Ему кажется, что вальс доносится именно оттуда. Может быть, найдётся секретный подвал?

— Может быть, во дворце есть секретный подвал?

Камердинер идёт. Снег прибывает.

****

Никакого секретного подвала нет. Машины во дворце тоже нет. Снежный Король перекопал все и ждёт, когда вальс заиграет. Но знакомой коды все не слышно. У Снежного Короля, который вот-вот переломится в талии или в шее, есть старая электрогитара. Он давно не играл, но помнит все приёмы и тонкости исполнения. Музыка звучит среди руин и её слышит усталый камердинер:

— Вальс заиграл во дворце. Празднуют падение протектората. Долго мне ещё идти?

Снежный Король играл, и руки его таяли. На пальцах оставались непоправимые бороздки. Струны плотно ложились в них, и звук становился скользящим и острым.

+++

Камердинер пришёл весной, когда снег начал таять и растаял весь — до голой земли.

Снежный Король растаял по пояс. Камердинер поставил его на постамент и сказал:

— Вот, я пришёл и хочу рассказать тебе о людях.

Снежный Король шёпотом ответил:

— Быстрее, голова отваливается.

Камердинер ускорил речь:

— Люди все так же. Что-нибудь делают. Ругают тебя, хвалят тебя.

Снежный Король соорудил мольбу на лице:

— А что Машина?

Камердинер вытаращил глаза:

— Какая Машина?

Снежный Король закрыл глаза и спросил:

— Слышишь вальс?

Камердинер хотел сказать «нет», но подумал и сказал:

— Нет.

Снежный Король хотел сказать « и я нет «, но потом подумал и сказал:

— И я нет.

Так они и думали о вальсе, которого не слышали. Тогда Вальс заиграл.

+++

Живая вода мощей Снежного Короля пойдет с молотка на известном аукционе.

Камердинер собирал влагу с постамента и говорил:

— Памятники текут и время течёт.

Кто-то постучал пальцем ему по лбу:

— Вот ведь трудится. Машина была в этом постаменте. Она и теперь в нем. Это я тебе Говорю, ты чего умер?

Камердинер прекратил все движения и отвердел. Его твёрдости мог позавидовать сам Снежный Король.

23.11.18

Адам Ранджелович из «ТРОЙМЕ»

Тройме Первый

Датский философ дважды ходил на ужин к своей дальней родственнице, которой повезло, в отличие от него, жить весьма роскошно, в чём и можно было узреть дальность их родственных связей; впрочем, он не испытывал зависти оттого — такое случается при кровном родстве — что не оказался задет её богатством, несмотря на определённую долю презрения, которую по отношению к ней и подобным ей испытывал, тем не менее, вовсе не по причине наличия денег.

В первый вечер, в плохом расположении духа и скуке, он всё же увеселял свою дальнюю родственницу и её гостей в течение трёх часов, так как не желал в очередной безликой череде жизненных компромиссов — которые, между прочим, означают вполне конкретную *приглашённость* — портить всем окружающим настроение одним своим присутствием. После ужина, практически изнемогая от усталости, он пешком возвращался домой и раздумывал над идеей самоубийства, на которой время от времени, себя ловил.

Во второй вечер, который случился немногим позже того, первого, датский философ всё же решил вновь заявиться, вновь согласившись на приглашение; но сразу же, ещё в проёме салонных двустворчатых дверей, заявил во всеуслышание, что он не желает, чтобы его *звали танцевать*, так как он *не танцует*, отчего все гости так долго смеялись, что всем им вдруг (абсолютно каждому из них) этот смех показался невыносимо отвратительным, поганым, словно болезнь, гнойным, не только как звук, но и как действо, как группа людей, которые хохочут и не могут остановиться.

Позднее, возвращаясь пешком домой, датский философ размышлял о том, где же он ошибся, но в этом аналитическом процессе так и не сумел достигнуть тех высот, того размаха, который сопровождал мысли о самоубийстве, которые, впрочем, и сами не принесли ему никакого облегчения, в которое он даже и не верил.

Тройме Второй

Часто, бывая в Париже, мы ночевали у одного нашего приятеля румына, автора крайне меланхоличных и едких афоризмов, которого мы уважали и искренне любили, хотя и не доверяли афоризмам, даже тем, которые написал он, что ни ему, ни нам не мешало.

Он жил в мансарде жилого дома из шестидесятых на очень шумной улице, о которой у нас после всех этих лет сложилось лишь впечатление, что она грязна и до боли скучна.

Не обращая внимания на скромный размер его жилья, каждый раз, приезжая в Париж, мы не соглашались на приглашения других наших друзей и прочих знакомых, а, приходя в ужас от мертвенного «уюта» гостиниц, жили исключительно у нашего румынского приятеля.

Единственным условием, которое он всегда и категорически нам ставил, было ни в коем случае не открывать окно, единственное окно в его «жилище», как он сам называл свою комнатушку, и как, следуя примеру нашего приятеля, называли его и мы сами; так как природа вещей, их естественный порядок в «жилище», казался нам совершенно ясным (глубоко в него не вникая), из этого следовало неукоснительное повиновение по отношению к запрету, который многим казался эксцентричной выходкой, попыткой создания проблем на так называемом ровном месте.

Тем не менее, во время нашего прошлого приезда и пребывания в мансарде нашего румынского приятеля, пока мы разговаривали о вещах вне всякой конкретики, уловив момент (нам показалось, что это был именно такой момент!), мы спросили, в чём же причина запрета на открытие окна, ведь летом, накурив, мы делали комнатёнку абсолютно непригодной для жизни; в ответ приятель рассказал нам, что верит (это, кстати говоря, слово, которое он никогда не употреблял без иронии, слово, которое он буквально ненавидел, но только не в тот раз), будто Чаушеску из Румынии — страны, которую наш приятель видел только во сне или в воспоминаниях о счастливом детстве — шлёт отравленный воздух с намерением убить его, писателя и диссидента, тихо и без доказательства убийства. Это нас потрясло, мы ушли на следующее же утро, хоть и планировали остаться в Париже ещё на несколько дней. Мы холодно пожали руки тем утром, не смотря друг другу в глаза. Ещё долгое время в нашей

голове отчётливо раздавались отзвуки того безумного разговора, невзирая на все попытки его забыть.

Через пару лет, из-за тумана в мозгу, по старой привычке, прямо с железнодорожной станции мы отправились на такси к нашему румынскому приятелю, писателю афоризмов, предвкушая все те разговоры и прогулки, которые нас ожидают. Мы никогда не переписывались, никогда не разговаривали по телефону, мы никогда не сообщали ему каким-то заранее, что планируем приехать. Его двери всегда были для нас открыты, но сейчас мы звонили в дверь, стучали, били кулаком несколько минут, но нам так никто и не открыл.

Сперва мы подумали, что наш румынский приятель находится в одной из своих редких (одинокий, он в основном сидел в своей мансарде), но долгих прогулок, которые, как ему казалось, чем-нибудь да и могли ему помочь до тех пор, пока он не решит твёрдо с собой покончить (что никогда бы не случилось, зная его), а до тех пор надо немного и поберечь свой будущий труп в диалектике повседневности и неизбежности. Так мы и просидели около четырёх часов под его дверью, обнимая свою сумку, на которую водрузили подбородок, после чего били в дверь нашего румынского приятеля с такой силой (может он настолько оскорбился из-за того, прошлого раза, что не хотел открыть нам?), что один из его соседей, которого мы вполне неплохо знали, вышел одетый, так сказать, ко сну, готовый драться, пока он не узнал нас в полумраке и не пригласил к себе на узкую кухню, которой так нескрываемо стыдился, хоть и пытался спрятать стыд и боль, которые причиняла ему маленькая кухня, где и поместиться толком нельзя было двум мужчинам и одной дорожной сумке. Но мы как-то справились.

Там он и сообщил, а лицо у соседа было смятое, и глаза его были красными, непрерывно извиняясь, что ему не известны, как говорится, те или иные детали этой истории, истории про то, как наш румынский приятель, сосед нашего собеседника, несколько дней назад был обнаружен мёртвым в своей мансарде. Это была странная смерть, как сообщил нам владелец несносно маленькой кухни, где мы корчились от телесных испарений (был уже вечер, убогий летний вечер), очень и очень странная смерть, бессмысленная даже, добавил сосед. В общем, труп был обнаружен в кресле, и мы тут же так ясно себе представили: румынский писатель и диссидент, очевидно, удобно устроился, чтобы почитать или подумать в жаркий невыносимый летний день, полный скуки,

вызывающей апатию. На его лице не было испуга или даже тревоги, оно было спокойным, задумчивым в своей расслабленности. Все немногочисленные вещи в комнате находились на своих местах. В одной руке — книга («Исповедь» Блаженного Августина), в другой — конверт, причём, отмечает сосед, утверждая, что это факт, конверт был пустым. Что ж, подумали мы, собираясь встать и уйти, остановка сердца — не самая худшая из возможных смертей, а уж тем более, если взять в расчёт, каким медленным человеком был наш румынский приятель. Логично, что в какой-то момент он просто перешёл в абсолютную статику, где смерть, всего лишь пароксизм повседневного замирания.

Затем, когда мы уже стояли с нашей сумкой в проёме дверей, пожимая соседу нашего, как нам теперь стало ясно, покойного румынского приятеля, руку, он коротко добавил, рьяный, как и всякий рассказчик, в то же время показывая всем своим видом, что ему известно, что эти мелкие детали нас, скорее всего, не заинтересуют, да и никакого такого значения не имеют; он лишь добавил, что конверт был отправлен из Румынии, а судя по обыску в квартире, полиция считает, что в нём не находилось ничего, кроме, быть может, воздуха.

Тройме Третий

Слышали по радио, что один уличный маг обратился в полицию с заявлением, жалуясь на случайного прохожего, которого он, маг, попросил ассистировать в одном из его бесчисленных трюков, которые можно было увидеть каждый день на какой-нибудь улице, где крутятся туристы, зеваки, ну и просто всегда полно народу. Но, ввиду несерьёзности этого молодого человека, как выразился маг, он получил перелом ступни, и, судя по всему, будет хромать до конца жизни. Этот нагло-несерьёзный прохожий не отозвался на просьбу мага придержать *энергетический сейф,* который мастер иллюзии в тот момент достал из груди. По словам мага, его импровизированный помощник (он часто ставит ударение на случайности в выборе своего ассистента, надеясь, очевидно, тем самым отклонить все подозрения касательно своей и без того сомнительной профессии) просто посмеялся над просьбой и издевательски выбил ладонью *энергетический сейф* из рук мага, в последствии чего тот упал и раздавил ему ступню.

Маг определённо всё ещё был в бешенстве: заикаясь, крякая, он обозвал прохожего слепцом и сумасшедшим, так как тот, если верить пострадавшему, так несерьёзно и пренебрежительно отнёсся к заданию, да ещё и ударил мага по рукам, словно в них ничего и не было.

Тройме Четвёртый

Давным-давно, во время вручения Нобелевской премии по литературе, писатель из одной социалистической страны, взбешённый требованием встать на колено перед шведским Его Королевским Величеством — а именно в такой позе ему и вручили бы медаль — потеряв рассудок, наотрез отказался встать перед королём на колено, но требование повторилось, и писатель начал душить коронованного отца всех шведов прямо на глазах у распухшей от центрального отопления и шампанского публики. Несмотря на все попытки присутствовавших убрать руки Нобелевского лауреата (во избежание тавтологии кажется практичным перейти на титулы) с шеи шведского Его Королевского Величества, даже тринадцать разбитых о спину и колени стульев, одна курительная трубка, глубоко засунутая в ухо, три попытки поджечь безумца, и безмерное количество ударов кулаками и ногами, ничего не действовало на покрасневшего от потуг писателя. Король кряхтел и брыкался бессильно, но пальцы всё глубже впивались в его кожу, всё твёрже обхватывали его шею, отчего позвонки хрустели, как снег под ногами.

Трудно представить себе ужас, который явился, по обыкновению, с парой секунд опоздания, а в двух актах: первый, после того как шведское Его Королевское Высочество с вытаращенными глазами и освобождённым языком, померло; второй: после пары тупых ударов о пол (в тишине, которая сконцентрировалась, эти удары казались безмерно громкими) и лёгкое кувыркание марблов, о которых люди всегда думали, что это — глаза Его Королевского Величия.

мертвый текст

Филиппо Томазо Маринетти
Наслаждение быть освистанным[1]

Из всех литературных форм наиболее мощным футуристическим значением обладает без сомнения театральная пьеса.

Мы желаем также, чтобы драматическое искусство перестало быть тем, чем оно является ныне: жалким ремесленным изделием, подчиненным требованиям рынка, городским развлечениям и удовольствиям.

Для этого нужно вымести все скверные предрассудки, которые душат авторов, актеров и публику.

1. Вот почему мы рекомендуем авторам презрение к публике, а в особенности к публике первых представлений, психологию которой можно свести к следующему: соперничество женских шляпок и туалетов, тщеславие дорогих мест, преобразующееся в интеллектуальную гордость, ложи и партер, занятые зрелыми и богатыми мужчинами, ум которых естественно склонен к пренебрежению, а пищеварение очень деятельно, что несовместимо с каким бы то ни было интеллектуальным усилием.

Настроение и интеллигентность публики изменяются соответственно различным театрам города и четырем временам года. Они подчинены политическим и социальным событиям, капризам моды, весенним ливням, избытку тепла или холода, последней статье, прочитанной в вечерней газете. К несчастью, единственное желание публики спокойно переваривать пищу в театре. Стало быть, она совершенно неспособна одобрять, не одобрять или исправлять произведение искусства. Автор может пытаться вытащить

[1] Перевод М. Энгельгардта. Печатается по изданию 1914 г.

публику из ничтожества, как вытаскивают утопающего из воды. Но пусть он остережется, чтобы его не захватили судорожные руки публики, так как в таком случае неизбежно пойдет ко дну вместе с нею при громе аплодисментов.

2. Мы рекомендуем также отвращение к немедленному успеху, венчающему посредственные и банальные труды. Пьесы, которые захватывают прямо, непосредственно, без объяснений, всех индивидумов публики, — это произведения более или менее построенные, но абсолютно лишенные новизны и, следовательно, творческого гения.

3. Автор/ы должны интересоваться только новаторской оригинальностью. Все пьесы, которые исходят из общего места или заимствуют у других произведений искусства свою идею, свою нить или часть своего развития, абсолютно презренны.

4. Лейтмотивы любви и треугольник адюльтера, до чрезвычайности истрепанные в литературе, должны быть сведены на сцене к значению второстепенных эпизодов, аксессуаров, какими они стали теперь в жизни, благодаря нашему великому футуристическому усилию.

5. Так как единственная цель театрального искусства, как и всякого искусства, оторвать душу публики от повседневной реальности и экзальтировать ее в ослепительной атмосфере интеллектуального опьянения, то мы презираем все пьесы, которые стремятся только взволновать и довести до слез посредством фатально расстраивающего зрелища матери, потерявшей своего ребенка, молодой девушки, которая не может выйти за своего возлюбленного, и других подобных же пошлостей.

6. Мы презираем в искусстве, а особливо в театре, все исторические реконструкции, извлекают ли они свой интерес из знаменитых героев: Нерона, Цезаря, Наполеона, Казановы или Франчески да Рамини, или опираются на внушение, производимое бесполезной пышностью костюмов и декораций прошлого.

Современная драма должна выражать великую футуристическую мечту, которая выделяется из нашей современней жизни, раздражаемой земными, морскими и воздушными скоростями и управляемой паром и электричеством.

Нужно ввести на сцене царство Машины, великий революцйнный трепет, волнующий массы, новые течения идей и великие научные открытия, которые совершенно преобразовали чувствительность и мышление людей

двадцатого века.

7. Драматическое искусство должно давать не психологическую фотографию, а опьяняющий синтез жизни в ее многочисленных и типических линиях.

8. Нет драматического искусства без поэзии, то есть без опьянения и без синтеза. Правильные просодические формы должны быть исключены. Футуристический писатель будет пользоваться свободным стихом: изменчивой оркестрацией образов и звуков, которая, исходя от самого простого тона, чтобы выразить, например, с точностью появление слуги или закрытие дверей, постепенно повышается вместе с ритмом страстей, в строфах, поочередно мерных и хаотических, когда нужно, например, возвестить о победе народа или славной смерти авиатора.

9. Нужно уничтожить наваждение богатства в литературном мире, так как жадность к прибыли толкает в театр бесчисленные умы, одаренные исключительно качествами хроникера и журналиста.

10. Мы желаем подчинить актеров авторитету писателей, вырвать актеров из-под власти публики, которая неизбежно толкает их на поиски легкого эффекта и удаляет от всяких поисков глубокого толкования.

Для этого нужно уничтожить смешной обычай аплодисментов и свистков, который может служить барометром для парламентского красноречия, но уж, конечно, не для достоинства произведения искусства.

11. В ожидании этого уничтожения мы рекомендуем авторам и актерам наслаждение быть освистанными.

Не все, что освистывается, хорошо или ново. Но все, что немедленно удостаивается аплодисментов, не превосходит среднего уровня умов; следовательно, это есть нечто посредственное, банальное, пережеванное или слишком хорошо переваренное.

Высказывая эти футуристические убеждения, я с радостью могу выразить уверенность, что мой гений, не раз освистанный французской и итальянской публикой, никогда не будет погребен под грузом аплодисментов.

Антонен Арто
Покончить с божьим судом[2]

kré
kré
pek
kre
e
pte
puc te
puk te
li le
pek ti le
kruk

Порядок должен быть наведён
самым грозным образом

Вчера я узнал
(Возможно, я отстал от времени
Или, быть может,
Это всего лишь сплетни,
Один из тех грязных слухов, что коловращаются между раковиной и отхожим местом в час, когда желудки набиваются уже кем-то пережёванной пищей)
Вчера я узнал
Об одной из самых СЕНСАЦИОННЫХ официальных практик в американских школах,
которые, несомненно, заставляют эту страну верить в то, что она идёт во главе прогресса.
Похоже, что, помимо обычных экзаменов и тестов, которым они подвергают ребёнка, впервые пришедшего в школу, существует ещё и так называемый семенной тест или тест спермы.

[2] Перевод с французского: Frater Lokis; г. Че, что близ Данвича; 130 г. (или 2019 по ложному летоисчислению).
Редакция: Фома Ждущий.

И который заключается в том, что у этого впервые пришедшего ребёнка берут немножечко его спермы,
чтобы поместить её в баночку и держать её наготове на случай необходимости искусственного оплодотворения, который мог бы возникнуть впоследствии.
Ибо американцы всё чаще и чаще ощущают недостаток рук и детей,
но рук отнюдь не рабочих,
а СОЛДАТСКИХ!
И они хотят любой ценой,
во что бы то ни стало,
создавать и производить солдат
для всех будущих войн планетарного масштаба, которые могли бы в дальнейшем произойти
и сокрушительная мощь которых продемонстрировала бы СВЕРХПРЕВОСХОДСТВО американского продукта и плоды американского пота во всех сферах деятельности,
а также высокую динамичность силы.
Потому что необходимо производить,
необходимо любой ценой и любыми доступными средствами ЗАМЕНИТЬ ПРИРОДУ всюду, где она может быть заменена.
Необходимо направить инерцию людей на важную деятельность,
необходимо, чтобы рабочий всегда был чем-то занят,
необходимо, чтобы создавались новые сферы деятельности,
где мы, наконец, узрим ГОСПОДСТВО подделок и фальши,
всех ГНУСНЫХ СИНТЕТИЧЕСКИХ ЭРЗАЦЕВ,
где ЖИВОЙ И КРАСИВОЙ ПРИРОДЕ останется лишь бесславно и раз и навсегда уступить своё место торжествующим продуктам замены,
где СПЕРМА всех заводов искусственного оплодотворения сотворит чудо, создав целые армии и броненосцы.
Больше никаких фруктов!
Больше никаких деревьев!
Больше никаких овощей!
Больше никаких лекарственных растений!
И, таким образом, больше никаких продуктов питания!
Зато вдоволь синтетики,
В парах,
в особой атмосферной влаге,
на своеобразных осях атмосферы, вырванных искусственной силой у сопротивляющейся природы, которая не знает о войне ничего, кроме страха.
ДА ЗДРАВСТВУЕТ ВОЙНА! Не так ли?

Разве не войну готовили и шаг за шагом готовят сейчас американцы,
чтобы защитить своё обезумевшее производство от любых соперников, которые не преминут окружить их со всех сторон?
Нужны солдаты, армии, самолёты, броненосцы
и, конечно, сперма,
о которой, как я погляжу, американское правительство уже имело наглость позаботиться.
ПОТОМУ ЧТО у нас много врагов, которые подстерегают нас, сын мой, нас — прирождённых капиталистов, и среди этих врагов — сталинская Россия, в которой также предостаточно вооружённых людей.

Всё это очень хорошо,
но я и подумать не мог, что американцы такой воинственный народ.
Чтобы сражаться, нужно принимать удары.
Я повидал, должно быть, немало американцев на войне,
и все они вечно прятались за неизмеримой армией танков, самолётов, броненосцев, которые служили им щитом.
Я МНОЖЕСТВО РАЗ ВИДЕЛ, КАК СРАЖАЛИСЬ МАШИНЫ,
и только бесконечно далёко за ними
были люди, которые ими управляли.
Против людей, которые кормят своих лошадей, своих быков, своих ослов последними тоннами настоящего морфина, они заменили всё это эрзацами из дыма.
Мне больше нравятся люди, которые едят прямо с земли исступлённое безумие, которое их породило.
Я говорю о Тараумара,
которые едят Пейот прямо с почвы,
во время его рождения,
которые УБИВАЮТ СОЛНЦЕ, чтобы воцарилась чёрная ночь,
и которые ЛОМАЮТ КРЕСТ, чтобы пространства пространства больше никогда не встречались и не пересекались.
А вы сейчас услышите танец ТУТУГУРИ.

ТУТУГУРИ
РИТУАЛ ЧЁРНОГО СОЛНЦА

И внизу,
словно у подножия горестного склона,
смертельно раненного в сердце отчаянием,

зияет круг из шести крестов,
далеко внизу,
словно врезанный в мать-землю,
вырезанный из тошнотворных объятий слюнявой матери.

Чёрная угольная земля — единственное влажное место в этой расщелине.

Ритуал заключается в том, что новое солнце проходит через семь точек, прежде чем вспыхнуть в отверстии земли.

И там — шесть человек,
по одному на каждое солнце,
и седьмой,
который есть само солнце
в естественном виде,
облачённый в чёрное и в красную плоть.

Однако седьмой человек — это лошадь,
лошадь, которую ведёт человек.

Но это лошадь, которая есть солнце,
а не человек.
Под щемящую тоску барабанов и протяжных, странных звуков трубы,
шесть человек, которые лежали,
перекатывались по голой земле,
устремляются вверх один за другим, точно подсолнухи,
не солнца, но вращающиеся земли, водные лотосы,
и каждое устремление отвечает всё более и более мрачному и затаённому удару в барабан,
покуда он внезапно не переходит в галоп
головокружительной скорости,
последнее солнце,
первый человек,
чёрная лошадь и обнажённый,
абсолютно обнажённый мужчина,
и верхом на нём
ДЕВА.

Подпрыгнув, они продвигаются вперёд вращающимися кругами,
и лошадь из кровоточащего мяса мечется
и гарцует без остановки

на вершине своего утёса,
покуда шесть человек
не обступят окончательно
шесть крестов.

Однако суть ритуала — это именно
УНИЧТОЖЕНИЕ КРЕСТА.

Прекратив вращаться,
они вырывают кресты из земли,
и обнажённый мужчина на лошади
ВОЗДЫМАЕТ ГИГАНТСКУЮ ПОДКОВУ,
которую он смочил кровью из собственной раны.

ИССЛЕДОВАНИЕ ФЕКАЛИЙ

Где воняет дерьмом — там запах бытия.
Человек вполне мог бы и вовсе не срать,
не разевать свой анальный кошель,
но он выбрал срать,
подобно тому, как он выбрал жить
вместо того, чтобы жить мертвецом.

Для того, чтобы не делать каку,
ему следовало бы согласиться не быть,
но он не решился потерять бытиё,
то есть умереть заживо.

Есть в бытии нечто особенно соблазнительное для человека,
и это нечто — как раз КАКА.

Чтобы существовать, достаточно лишь позволить себе быть,
но для того, чтобы жить,
нужно быть кем-то,
чтобы быть кем-то, нужно иметь кости
и не бояться показать свои кости
и остаться без мяса на них в процессе.

Человек всегда любил мясо больше,
чем землю костей,
потому что не было ничего, кроме земли и леса костей
и ему пришлось зарабатывать своё мясо,
были только железо и огонь,
и не было дерьма,

и человек убоялся потерять дерьмо,
или, скорее, он возжаждал дерьма
и ради этого пожертвовал своей кровью.

Чтобы у него было дерьмо,
то есть мясо,
там, где были лишь кровь
и свалка костей,
и где не нужно было бороться затем, чтобы быть,
но где можно было лишь потерять жизнь.

o reche modo
to edire
di za
tau dari
do padera coco

И здесь человек отступил и убежал.

И звери съели его.

Это не было насилием,
Он годился в пищу для омерзительного пира.

У него появился аппетит,
он сам научился вести себя как животное
и есть крыс
с наслаждением.

В чём же причина этого грязного скотства?

В том, что мир ещё не окончательно сформировался,
или в том, что у человека есть лишь жалконькая идейка о мире,
с которой он не хочет расставаться никогда?

Всё дело в том,
что человек
в один прекрасный день
остановил идею о мире.

Перед ним открывалось два пути:
Бесконечный путь вне
и бесконечно ничтожный путь внутрь.

И он выбрал бесконечно ничтожный путь внутрь,
туда, где остаётся лишь сжимать
крысу,
язык,
анус
или залупу.

А бог,
бог самолично ускорил этот процесс.

Является ли бог существом?

Если да, то это дерьмовое существо
Если нет, то его не существует.

Если он и существует,
то как пустота, которая наползает со всеми своими формами и которую лучше всего представить в виде марша лобковых вшей.

“Вы сошли с ума, господин Арто, а как же месса?”

Я отвергаю крещение и мессу.

Не существует такого деяния,
которое, на внутреннем эротическом уровне,
было бы ещё вредоноснее, чем сошествие
так называемого Иисуса-христа
на алтари.

Мне не поверит никто,
и я уже вижу, как публика пожимает плечами,
но этот самый христос есть не кто иной, как тот,
кто перед лицом бога-вши
изъявил согласие жить без тела,
в то время как целые армии людей
спускались с креста,
к которому бог, как он думал, давно их пригвоздил,
и поднимались на мятеж,
и, облачённые в железо,
кровь,
огонь и кости,
наступали и осыпали бранью Незримого,

с тем, чтобы ПОКОНЧИТЬ С БОЖЬИМ СУДОМ.

ВСТАЁТ ВОПРОС...

Важно то,
что мы знаем,
что за порядком этого мира
есть ещё и другой порядок.

Каков он?

Этого мы не знаем.

Число и степень возможных догадок
в этой области — бесконечны!

А что такое бесконечность?

Мы этого совсем не знаем.

Это слово,
которое мы используем,
чтобы указать
на открытость
нашего сознания
неизмеримой возможности,
неустанной и неизмеримой.

И что же такое сознание?

Этого мы совсем не знаем.

Это ничто.

Это ничто,
которое мы используем,
чтобы указать,
когда мы чего-то не знаем,
на то,
с какой стороны
мы этого не знаем,
и потому
мы говорим —
сознание,

со стороны сознания,
но существует сто тысяч других сторон.

И что дальше?

По-видимому, сознание
в нас
связано
с сексуальным желанием
и чувством голода;

но точно так же
оно может быть
и вовсе с ними
не связанным.

Говорят,
можно сказать,
кое-кто говорит,
что сознание —
это аппетит,
аппетит к жизни;

и, немедленно,
наряду с аппетитом к жизни,
это аппетит и к еде,
которая немедленно приходит на ум.

Как будто не существует людей, которые едят
без всякого аппетита;
и которое голодны.

Потому что
бывает и такое —
чувство голода
без аппетита;

и что дальше?

А вот что:
однажды мне было дано
пространство возможности,
как смачный пук
из моего заднего прохода,

и ни тебе пространства,
ни возможности,
я так толком и не понял, что это было.

И у меня не было ни малейшего желания думать об этом.

Это были слова,
придуманные затем, чтобы дать определение вещам,
которые существуют
или не существуют,
перед лицом неотложной и настоятельной
необходимости — уничтожить идею,
идею и её миф;
и установить на её месте
грохочущую манифестацию
этой взрывоопасной потребности:
расширить тело моей внутренней ночи,
внутреннего ничто
моего я,
которое есть ночь,
ничто,
недомыслие
и в то же время — взрывоопасное утверждение,
что есть нечто,
чему должно уступить место:
мое тело.

И в самом деле,
свести своё тело
до смердящего газа?

Сказать, что у меня есть тело,
потому что внутри меня
образуется
смердящий газ?

Я не знаю,
но
я знаю, что

пространство,
время,
измерение,
становление,

будущее,
будущность,
бытие,
небытие,
я,
не-я

для меня ничего не значат;

но есть нечто,
что-то,
единственная вещь,
которая является чем-то,
чем-то, что желает
ВЫЙТИ:
присутствие
боли
в моём теле,

угрожающее,
утомительное
присутствие
моего
тела;

с какой бы силой они ни давили на меня своими вопросами
и с какой бы силой я ни отвергал все вопросы,
наступает момент,
когда я вынужден
сказать нет,

НЕТ!

Нет
отрицанию;

и этот момент наступает,
когда они давят на меня,

когда они придавливают меня
и лечат меня
вплоть до моего ухода
в себя
от пищи,

от моей пищи
и её молока,
и что же остаётся?

Я задохнулся;
я не знаю, можно ли назвать это действием,
но, давя на меня подобным образом своими вопросами,
вплоть до отсутствия
и небытия
вопроса,
они довели меня
до внутренних
приступов удушья
идеи тела,
бытия тела,

и тогда я почувствовал себя похабным,

и тогда я стал пердеть
от безрассудства
и чрезмерности,
от возмущения
и удушья.

Потому что они прижимали меня
к моему телу,
к этому самому телу,

и тогда я взорвался
потому что моё тело —
неприкасаемо.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

— И в чём был смысл вашей радиопередачи, господин Арто?

— Прежде всего, я хотел обличить ряд известных и общепризнанных социальных мерзостей:

Во-первых: Это взятие детской спермы, добровольно предоставленной ребятами на случай необходимости искусственного оплодотворения зародышей, которые ещё ждут своего часа и которые увидят свет через одно или несколько столетий.

Во-вторых: Обличить во всё том же американском народе, оккупировавшем всю поверхность бывшего индейского континента, возрождение воинственного империализма старой Америки, приведшего к тому, что доколумбовые индейские племена были буквально втоптаны в грязь беспрецедентной гуманностью вышеупомянутого народа.

В-третьих: Господин Арто, вы говорите очень странные вещи.

В-четвёртых: Да, я говорю странные вещи, я говорю, что индейские племена, вопреки всему тому, что о них думали, были чрезвычайно цивилизованными и что не без основания можно полагать, что им было ведомо устройство цивилизации, построенной на принципах жестокости.

В-пятых: Знаете ли вы в самом деле, что такое жестокость?

В-шестых: Вот так, нет, я этого не знаю.

В-седьмых: Жестокость — это с корнями вырвать кровью и до крови

бога, этот скотский произвол бессознательной животности в человеке, всюду, где он есть.

8: Человек, когда его ничто не сдерживает, — это эротическое животное,
в нём есть вдохновенная дрожь,
своего рода пульсация, порождающая бесчисленных тварей, образ которых все древние народы земли называли богом.
Так был создан так называемый дух.
И сегодня этот дух, возникший среди американских индейцев, мало-помалу снова появляется по всему миру, но уже под видом науки, которая только подчёркивает его заразное и болезнетворное влияние, его вопиющую порочность, порочность, кишащую болезнями,
потому что, смейтесь сколько вам угодно,
но то, что мы называем микробами —
и есть бог.
А известно ли вам, из чего американцы и русские делают свои атомные бомбы?
Они делают их из микробов бога.

— Вы бредите, господин Арто.

Вы сошли с ума.

— Нет, я не брежу!
Я не сошёл с ума!
Я говорю вам о том, что люди снова изобрели микробы, чтобы навязать нам новую идею бога.

Люди нашли новый способ заставить бога появиться снова и застать его врасплох
в его микробной вредоносности,
то есть вбить гвоздь ему в сердце,
туда, где люди любят его больше всего,
под видом извращённой сексуальности,
в этой зловещей видимости болезненной жестокости, в которую он облачается всякий раз, когда ему вздумается поизмываться и поизгаляться над человечеством, как он это делает сейчас.

Он использует дух чистого и невинного сознания, вроде моего, чтобы задушить его всеми видами лживых видимостей, рассеянных в пространстве повсюду, и именно поэтому Арто-Момо принимают за человека, страдающего от галлюцинаций.

— Что вы имеете в виду, господин Арто?

— Я хочу сказать, что я нашёл способ раз и навсегда покончить с этой обезьяной и что люди уже не верят в бога, они всё больше и больше верят в человека.

И именно человека мы должны сейчас охолостить.

— Что это значит?
Что это значит?
Кто бы что ни говорил, а вы сумасшедший, по вам плачет смирительная рубашка.

— Положив его в очередной, но уже последний раз на стол для вскрытия, чтобы переделать его анатомию.
Я повторяю — затем, чтобы переделать его анатомию.
Человек болен, потому что он плохо построен.
Мы должны принять решение и раздеть его догола, чтобы соскрести с него это микроскопическое животное, которое вызывает у него смертельный зуд, —

бога,
а вместе с богом
и все его органы.
Свяжите меня, если вам будет угодно,
но нет ничего бесполезнее органа.

Только сделав ему тело без органов, вы избавите его от автоматизма и вернёте ему истинную свободу.

И тогда он снова научится танцевать наизнанку,
словно в бреду танцевальных залов,
и эта изнанка станет его подлинным лицом.

Луи Арагон
Пизда Ирены[3]

От переводчиков

Луи Арагон (1897-1982) — коммунист, французский поэт, муж Эльзы Триоле. До встречи с Эльзой Триоле в 1928 году Арагон был связан с сюрреалистами. Андре Тирион, автор книги «Революционеры без Революции», настаивает, что сюрреалисты старались «любить один раз и на всю жизнь», хотя и поощряли проституцию и сами пользовались ее услугами. Но это можно объяснить романтизмом и тем, что среди сюрреалистов не было женщин. Рассматривая обычные жизненные явления с неожиданной стороны, они пытались разбудить дремлющие инстинкты и тем самым спровоцировать работу ума. Они считали материалистическое общество поверхностным и искаженным, утратившим истинный смысл. Сюрреалисты выступали против общепринятых взглядов и ценностей, и были в этом смысле революционерами. Их книги издавались подпольно, без имен авторов, так как между 1918 и 1938 годами общество старательно оберегали от «откровений, посягающих на разрушение морали». Андре Мальро — будущий министр культуры — написал предисловие к «Любовнику леди Чаттерли», оправдывая публикацию тем, что «эротизм тоже является своего рода ценностью». Об этой книге Луи-Фердинанд Селин потом пренебрежительно сказал: «Жалкий хуишко, растянутый на 400 страниц!»

На улице Шато, где часто собирались сюрреалисты (а главный кабинет, где заседал «отец» Бретон, находился на улице Фонтен), Арагон часами читал вслух «Одиннадцать тысяч палок» Аполлинера, которая сегодня уже стала классикой, а тогда продавалась из-под полы. Книги такого рода издавались минимальными тиражами (около 100 экземпляров), продавались в специальных магазинах, выставленные

[3] Lousis Aragon: Con d'Irene, 1928. Перевод с французского Маруси Климовой и Вячеслава Кондратовича.

не на прилавках, а под ними. Стоили они очень дорого, поэтому купить их могли лишь немногие, к тому же широкая публика ничего о них не знала, так как их выход в свет нигде не комментировался. Сюрреалистов объединяли бедность и ненависть к буржуазии и ее вкусам. Хотя Арагон, в отличие от Бретона, одевался а-ля денди и любил светские вечеринки и ночные клубы.

Среди архивов леди Нэнси Кунар были найдены рукописные страницы «Пизды Ирены» Арагона. Можно сказать, что это не удивительно, так как она сама была издателем. Но ее роман с Арагоном, начавшийся в конце 1925 года, наводит на мысль, что Нэнси могла иметь прямое отношение к этому «лучшему, красивейшему тексту, затрагивающему эротизм» (как охарактеризовал его Альбер Камю). Возможно, этот текст посвящен именно ей. Английская аристократка Нэнси Кунар (сохранились ее фотографии, сделанные Маном Реем и Сесилем Битоном, где она запечатлена со своей знаменитой коллекцией браслетов слоновой кости, доходящих ей до локтей) происходила из известной семьи, ее филадельфийский предок, получивший титул от королевы Виктории, был основателем линии пароходов Кунар. Как вспоминает Андре Тирион, ее часто видели пьяной, она была драчливой и сама порой появлялась со следами побоев на лице. В 20-е годы она оказалась в Париже, где открыла небольшое издательство «Hour Press». Она первой издала Беккета, «Cantos» Эзры Паунда (с которым состояла в дружеской переписке), Арагона. Она увлекалась джазом, который пришел во Францию из Америки, и завела себе черного любовника. Что это значило в 20-е годы для английской аристократки — сегодня трудно представить. Нэнси, ему было 28 лет, а ей — на год больше. Он был красив, его яркие голубые глаза притягивали женщин. Не удивительно, что Нэнси тоже увлеклась Арагоном. А после короткого и бурного романа несчастный Арагон ушел к Эльзе Триоле, о которой отец сюрреализма Бретон говорил: «Это — прямая противоположность женщины». Недаром Триоле смогла приручить Арагона, диктовала ему свою волю и управляла им, как марионеткой. Возможно, именно поэтому Арагон даже в 1968 году отказался от авторства «Пизды Ирены», хотя его союз с Эльзой расценивался многими как «коммерческий фонд» (Жюльен Грак). И не удивительно, что после ее смерти Арагон оказался во власти чар юношей. В журнале «Сюрреалистическая революция» печатали известный тогда и конфи-

скованный цензурой текст «Свобода или любовь», манифесты в защиту «техники любви», реабилитации де Сада. Первая книга Арагона называлась «Либертинство», хотя не имела ничего общего с де Садом. «Пизда Ирены» остается в некотором смысле портретом юности автора. Это — дошедшая до наших дней часть «Защиты бесконечности» — одного из самых противоречивых произведений Арагона.

Жан-Жак Повер хотел переиздать «Пизду Ирены» под действительным именем автора еще в 1968 году, и Арагон, к которому он обратился за разрешением, отвечал ему исключительно в третьем лице: «...автор отказывается... автор запрещает... для автора невозможно...», тем самым как бы подчеркивая еще раз свою непричастность к созданию этого текста. А жаль. Конечно, дальнейшие политические (и эстетические!) пристрастия одного из «создателей социалистического реализма» почти полностью заслонили этот, пожалуй, самый интересный «сюрреалистический» период его творчества. Читая повесть, невольно ловишь себя на мысли, что Арагон, подобно его знаменитому русскому другу и учителю, был когда-то настоящим поэтом, но впоследствии «себя смирил, становясь на горло собственной песне».

Не будите меня, Христом Богом молю скоты не будите меня, осторожнее я могу укусить я уже почти вышел из себя. Снова этот ужасный день снова подлость неуверенность злоба. Мне хочется вновь раствориться в темном море довольно вспышек молний что означают эти постоянные грозы вы хотите заставить меня греметь как гром вместо ушей у меня куски жести при каждом вздохе в моей груди взрывается метан а шахтеры убегают в подземные галереи тоски все взлетает на воздух на воздух и прекрасно прекрасно. Но это же не день а динамит. В мои веки вонзаются шпаги в мое горло впиваются пальцы о мою кожу трется гравий пробуждения. Не выталкивайте меня из сферы снов я вцепился в нее когтями моя плоть приросла к ночной темноте ночь у меня во рту моя кровь отказывается течь. Я сплю о Господи сплю.

Сволочи я сейчас закричу я уже кричу сволочи дети ебаных в рот устриц молитесь своему доброму Боженьке ублюдки сортирная вонь спущенные петли на чулках у шлюх жабы лакеи гнойные скользкие вонючие черви оставьте меня в

покое бляди торчащие из-под мышек волосы стриженые вшивые лобки крысиный жир помои грязные помои отбросы отвяжитесь от меня а не то я вас уничтожу я вас по стенке размажу я вам яйца оторву я вам нос откушу я вас я вас в порошок сотру.

Смерть смерть они же меня сейчас разбудят они уже будят меня. Ко мне ветры бури циклоны. Ониксовая глубь зеркал тьма зрачков траур грязь фотографии тараканы преступления эбен бетель африканские сфинксы с человеческими лицами святоши ко мне кровь каракатиц отработанная смазка жевательный табак гнилые зубы нордвесты чума ко мне грязь и меланхолия густая смола паранойя страх ко мне как только исчезнут свистящие сумерки как только начнется зарница пожаров в угольных городах и торфяниках вонючие испарения железных дорог в каменных городах все эти декорации безлунных ночей все что рассыпается перед глазами на пятна на мух на искры на мелькание смерти на вопли на отчаянные плевки сока акации корни цикория ярость гниющие трупы магия мускат тюлени и коллоидные колодцы без дна. Ко мне темнота.

Желчные жопы блевотина бляди бляди свиньи суки индийские рабы похлебка из говна и мочи кровавые плевки менструации отрыжка испражнения каракатиц клейкие сопли слюни вы вы гной липкая сперма гнусная сукровица нарывы дырявые мочевые пузыри дряблые прелые обвисшие пизды чесночная вонь.

Если вы любили хоть раз в жизни не будите меня если вы любили!

Мои дела шли настолько плохо, что я впал почти в полную нищету, неотвязные мысли об одной ужасной истории, которую мне хотелось поскорее забыть, давили на меня еще сильнее, чем нищета, и вынудили принять приглашение моих родителей, живших в провинции. Однако, приехав в городок С... со своими навязчивыми идеями, я не нашел того отдыха, что ожидал. Я не создан для семейной жизни. Я старался свести ее к минимуму. Меня видели лишь за едой. Остальное время я проводил в прогулках и еще чаще — в мечтах, расположившись в своей комнате, подальше от окна, которое выходило на унылую безлюдную улицу, окруженную серыми домами, так наглядно демонстрировавшими всю угрюмость восточной французской провинции. Город рано ложился спать и рано вставал, как будто специально для то-

го, чтобы будить меня стуком ставень, потому что можно было дойти до перекрестка и не встретить на дороге ни одного человека, кроме холуйского вида прилизанных ординарцев, ведущих под уздцы лошадей артиллерийских офицеров. Три или четыре кафе открывались только к одиннадцати часам и тогда вам под ноги под предлогом мытья полов могли выплеснуть ушаты грязной воды, следом, в сопровождении торопливых извинений, летел песок и оседал у вас на деснах. Эти заведения были крайне убогими, с такими просиженными стульями, что воспользоваться ими можно было только в самом крайнем случае, с невероятно грязными столами и воистину гнетущим трауром зеркал, которые мухи сделали похожими на грязные ногти мальчишек. Самое привлекательное из этих романтичных мест находилось на ободранной площади, недалеко от военного квартала, в этом заведении был красный бархат и зеркала в резных рамках. Кроме того, там тебя сразу же оглушал грохот бильярда, оттого, что, благодаря неудачной акустике в зале, эхо вторило каждому удару кия по шарам. Посетив пару раз этот райский уголок, я уже знал всех постоянных посетителей в лицо, пять или шесть человек, трое из которых — офицеры со своими подружками в качестве десерта. Громовой голос сразу же обрушил на меня всю подноготную частной жизни города С... Появление нового слушателя оживило разговор на целых три дня. Я узнал, что жена профессора Унтеля весьма распущенная особа. Ходили сплетни и о жене часовщика, но точно ничего известно не было. А вот в окне у почтовой служащей видели кое-кого, кого могли назвать даже по имени, об этом знали уже все. Больше я в это кафе не ходил.

В течение некоторого времени меня занимали деревня и лес. Потом я почувствовал к ним ужасное отвращение и заперся у себя в комнате. Поразительно долго тянувшееся время, невыносимая пунктуальность трапез, чтение книг из домашней библиотеки и, особенно, навязчивые воспоминания быстро вызвали во мне желание бежать из этих Богом забытых мест. Но как? Я снова натыкался на завладевший моим сознанием образ, от которого тщетно пытался избавиться. В сущности, мне не в чем было упрекнуть эту женщину, кроме того, что она меня не любила. Даже если ей самой казалось, что это не так. Она была так невероятно похожа на жемчужину. Внешне. Она вся светилась, совсем как жемчужина. Чтобы избавиться от этого наваждения, я пытался переключиться на других женщин. Я снова начал выходить, смотреть

по сторонам. И ни черта. Французская провинция. Уродство француженок. Убожество их тел и волос. Дерьмо. Ну да ладно.

Этот проклятый член — настоящее исчадие ада. Сперва он почти незаметен. Его не чувствуешь. Потом, со временем, он тяжелеет. Поднимается, твердеет. Лично меня от этого тошнит. Не обязательно, но приблизительно после завтрака такая... такое недомогание, нужно куда-то идти. Однако у меня довольно умеренный темперамент. Нормальный. Без излишеств. Я не способен на любовные подвиги. Сделав это один раз, мне не всегда хочется повторить. Часто у меня и встает с трудом. Но я плохо переношу длительное воздержание. Может быть, все дело в кровообращении. Но пока это меня просто разрушает. Невозможно больше ни о чем думать. Действительно, в С... остается только дрочить. Мечтая о том, что находится между ног. Подружки офицеров скучают, пока их яйценосцы заняты учениями. Можно было бы предложить выпить и потрепаться. Это бы немного просветило меня в отношении гарнизона. Но я уже сыт по горло дешевыми интригами, липовыми добродетелями и имитацией сопротивления. Нет, больше я не выдержу. Лучше уж дрочить. Легко сказать, может, для вас это и выход из положения. Но не для меня. Ну, я теребил немного, потом, так как в этой проклятой комнате не хватало воздуха, я высовывался из окна и осматривал улицу. Увы, пробуждению любовного вдохновения вовсе не способствовал поднимающийся с мостовой пошлый кухонный запах, столь характерный для нашей героической Лотарингии. Напрасно я смотрел на себя в зеркало, в фас, в полоборота, в профиль. Водил рукой по яйцам. Сжимал себе член до слез. Я ничего не мог с собой поделать. Я не мог справиться с этими нелепым налившимся кровью отростком. Мне было стыдно. Я злился на самого себя. Запихивал себе в штаны мокрые носовые платки. Регулярно в часы трапезы меня заставали в неприличном положении и, чтобы спуститься к столу, не оскорбляя семейного целомудрия, мне приходилось демонстрировать целый каскад [illegible] затянувшееся перевозбуждение: шесть одетых только до пояса женщин окружили меня. когда я привязывал поддерживающие леса строящегося дома веревки к кольцу, к которому уже была привязана лошадь. Они окружили меня, согнувшись и обвив друг друга за талию руками так, чтобы левой рукой можно было щупать

бутон соседки, а языками лизать задницы тех, что согнулись. Во сне все это двигалось и казалось очень естественным. Женщины терлись о меня своими вздувшимися вульвами. А я, одетый в тонкие полотняные подштанники, чувствовал, что достигаю сказочных размеров. Находившаяся там же старуха в шляпе, украшенной множеством магических медальонов, схватила ртом мой член и я проснулся в страшном волнении. В таком положении любой выглядел бы глупо. К тому же, в простынях не очень-то удобно, волосы липнут к телу и пока еще соберешься пойти помыться. Передышка длилась всего двадцать четыре часа. Если, конечно, не считать гнусного ощущения напрасной траты времени, отвращения и многого другого. Через три дня снова сон. Купаясь в собственном дерьме, я решил отправиться в бордель.

Семейные шутки по поводу этого достопочтенного заведения помогли мне найти улицу, где оно находилось. Я легко обнаружил его в самом бедном рабочем квартале города, где городские власти не слишком следили за порядком так как там жили не буржуа. Это был пустынный квартал. Мужчины и женщины днем работали на фабриках. На извилистой улице я заметил дом с двумя зарешеченными окнами и толстой обитой гвоздями дверью в конце длинной серой стены. Если бы не красный фонарь, можно было бы подумать, что это тюрьма. Время было раннее, после завтрака. Здоровенная баба, помощница хозяйки, извинилась, что может показать мне только трех девок: две были заняты, а две еще спали. Кожа девок излучала тошнотворный запах жратвы. Грустный месяц август, приправленный луком. Тоска. Самая жирная из трех кокетливо помахивала шарфом и напоминала огромный трясущийся кусок говна. Светловато-блевотного оттенка. Свои короткие ручки она забыла вымыть после завтрака. Должно быть, она любила пожрать. У второй был, что называется, мечтательный вид, так как ее огромная челюсть отвисала вниз. Крохотные башмачки на ее огромных ногах горничной были ей явно малы. Судя по всему, у нее были мозоли. Я выбрал третью. Если бы не обесцвеченные волосы из-за неумелого использования ею перекиси водорода. Небольшая головка, напоминающая помесь кошки с крысой, возвышалась над длинным, плохо ухоженным телом, у которого должен был быть привкус фосфата. Это не оставило меня равнодушным. В конце концов, вот уже два часа я был, как натянутая тетива. Несмотря на мой скелетообразный вид она назвала меня своим толстячком и сразу

же очень мило обслюнявила мне рот. Остальные дамы снова возобновили свои занятия, одна вязала крючком, другая читала «Жизнь Гинемера» Анри Бордо. Мы поднялись наверх. Без сомнения, моя подружка очень скучала, читать она не любила, а вязать крючком не умела. Значит, я сделал правильный выбор. Она одновременно продемонстрировала мне китайские вазы оранжевого и золотого цвета с огромными искусственными ирисами и торчащей железной проволокой и свои груди, которые кокетливо сжала рукой, хотя они и без того были тесно прижаты друг к другу. Ее лоно красиво оттенялось волосиками, сохранившими свой естественный цвет. Правда, половые губы были немного длинноваты и отвисали. Для такого вытянутого тела ее плечи были излишне округлы, на шее же намечалась жирная, подчеркнутая кремом, складка. В постели она вдруг стала похожей на кучу макарон. Ей было скучно и хотелось пофантазировать. Она игриво показала мне свою задницу. Выгнулась. И, пританцовывая, сказала: ну как поросенок, ты меня хочешь, и т.д. Но все это было напрасно. Я уже ничего не замечал, даже пушечный выстрел не смог бы заставить опуститься мой член. Она заявила, что хочет приступить к делу и вцепилась в меня, когда я раздевался и стоял со спущенными штанами и в башмаках. Откинувшись на кровать, она, как животное, не имеющее ничего общего с ней самой, приблизила ко мне свой рот и мне бросился в глаза отдававший из-за дешевой пломбы голубизной зуб. Не успел ее язык коснуться члена, который она держала в своей руке, как сперма брызнула ей в глаза. Я почти ничего не чувствовал. Пожалуй, даже во сне все было поинтересней.

Она была немного смущена. Придется снова спускаться вниз, что-то говорить. Она мыла лицо в бидэ. Из соседней комнаты слышался шум. «А там неплохо развлекаются, « — сказал я просто так, чтобы прервать молчание. Моя подружка воспламенилась, как фейерверк, который взлетает вверх по первой же команде небес. Она снова сжала свои груди, ей следовало бы просто сшить их вместе, и знаком приказала мне следовать за собой. Она подвела меня к двери, заглянула в замочную скважину и пояснила: «Ее считают нимфоманкой. Она без этого не может жить и обслуживает троих за раз, взгляни». Действительно, на кровати можно было разглядеть лежащего на спине раздетого артиллериста, который теребел толстую сисястую девку со складками на боках и признаках базедовой болезни на шее. У нее были выпучен-

ные глаза и маленький, словно прорезанный бритвой ротик. Она вертелась как бешеная. Два другие клиента, солдафоны с низкими лбами и свиными глазками спокойно дрочили с тупым видом, сидя напротив на стульях в ожидании своей очереди. «Ты понимаешь, она так это любит, что каждый из них платит ей меньше установленной таксы, но так как они поднимаются сразу втроем, то все равно получается больше. Это им всем выгодно. Чего не скажешь о нас. Но она на хорошем счету у мадам. Она ведь еще сосет женщин, так что сам понимаешь. И надо сказать, что она готова заниматься этим без перерыва. Это даже неприятно. Когда у нее никого нет, она возбуждает себя сама. Это не женщина, а настоящий вулкан. Стулья, на которых она сидела, можно сразу узнать по пятнам на них. И даже за столом, мой мальчик. Я сначала сидела рядом с ней, но вынуждена была пересесть, у меня кусок в горле застревал.» В комнате один из сидящих военных начал проявлять признаки нетерпения. Его свиная рожа покрылась испариной, наподобие той, что явственно проступила на округлых ягодицах нимфоманки, у которой, как я успел заметить, были светло-голубые подвязки. Мужчина встал и гремя своими сапогами, подошел к кровати, где рычал его товарищ, который, видимо был так ошеломлен, что нравится шлюхе, что от этого забыл даже двигаться. Впрочем, она сучила ногами за двоих. Кроме этого я заметил, что на камине стояла такая же китайская ваза, но вместо ириса в ней были лунники, и еще нечто необычное, чего я раньше никогда не встречал: на стене висел календарь Галерей Нанси, показывающий месяц и число.

Нетерпеливый толкнул бьющуюся в конвульсиях женщину. «Да кончай же, я больше не могу», та начала сильнее двигать задом. Наконец он вмешался, и я увидел, как он с невероятной точностью и быстротой, граничащей с чудом и, вероятно, обусловленной прекрасной пиротехнической подготовкой в казармах С... прыгнул на перину, даже не задев женщину и не сдвинув ее с члена партнера, на котором та прочно сидела, одним махом ввел свой член между ягодиц бабищи и радостно заулыбалссся, возможно оттого, что тот проник в дырку сразу же, в то время как сам он немного соскользнул назад, и очутился сидящим у изножия кровати вытянув ноги вдоль первого оккупанта и упершись сапогами в его подмышки. Тот заорал и все трио закачалось, а это ангельское существо задергалось, сидя на двух членах, получая свою обычную порцию бодрящей гимнастики. Третий чур-

бан продолжал поддерживать себя в форме неторопливыми и беззаботными движениями рук. Нимфоманка позвала и его: «Кис-кис, миленький, залезай на кровать. Нет, передо мной. Да. Встань так, согни немного колени. Ты такой высокий.» И она принялась его сосать. Композиция была завершена. Я отвернулся. «Ну так что, -— сказала девица, щекоча меня, -— подобные штучки тебя не возбуждают?» По правде говоря, совсем нет. Я поднял свои штаны. Какая ужасная тоска всегда сопутствует осуществлению эротических мечтаний! Я вспомнил уличных собак, которые собираются в стаю для того, чтобы было удобнее спариться... А это собаки в сапогах, вот и все. К тому же, они всегда подчиняются одному и тому же архитектурному шаблону. Стоит им выстроить пирамиду из своих тел, как их воображение перестает работать. Все, как могут, стараются внести свой посильный вклад, и под конец многочисленные потные и испачканные спермой марионетки рассыпаются и валятся друг на друга. Как уродливый воздушный шар. Трудно поверить, что какое-то время подобные штучки были широко распространены в свете. Но тогда хоть это делалось гораздо артистичнее. Высшим шиком считалось умение построить собор. Говорят даже, что как-то вечером известные в обществе люди устроили у себя в частном особняке полное подобие Шартрского собора, не забыв при этом ни одной детали свода! Правда, для того, чтобы кончить в ожидании завершающего камня, им все время приходилось менять арки.

Моей подружке не хотелось спускаться в салон. Этому ребенку нравились комнаты, она находила их более респектабельными. А ей запрещали ожидать здесь клиентов, говоря, что в порядочных домах так не принято. «В сущности, я тебя понимаю, я тоже не люблю подобные фокусы, но если бы ты видел другую комнату!» Она вдруг замолчала. «Нет, нет, я не могу тебе ее показать. Такой обходительный мужчина (он выбрал меня целых два раза), а потом, его репутация!» Я перестал одеваться, последние слова меня заинтересовали. Она заставила меня поклясться, что я только проездом в С..., и лицо этой персоны мне неизвестно, потом потащила меня ко второй двери налево, где за умело отогнутыми обоями скрытый глазок служил для удовлетворения естественного любопытства, в то время как посетитель, полагаясь на надежность гобеленов, абсолютно ни о чем не догадывался. Сперва я заметил женщину, показавшуюся мне бесспорно самой красивой в этом не слишком приличном

заведении. Это была смуглянка с очень маленькими грудками и длинными, как сигары, сосками. У нее были очень широкие бедра и совершенно круглые ягодицы. Черные чулки красиво облегали ее тонкие и нервные ноги. Она играла маленькими красными тапочками, без конца снимая и надевая их, и смотрела, как раздевается ее клиент. Это был приземистый, начинающий лысеть мужчина. Вот он обернулся. На его лице веером росла светлая борода. Господи, да это же мэр города, однажды вечером я видел его у моих родителей. «Очень порядочный человек, -— объяснила мне моя напарница, -— не может же он все время ездить в Париж, ты же понимаешь. Ну он и приходит сюда, но это строго конфиденциально. Он не может себе позволить содержать женщину. Кроме того, что это очень дорого, за него бы больше не голосовали. Да, его положению не позавидуешь.» Тем временем мэр, как знамя, раскладывал на кровати сложенную пеленку. Я удивился. «Ты сам увидишь. У него есть маленькая странность. Когда он кончает, он испражняется, о, нет, не много, самую малость. Это происходит непроизвольно. Всего лишь маленькая жиденькая какашечка... Совсем как у ребеночка. Ты увидишь.» Ну нет, я ничего не увижу, я встал и покинул наблюдательный пункт. Наверху мне недвусмысленно намекнули, что мной недовольны, и я это отлично понял. Деньги скользнули в башмак, а я на улицу.

Эта небольшая экскурсия ничего не изменила: я спал спокойно всего одну ночь. На следующий день все началось сначала. Но вместе с тем одна мысль о том, чтобы вернуться в притон, вызывала у меня непреодолимое отвращение. К тому же, у меня не было ни малейшего желания заниматься эксгибиционизмом перед соседями, наблюдающими за мной через замочные скважины или потайные окошечки. Сны возобновились. Это меня отнюдь не забавляло. Несколько семейных сцен окончательно испортили мне настроение. Произошла небольшая размолвка из-за пропавшей вилки, в которой я занял сторону горничной. Увы, горничная была старая и уродливая, и от нее плохо пахло.

Стремление к выражению своих мыслей вполне естественно. Каждый самовыражается по-своему. Лично я не могу думать без того, чтобы не писать, можно сказать, что письмо — это мой метод думать. В то время, когда я не пишу, у меня мелькают лишь обрывки мыслей, что-то вроде карикатур на меня самого, только отдаленно напоминающие о том, чем

я на самом деле являюсь. Другие находят для себя совсем иные способы. И поэтому я всегда завидовал тем, для кого способом самовыражения является секс. Чудесный язык. Но совершенно мне чуждый.

Что бы я ни думал об ограниченности эротического опыта, о неизбежном и однообразном повторении элементарного акта, который с успехом можно было бы заменить любым другим примитивным действием, я испытываю самое глубокое уважение к тем, кому эта ограниченность кажется самой свободой. Они являются подлинными хозяевами физического мира, превосходными интерпретаторами метафизического смысла классических произведений, в которых для меня, рядового зрителя, находят источник всей существующей морали. Пусть тот, у кого во время блуда никогда не возникала мысль о смерти, опровергнет меня. Все, что несчастным личностям, вроде меня, представляется безнадежно жалким, имеет для других, и я это прекрасно осознаю, чудесную метафорическую ценность, подобную той, которую для меня имеют лишь слова. Можно даже сказать, что слова облегчают мне мои страдания. Возможно, я просто не восприимчив к этой необычной и непостижимой поэзии. И я ее постигаю. В этом причина бесцветности моих ощущений, и хуже того — моей жизни. Эротизм, это слово часто навевало на меня самые безотрадные мысли. Может быть, я кажусь гордецом. Неважно. В тот период, о котором я рассказываю, я подолгу в одиночестве просиживал в своей комнате, глядя на унылые обои в цветочек и размышляя об эротизме и его значимости для меня. Эротическое влечение — это худшее из зеркал. То, как отражается в нем твоя сущность, заставляет содрогнуться. Уж лучше бы я действительно был каким-нибудь самым обычным маньяком, как бы мне этого хотелось. Это желание красноречиво свидетельствует о моем глубоком стремлении к истине. Я не особенно люблю думать о сексуальных похождениях, в то же время мне трудно поверить, что все мои приключения уже в прошлом. Газеты периодически преподносят нам всевозможные достаточно обрывочные сообщения то о самых обычных преступлениях на почве ревности, то о поразительных эксцессах и неподражаемых отклонениях, которые погружают меня в бездны сожаления и мечты. Тут-то я и могу оценить свои возможности и отнюдь не испытываю чувства гордости собой. Во мне нет ничего сверхъестественного, этот факт всегда вызывал у меня жгучее сожаление. Волшебство наслаждения, может быть, является самым необычным из всех, если учесть все то чудесно материаль-

ное, что оно содержит. И какое прекрасное завершение: сперма, подобная снегам на вершинах.

Мне нравится... на этих словах я спотыкаюсь. Мне не нравится, что все время повторяется одно и то же. Мне не хотелось бы впутывать ту, которая вряд ли думает об этом в настоящий момент и которая была для меня, как я теперь понимаю, чем-то гораздо большим, чем мне хотелось бы думать. Это к Вам я обращаюсь, моя дорогая, моя дражайшая подруга, к Вам, чье имя не может быть здесь упомянуто, и которая, оказавшись среди подобных размышлений, была бы столь поражена, что я осмеливаюсь лишь намекнуть на Ваше существование и странные отношения, которые, вероятно, каким-то образом навсегда связали Вас с некой частью моего существа. Я постараюсь, чтобы все это попалось Вам на глаза. Я не принесу Вам этого сам, хотя так было бы проще для меня. Нет, я знаю, как лучше сделать. Кто-нибудь другой случайно покажет Вам это, и Вы прочтете. Вы прочтете это в одиночестве. И сперва, возможно, даже подумаете, что я обращаюсь к другой. В самом деле, но к кому? Узнаете ли Вы тон, который я утратил с тех пор, как перестал общаться с Вами, с тех пор, как перестал с Вами говорить. Не узнать саму себя, этого вполне можно от Вас ожидать. А между тем, если я напомню Вам, какой ценой мне пришлось заплатить за то особое отчуждение, которое я получил вместо обычной в подобных случаях, хотя бы небольшой благосклонности, если я напомню Вам, как жаждал я тогда этой благосклонности, гораздо сильнее, чем все то, чего я ожидал от Вас потом, а от Вас я мог ждать потом чего угодно, в том числе самого ужасного, я напомню Вам место, где это произошло, хотя для всех это не имело никакого значения, шум, соседи, пошлый оркестр, золото колонн, нетронутые стаканы перед нами и мое терпеливое ожидание, как тогда Вы осмелитесь, хотя я по-прежнему не решаюсь произнести Ваше имя, оно ускользает от меня, как ветер, который ложится к Вашим ногам, как тогда Вы осмелитесь не узнать себя? Это из-за Вас я погряз в этих бесконечных материальных хлопотах. Вы касались своими прохладными руками моего лба. Даже оставаясь один, я ощущал Ваше присутствие. Вы возвращались. Странно, но мне казалось, что Вы вдруг умерли; когда приносили почту, меня одолевали ужасные предчувствия, которые не позволяли мне спуститься вниз к Вашему призрачному образу. Понимая, что слова всегда лгут, я не пытался заставить Вас верить рассказам о Вашем образе, и

тому, что я Вас видел. Нет. Если бы я Вас видел! Иногда я отчаянно пытался разглядеть Вас, закрывая, а потом, наоборот, широко раскрывая глаза, в темноте комнаты, но внезапно Вы там появились. Ваша походка. Ваше платье. Казалось, что Вы выбирали для своего появления именно тот момент, когда я писал, сидя за своим узким столом лицом к стене. А комната со всеми ее укромными уголками и голубоватой поверхностью ковра полностью принадлежала Вам. Я знал, что вы бесшумно ходите взад-вперед за моей спиной. Иногда Вы приближались ко мне. Мое сердце начинало усиленно биться. Я знал, что, стоит мне обернуться, как Вы исчезнете. Я не оборачивался. Я продолжал писать. Постепенно Вы становились смелее. Я ощущал Ваше дыхание. И не оборачивался.

Странные безмолвные свидания! Нам даже не нужно было их назначать. Мне бы хотелось уверить Вас, что я бы не смог этого сделать. Если бы тогда меня попросили уехать из этой проклятой провинциальной дыры... я должен признаться, что я бы уехал, я бы покинул Вас. Но никому, и конечно же не Вам, не Вам понять, чего бы мне это стоило. Бесконечными полутемными вечерами Вы снова являлись, но уже изменившись. Вы больше не были той дневной подругой, той ускользающей женщиной, которая молча возвращает потревоженные предметы на свое привычное место. Вы стали более грустной, более отдаленной. Никогда еще Вы не приближались ко мне в сумерках. А я и не мечтал о том, чтобы попросить Вас об этом.

Однако однажды вечером я устал сильнее, чем обычно, и Вы не пришли. Как смущает меня необходимость так грубо, в обычных терминах, обозначающих перемещения людей, описывать все, происходящее между нами. Приходить... Конечно, имеется в виду именно это. Я знаю, что Вы не приходили, что Вы никогда не приходили. И, тем не менее, иногда Вы здесь были, а иногда Вас здесь не было. Приходить? Постепенно удается очистить смысл самых банальных слов. Внезапно Ваш бесплотный образ слегка замутняется так, как если бы его вдруг окутало какой-то пеленой. Все это происходит из-за необычного эффекта, производимого Вашими глазами, которые запечатлелись не в моей памяти, но в комнате, реальной комнате с ее стульями, кроватью, стенами, потолком и моим чемоданом. Ваши глаза безмерны. Я уже сейчас не помню, хотя иногда по-прежнему встречаю Вас, какого цвета Ваши глаза. Да, я забыл Ваши глаза до такой

степени, что, даже когда я снова их вижу, я остаюсь абсолютно равнодушным. Равнодушным... о нет, эти слова выражают уже не любовь, а смерть любви. Ваши глаза этим вечером бледно-голубоватого цвета, и в одном из них отражалась комната, в которой меня не было.

Итак, я писал. Казалось, на меня давит какой-то адский камень. Я знал, что это могла быть только мысль, а я уже говорил, что писать — это мой единственный способ думать. Я писал. Я всегда завидовал этим свободным людям, эротоманам. Они никогда не пишут. Я же испытывал что-то вроде одержимости, и лишь время могло по-настоящему ее рассеять. Нищета и ужасное страдание. Я мог рассчитывать получить небольшую сумму только к концу лета. Надо было как-то продержаться до этого времени, физически и интеллектуально. И я писал. Я смотрел на то, что у меня получалось, как путешественник из окна вагона равнодушно смотрит на бесконечный унылый пейзаж, в котором все повторяется, меняется, и в конце концов сливается в одну развернутую складную открытку. Он уверен, что это один из самых тоскливых пейзажей на свете. Не сомневался в этом и я, а, тем не менее, не отводил глаз от бумаги, на которой разворачивалась воображаемая реальность. Сильное волнение снова вернуло меня к постепенно обретающим определенные очертания образам. Сквозь медленно рассеивающийся туман моим навязчивым идеям все явственней противостояло лицо, лицо нереальное, и, может быть, не слишком прекрасное, но черпавшее в этом противостоянии определенную магическую силу. Частички вселенной группировались вокруг него. Нелепое нагромождение. Я перенесся в эпоху, где впервые воздвиг для себя подобные декорации, поместив туда несколько призраков, большая часть из которых так и не обрела плоти. Очутившись там, я нисколько не изменился. То же одиночество, тоска, неопределенность, тяжелые испытания судьбы и еще многое, такое, от чего мне хотелось бы избавиться. Я уже ощущал бесстыдное воздействие плоти, даже в тех своих занятиях, которые всегда считал наиболее возвышенными. И все же мне хотелось каким-то образом опереться на эту глупую и навязчивую галлюцинацию в своих воображаемых интригах, ибо я чувствовал отвращение ко всему этому дерьму, убожеству чувств и гнусной пакостной жизни. Неважно, что с тех пор прошло уже два или три года. Мне уже успело надоесть все, что вдохновляло меня еще неделю назад. Деревня. Деревня, несмотря на ранние в этом году

солнечные дни, была слишком слабым утешением. Созерцание круговорота воды в холодной реке, купание, долгое лежание на спине в высокой траве в ожидании вечера, первые мухи, наконец, вечер с его фиолетовым ароматом. Голова не может постоянно оставаться пустой. Вдоль протянувшихся по небольшим безликим долинам дорог, по которым я ходил, попадались кабачки, где можно было выпить. Официантки в них не слишком общительны. А олеографические календари утомляют. Поэтому на скупо отмеренном кусочке бумаги в клеточку я предавался игре своего воображения. Меня увлекали собственные фразы. Они были достаточно большие, чтобы можно было спрятать в их складках сразу несколько имен, которые поначалу ничего не будили в сознании, но потом, вернувшись уже в более отчетливом виде, заставляли проснуться. Именно тогда у извозчика, которого все звали Добряк Даниэль, я познакомился с Иреной. Она возникла в раковине времени совершенно внезапно. Непроизвольная завязка могла бы иметь продолжение. Но эта женщина разрушала все. Она надолго завладела моими мыслями.

В С..., перечитывая все, что было написано под влиянием этого события, я снова начинал об этом думать и снова оказывался во власти, но на сей раз уже нового, призрака. И этот последний, пройдя через годы забвения, обрел свои особые очертания. Он был именно тем, что мне меньше всего хотелось бы видеть, чьего взгляда я избегал вечерами, стараясь не замечать опасного сходства в очертаниях тех силуэтов, которые попадались мне навстречу, когда я прогуливался по городу. Он был далек от идеала. Почему же я не изменил его?

Кухонные рабочие переглянулись. Сильный ветер с темного и бездонного моря, с моря, переполненного обнаженными утопленниками, сильный ветер с резким шумом, напоминающим шум рифов в марселях, надул перкалевую занавеску. Дорога враждебно обращала к нам свое гневное лицо пыли. Таинственная ночь неожиданно сковала всю страну от соленых холмов до топи болот, где блуждает, как известно, метановый огонь, который, -— и я в этом убежден — является неприкаянной душой погребенных в болотах, или, чтобы не раздражать общественное мнение и тех, кто считает, что навеки стряхнул с себя предрассудки, пусть это будет просто необъяснимое самовозгорание метана в торфяниках, и здесь нет ничего такого, от чего следовало бы приходить в волнение, даже ночью, даже таинственной ночью,

которая внезапно к четырем часам охватывает все — от голубых рощиц до сырых ущелий, а в это время какой-то человек, возможно, извозчик, возвращается с вокзала под первыми крупными каплями дождя через заросли дрожащих трав, сопровождаемый паническим страхом насекомых. Занавеска, ты вздымаешься, как грудь, при вздохе. Это так похоже, так похоже на приближение любви. Когда надвигающаяся гроза в темном наряде туч играет своими могучими борцовскими плечами, когда она нависает над скудной местностью, где болезнь таится в каждом доме, который служанки заливают водой, сбросив с себя сабо и подталкивая босыми ногами щетку на конце швабры, когда под мышками у всех проступает пот, а праздные женщины оставляют работу и предаются расслабленному созерцанию (напевая для вида и неизвестно зачем распахивая рубашку на мокрой груди), вооруженных вилами или сапками деревенских мальчишек, наблюдая за тяжелыми и тусклыми, как бильярдные шары, глазами и стесненными телами этих юных мужчин, которые, казалось, под воздействием испарений наэлектризованной весны собираются сбросить с себя одежду, а надувшаяся изо всех сил перкалевая занавеска, вобрав в себя всю мощь атмосферы, снова опадает с хлопаньем и звонким щелчком. Считается, что при приближении урагана следует закрывать двери и окна. Надо стараться избегать сквозняков: они притягивают молнию, которая поражает смертельным разрядом согрешивших девушек, рассекая их свинцовым огнем, подобным горящему взгляду, каким ты, Ирена, прожигаешь слуг и плохо выбритых кучеров, преследуемых навязчивыми воспоминаниями о городских женщинах, которые, стоя за ставнями в одних сорочках, улыбаются, слушая гнусавые звуки граммофона. Ирена, нужно стараться избегать прикосновения разгоряченных губ к оконному стеклу, когда через двор проходят эти простолюдины, которые будят в тебе желание. Возможно, подобие поцелуя сильнее сквозняков притягивает к твоим приоткрытым губам огненный язык грозы.

Ирена приглаживает волосы и представляет себе, как ее поражает молния. Она рассеянно слушает, как в зале со смехом говорят о незнакомце, который в непогоду направился к северу, где сплошные непроходимые трясины. От влажного пола пахнет мылом и смолой. Скотину загоняют в хлев, над дорогами витает шерсть от прошедших стад. Жеребцы в конюшнях бешено требуют ласки, в которой им отказали. Шумные собаки толкутся вокруг навеса у дверей. Разбитый

параличом старик знаками показывает, что он хочет что-то сказать. Его отталкивают. Ему хочется что-то сказать, что-то сказать,ему страшно хочется что-то сказать. Но всех больше занимают козы, чем он. Он всем надоел, Он не говорит уже много лет. Ему хочется поговорить. У него течет слюна. Он уставился на покрасневшую Ирену. Напевая, входит сын фермера, Гастон, который проходит на востоке военную службу. Все поворачиваются к открытому шкафу, где уложено белье. К ногам путешественников прилипла желтая земля с холмов. Старик показывает пальцем на Ирену. Что нужно этому старому идиоту? Что еще за глупости у него в голове? Все парни направляются через гостиную в кухню. Пьер, Жозеф, Прюдан... от них пахнет мокрыми волосами, они шутят, толкаются и хлопают друг друга по животам. Гастон хватает Прюдана за яйца. Они сцепляются. Поскальзываются на обмылке хозяйственного мыла, слышна ругань. Да, что бы вы сами сказали, оказавшись в болоте. Божья Девка, точнее Пресвятая Ебародица. Гастон, не слишком смейтесь над этими богохульствами. Сифилис уже близок, еще пятнадцать дней и он даст о себе знать, он притаился в крови и готовится нарисовать причудливые красные цветы на его коже с бледными крапинками язв на изгибах его нервов. Если только его не спасет чудо. Он уже (и самым распространенным в Нанси способом) подхватил болезнь, которая однажды сделает его похожим на старика, хрипящего в своем кресле, однако пока он пехотинец, вопреки всему ждущий исцеления в неуютной грязной комнате от красных пастилок перманганата, подогреваемых на маленькой плитке. Суровый взгляд его матери, проходящей с грудой тарелок в руках, выводит отпускника из себя. Он плюет на землю и кричит: «Хуятерь Божья!» Имя Создателя заглушается раскатом грома и взрывом смеха святотатцев. Дождь с силой барабанит по стеклам. В глазах деда Ирена замечает новую вспышку и затыкает уши. Чего она боится? Проклятья или наказания небес? Она опирается о ларь, линии узоров которого продолжают линии ее тела.

***

«Я потерял счет годам. Первое время я еще следил за рукой, отрывавшей листки календаря. Понедельник или вторник — я перестал что-либо понимать в этих человеческих условностях. Все дни казались мне такими похожими. Само же число было для моих слабеющих глаз чем-то вроде знако-

мой мелодии. Это растущее на стене число никогда не имело того смысла, который я ему придавал. Каждый месяц я смутно надеялся, что, в конце концов, я снова научусь считать, хотя бы на пальцах. И что же произошло потом? Может быть, оттого, что мое кресло немного сдвинулось, границы моего зрения совсем сузились? Я больше не видел календаря, дни и ночи смешались. Я мог различать только времена года и окончательно потерял счет годам.

Мне было двадцать пять лет, когда я оказался навсегда прикованным к креслу. Ребенок моей дочери уже достиг половой зрелости. Значит, сейчас мне уже за шестьдесят, а этот пыл все не ослабевает, он тлеет во мне вопреки моей неподвижности. В начале, когда я еще надеялся на будущее выздоровление, хотя мне и приходилось раньше самому видеть слабоумных и разбитых параличом, я совершал нечеловеческие усилия, чтобы, хотя бы взглядом, дать понять моей жене, когда она меня касалась, что я все еще мужчина. Она говорила, с надеждой положив руку мне на плечо: «Он волнуется, он очень волнуется» и только я один с беспощадной ясностью осознавал, что, в конце концов, умру от кровоизлияния. Стараясь успокоить меня и давая мне советы, она часами оставалась рядом, совсем рядом со мной, не замечая, — я никогда не мог до конца этого понять, — не замечая в моих расширенных от напряжения зрачках кровавого смешения ненависти и желания. В полном молчании и неподвижности я пытался выразить вращением своих глаз возбуждение. Из них изливался целый поток образов, кружащихся между миром и мною. Тела, тела, тела людей вокруг меня, мои скованные руки срывали с вас одежды, одежды, облегавшие ваши проклятые формы, срывали вместе с вашей кожей, с кожей, вводящей в искушение, оставляя на ее белизне и роговых оболочках моих глаз разящие красные следы самца, умершего без покаяния гордой и возвышенной смертью, которой безмолвно жаждала вся моя потрясенная плоть, неспособная смириться с отсутствием наслаждений, не доступных телу самца, чьи руки лишены возможности что-либо делать, в то время как между застывших неподвижно ног смехотворно торчит огромный источник небесной благодати, который по-прежнему можно сосать, дрочить, запихивать в дырку, этот готовый проткнуть стены член. В одно прекрасное утро моя сердобольная супруга решила еще читать, несмотря на то, что мои глаза ясно говорили о диких мучительных желаниях, одолевавших меня, молитвы святых мучеников. Иногда она сажала к моим ногам мою дочь и ко

всем прочим проклятым страстям, терзавшим меня, присоединялся инцест. «Помни всегда своего отца, моя Виктория, и то, как терпеливо я сносила это несчастье, -— шептала добрая мать, -— как я ухаживала за ним, как я его любила. Больные уже одной ногой в раю. Они причастны вечному покою, где в небесной лазури царит Всеблагой Господь. Грешные мысли постепенно покидают их. Они не умирают внезапно, сразу же отлетая к ангелам: благодать нисходит на них, как морской прилив. Виктория, моя дорогая, вглядись повнимательней в глаза своего отца и ты заметишь в них отдаленное сияние голубых небес.» И Виктория поднимала ко мне свои глаза, смущенные глаза невинного ребенка. Я читал в них рождающуюся тайну, подобную тайне огромного леса, в котором под листвой дышат первые фиалки. Потом с незамутненных век моего ребенка мои глаза соскальзывали на ее перламутровую кожу, при этом я на мгновение задерживал взгляд на губах. Пятно на них свидетельствовало о выпитых тайком чернилах. Из-под рубашки выглядывала нежная впадинка под узким затылком. Две ловкие ручки иногда случайно касались моих колен.

Нет, я никак не мог понять, замечает ли что-нибудь моя жена. Иногда между нами пробегало, и я мог бы в этом поклясться, нечто вроде дрожи, которая не была только воспоминанием. Но это сразу же проходило. Может быть, мне казалось? И я приписывал ей собственную лихорадку. Она была само олицетворенное достоинство, всегда приходя одетой во все черное, потому что это наилучшим образом соответствовало ее положению. Ах, как меня бесил этот преждевременный траур! Мне хотелось одеть ее как акробатку, раздеть догола, накрасить, оставив на ней лишь черные чулки. А она читала свою молитву и изредка целовала меня в лоб. Чудовище! Но иногда, когда она приводила ко мне малышку, мне казалось, что я ловлю на ее лице что-то вроде молчаливого соучастия, и тогда я не знал, что и думать. Хотя отцовское чувство тоже иногда просыпалось во мне и я силился улыбнуться Виктории. Да нет, все это был бред: моя жена говорила таким знакомым мне холодным голосом. Она рассказывала мне новости. Привычная беспощадная жалость. Однажды в полдень она пришла ко мне, чтобы дать воды. Августовская духота наполняла комнату. Неделями не было ни малейшего сквозняка. Во дворе ощипывали цыпленка. На меня внезапно обрушился настоящий шквал. Незримый ураган между наших сблизившихся лиц. Я с болью ощутил зрелую,

готовую уже пойти на убыль, красоту своей недоступной супруги. Чудесная зернистая слегка влажная кожа, пряный запах, ужасная жара. Она не дотронулась до меня, но на мгновение застыла. Правильно ли я понял? Кажется, уходя, она закрыла глаза и вся напряглась, не проронив ни слова. Мне показалось. Показалось. Она хотела это скрыть, отвернувшись от меня. Наверное, это была просто внезапная грусть, грусть моя или ее. Скорее, ее.

А тем временем Виктория подрастала. Ее глаза старались избегать моих. Украдкой она бегала за мальчиками. Сперва она от меня не пряталась. В моем присутствии она листала иллюстрированные книжки, и я видел, как добрую четверть часа она рассматривала чем-то портрет с усиками. Однажды она сидела здесь, напротив окна. Она шила, и ее отвлекло какое-то происшествие на улице. Она сидела, застыв с иголкой в руке и приоткрыв рот. Я видел ее пухлую руку. Ее грудь вздрагивала в дневном свете. Я чувствовал, как под шотландским корсажем эта едва сформировавшаяся невинная детская грудь все твердеет и твердеет. Ее шея напряглась, а губы дрожали. Потом рука снова яростно взялась за дело. Виктория даже не подняла головы, когда со двора вошел слуга с толстым наивным лицом, и, застегивая ширинку, прошел через гостиную. Когда за моей спиной хлопнула дверь кухни, глаза Виктории оторвались от шитья и медленно уставились в глубь комнаты, но по дороге наткнулись на мои. С того самого дня моя дочь меня возненавидела.

«Эти плохо угасшие желания, разгоравшиеся от любого пустяка, оживляли не только Викторию и ее мать. Были еще и служанки, одно присутствие которых, подобно вспахивающему землю плугу, переворачивало во мне все. Только новенькие побаивались меня. Привыкнув, они переставали обращать на меня внимание. Когда я был помоложе, многие пугались, замечая во мне эту застывшую силу. Они старались не сталкиваться со мной взглядом. Или пугливо уходили, хихикая. Один, один раз... Только одна обратила внимание на то, что со мной происходит. Это была высокая медлительная девица с большими неторопливыми руками. Прачка. Когда в зале никого не было, она молча вставала передо мной. С мрачным видом. И стояла так довольно долго. Потом она расставляла ноги. И так она делала по два-три раза в день. Она окидывала комнату быстрым взглядом и поправ-

ляла рукой свою прическу. За те шесть месяцев, что она провела на ферме, она не коснулась даже моего рукава. Однажды утром во время жатвы, когда все были в поле, она, как обычно, зашла и встала передо мной. Но на сей раз что-то ее занимало. Она замотала головой, как бы говоря «нет» и отгоняя тайное предположение. Внезапно она задрала юбку и показала мне лобок. Красивый светло-шатеновый пухленький передок, на ней были серые хлопчатобумажные чулки на веревочках. Юбка упала, и со словами: «Мне нужно посмотреть, куда я поставила молоко», она вышла из комнаты. Через три дня она покинула ферму, ей пришло какое-то письмо.

Каждую весну я наблюдал за горячкой, которая охватывала деревенскую молодежь. Девочки и мальчики совсем меня не стеснялись. Я знал все их связи, все их измены, их пороки. Из своего угла я наблюдал, как сходятся и расходятся пары, а иногда целые трио, огромные семьи. Они не стеснялись обниматься в моем присутствии: «Старик. Он все равно ничего не расскажет, он не может ничего сказать», а находились даже такие, кому мое присутствие нравилось. Нравилось. Во всяком случае, несколько лет подряд отец Гастона, фермер, забавляясь с разными женщинами, делал это так, чтобы я мог его видеть. Он высовывался в окно, как будто бы для того, чтобы освежиться. Иногда он курил трубку, а женщина, присев на корточки, обрабатывала его, глядя на меня. Или же она не могла меня видеть. Он следил за двором и часто кричал на кого-нибудь. Женщина пугалась. А он пинал ее коленом.

Мне было приятно видеть вместе мужчин и женщин. Мне казалось, что их пример поможет мне вылечиться. Они меня ужасно возбуждали. В конце концов, случилось так, что подобные зрелища увлекали меня гораздо больше, чем я мог себе представить. Я всегда испытывал страшное смущение. Но даже это смущение начинало нравиться мне все больше. Мне все больше нравилось и то, что в первые годы моей неподвижности больше всего заставляло меня стыдиться. Я следил за мужчинами, тайно желая, чтобы им хотелось служанок или мою дочь. Я сам в мыслях раздевал их, чтобы представить себе эффект, который должны были произвести на них замеченные ненароком обнаженное плечо или грудь.

Зимой моя заживо погребенная своим трауром жена умерла. Меня подвезли к трупу. Ее губы были плотно сжаты. Она унесла свою тайну с собой. А мне хотелось поведать всем о моей, я мучительно напряг свое непослушное лицо. Люди толкали друг друга локтями. «Да, это печально, бедный старик. Она была так добра к нему.» Жизнь немного упростилась. Виктория не считала себя обязанной продолжать кривляния своей матери. Она даже смеялась, когда работники подшучивали надо мной. А я думал: вместо того, чтобы заниматься мною, лучше займитесь ею, моей дочерью. В мае, а может быть, в апреле, фермер снова вернулся к своему окну, и у его ног была Виктория. Она думала, что для меня это страшный удар. И зло смеялась. А я внимательно рассматривал ее: я снова видел когда-то такие невинные глаза и маленькое тело, которое теперь развилось. Сцена повторилась несколько раз. Я был взволнован и испытывал необыкновенное удовольствие, которое Виктория принимала за ярость. Однажды она встала и прошла совсем близко от меня, продемонстрировав мне трещины на своих губах. Вскоре после того, как все здесь стало принадлежать ей, моя дочь Виктория вышла замуж. У нее были любовники, родились дети. Ее ненависть ко мне не ослабевала. Эта ненависть тоже приносила мне специфическое удовлетворение, о чем она абсолютно не подозревала. Мне нравилось это, Виктория, я никого так не любил в мире, кроме тебя, честное слово. Она показывалась мне в объятиях всех своих мужчин, я уверен, что всех. Я видел ее даже со служанками. Она стала настоящей женщиной. Она немного поблекла. Ей уже скоро сорок. И она моя дочь. В глубине взглядов, которыми мы обмениваемся, таится так много, известного только нам двоим. Мне нравится ее упорная ненависть, которую я чувствую на себе каждый день. Мне нравится презрение, которое сквозит в каждом ее обращенном ко мне слове. Она укрощает всех мужчин. Тот фермер всегда к ее услугам. Он тоже женился. Он предан ей, как собака. Эта женщина настоящая госпожа. Ах, если бы ее мать была такой же.

Вот уже не менее сорока лет, я плаваю среди жалящих меня страстей, не разрушая плотины, отделяющей меня от вселенной... Грандиозное безразличное сочувствие витает над креслами немощных. Праздные зеваки, вам все равно никогда этого не понять. Я не согласился бы лишиться своего положения за все золото мира. Отбросив все ребяческие желания мужчин, я могу посвятить все свое время чистому, не

замутненному ничем сладострастию. Мои чувства обострились до бесконечности и, в конце концов, я обрел в этой чистоте истинное удовольствие. Старость почти не тронула моего тела. Хотя мои волосы поседели, я почти не проводил своих дней в постели с женщиной, которая каждую ночь агонизирует в своей морщинистой коже. За моим видимым рабством скрывается глубокая внутренняя свобода. В то время, когда я мог ходить и говорить, я целиком зависел от других. Даже мысли казались мне преступными. Я должен был всячески ограничивать себя. Я боялся стоящих передо мной вопросов. Великая обделенность таитт в себе большие преимущества. Сегодня уже нет такого несчастья, которое могло бы еще на меня обрушиться, или события, которое могло бы меня разочаровать. Я научился наслаждаться сам и сопереживать наслаждению другого. Я не думаю о смерти. Не скучаю. Совсем нетрудно избавиться от скуки, если не с кем говорить, а я больше не могу говорить. Время от времени мне страстно хочется быть таким же, как все остальные люди. Эти кратковременные кризисы помогают мне еще острее ощутить свое счастье. Может ли со мной случиться что-нибудь еще худшее? Пожар на ферме? Но все мое тело практически нечувствительно к физическим страданиям, Он был бы еще одним увлекательным представлением, ии я даже немного желаю его, этого пожара, хотя бы для того, чтобы увидеть животный страх всех этих мужчин и женщин, Виктории, ее дочери Ирены: умереть, созерцая картину этих опьяняющих откровений, среди этой растрепанной, охваченной паникой, полуголой толпы. Если бы вы, молодые люди, насмехающиеся над калеками, только знали, какое приглушенное наслаждение, какое содрогание в глубине своей плоти я испытываю, слушая ваши насмешки. Ах, смейтесь же, смейтесь, прекрасные двадцатилетние животные. Я признателен вам за то удовольствие, которое я испытываю, когда слышу вас. Так смейтесь же надо мной еще и еще, я прошу вас, смейтесь до икоты, взахлеб, до удушья. Прямо здесь, стоя передо мной. Как напрягается их кожа. Они тоже, наверное, думают, что это меня злит. Они начинают ненавидеть меня от всего сердца. Грязный старик, думают они, он все время пускает слюни и мешает нам радоваться жизни. Они осыпают меня бранью: ведь они ничем не рискуют, ибо знают, что Виктория, мадам Виктория, не будет возражать. Самые наглые даже толкают меня. К несчастью, они не осмеливаются от души поиздеваться надо мной. Правда, был такой момент, когда я думал, что они меня по-

бьют. Но нет. По крайней мере, не сегодня. Когда-то я был мужчиной более привлекательным, чем вы, гораздо сильнее и умнее вас. Образованным мужчиной, грязные скоты. Меня любили. Вы бы сами тогда искали знакомства со мной. Я жил в городе. Меня занимали сложные проблемы. Я мог бы рассказать вам об этом, если бы мог говорить. Но я благодарен сифилису за то, что не могу говорить. И вы никогда не узнаете, кто просидел здесь целых сорок лет. Ах, почему вы не отвесите мне оплеуху, какие глупые предрассудки или трусость удерживают вас? Моя жизнь бесподобна. Я чувствую, как из меня исходит всепоглощающая торжествующая радость: так бейте же меня, я вам говорю, может быть я даже более велик и значителен, чем Александр или Юлий Цезарь!»

***

Рыбки рыбки это я вас зову: видите мои красивые ловкие руки в воде. Рыбки в вас есть что-то мифическое. Ваши любовные отношения совершенны, а ваши чувства непредсказуемы. Вы даже не приблизившись к своим самкам чувствуете возбуждение от одной мысли о семени как нит тянущемся за вами от мысли о таинственном соитии, которое совершается в тени переливающихся вод и вызывает чью-то безмолвную экзальтацию. Рыбки, вы не обмениваетесь любовными посланиями, а выражаете свои чувства собственным телом. Нежные самцы и самки, рыбки, я преклоняюсь перед вашим неподражаемым способом чувствовать. Если бы я только мог хоть где-нибудь избавиться от своих чувств. Скольких преступлений можно было бы избежать, скольких драм! Ichtys. Иисус Христос Сын Божий, как я вам завидую. Бесподобные божественные глубины, я чувствую себя ничтожным и схожу с ума когда хоть на мгновение вспоминаю о вашем спонтанном разуме, в котором зарождается прекрасное морское растение страсти, охватывая своими ветвями ваши хрупкие тела, в то время как вода вибрирует вокруг вашего одиночества и слышится пение волн у берегов. Рыбки, рыбки, стремительные подобия чистого наслаждения, незамутненные символы непроизвольных поллюций, я люблю вас, и я зову вас, рыбки, напоминающие монгольфьеры. Сбросьте вглубь опасных впадин балласт страстей, продемонстрируйте свое интеллектуальное превосходство.

Рыбки рыбки рыбки рыбки.

Но человек тоже иногда способен любить.

В отношениях влюбленной пары всегда существует отдельная сфера, на которой концентрируется особое внимание и которая оказывает неизбежное воздействие на развитие личности. Именно здесь, в пределах этой сферы просматривается весь спектр света желания, от раскаленно— красного до прохладно-фиолетового, и чудесным образом незаметно зарождается чувственность. Тогда... тогда... но не будем предвосхищать события.

А теперь, дорогой читатель, я введу тебя — именно тебя, того, кому всю последнюю неделю пришлось наблюдать с помощью чего-то вроде перископа довольно продолжительную сцену, которую из глубины погреба, где тебя заперли, ты принял чуть ли не за подлинную экзальтацию человеческой души; но ты ошибся: это всего лишь бесцветное грубое существо, которое, помня о том, что может сделать с человеком разврат и недостаточное питание, заранее приукрасили, чтобы тебя не слишком отвлекала жалость, тебя или кого-нибудь другого, потому что ведь ждали не обязательно тебя; это существо научилось посредством грустного ежедневного опыта искусству изображать страсть, даже не испытывая ее укуса — в комнату Ирены, туда, где она занимается любовью. Я прекрасно узнаю ее, даже обнаженную; по мне так груди у нее немного длинноваты. А мужчина стоит ко мне спиной: я не могу назвать его имени, и если я где-то и встречал это тело, то, конечно, под одеждой, а одежда мужчины, в отличие от женщины, для меня — самое характерное в нем. Любого обнаженного мужчину с бородой я путаю с Иисусом Христом. Но тот, что расставил ноги над Иреной и грубо ее щупает, если судить по боковым движениям его челюсти, гладко выбрит. Когда он приподнимается, я замечаю их слившиеся груди, которые не могут оторваться друг от друга. Может быть, конечно, у него небольшая бородка или американские усики. Опираясь на левую руку, он вытягивает правую вдоль тела Ирены и запихивает эту руку ей под мышку. Он всячески пытается изобразить сильные чувства. Шепчет ей на ухо, хорошо ли ей. Сперва кажется, что он скована и стесняется, потом она все больше расслабляется, подыгрывая и увеличивая темп скачки. Вот и она теперь уже самец. Теперь уже самец вынужден усмирять самку. Ну-ну, не так резво. Ему пока еще не хочется кончать, или, наоборот,

он энергичен, ему хочется кончить, в общем, в зависимости от испытываемого им в данный момент желания. На дне удовольствия остается лишь горький осадок, слабое воспоминание о полученном удовлетворении. Читатель, когда ты будешь заниматься любовью, никогда не доходи до конца. Но Ирена не слышит этих слов. Она вся выгибается и напрягается, как тетива. Она совершает кругообразные движения тазом и животом, сгибается и ее раздвинутые ноги прилипают к члену застывшего в неподвижной позе мужчины. Он эффектно отодвигается и демонстрирует своей подружке, что его желание нисколько не уменьшилось: он достает из сжимающегося в конвульсиях отверстия свой огромный дымящийся член. Член не слушается его, он выпрямляется и вздрагивает, когда его чувствительный конец с трением покидает вход поглощавшей его пещеры. Яйца мягко бьются о лобок. Начинающийся предприниматель, скромный труженик, и ты, важный государственный чиновник, я разрешаю вам всем бросить взгляд на лоно Ирены.

О сладкое лоно Ирены!

Такое крошечное и такое бесценное! Только здесь достойный тебя мужчина может наконец-то достичь исполнения всех своих желаний. Не бойся приблизить свое лицо и даже свой язык, болтливый, распущенный язык, к этому месту, к этому сладостному и тенистому местечку, внутреннему дворику страсти за перламутровой оградой, исполненному бесконечной грусти. О щель, влажная и нежная щель, манящая головокружительная бездна.

Именно в этой человеческой гавани все потерянные корабли обновляют свои вышедшие из употребления снасти и, возвращаясь к путешествиям детства, поднимают на мачте удачи паруса надежды. Как прекрасна плоть между вьющимися волосками: под этим любовно рассеченным топором узором виднеется чистая, нежная, молочная кожа. А сомкнутые складки больших губ потихоньку открываются. Очаровательные губы, как у приблизившегося к спящему рта, но не поперечного и параллельного всем ртам на свете, а длинного и тонкого, расположенного перпендикулярно к говорящим ртам, которые напрасно ждут от него ответа, очаровательные губы, всегда готовые к долгому и страстному поцелую и придающие этому поцелую новый, ужасный и бесконечно извращенный смысл.

Как я люблю смотреть на возбужденное лоно.

Оно само тянется к вашим глазам, выкатывается, манящее и вздутое из-за своей густой шевелюры, подобно трем обнаженным феям, выглядывающим из-за горных деревьев. А несравненный блеск живота и обнаженных ног. Дотроньтесь же, дотроньтесь до него: ваши руки никогда еще не прикасались ни к чему подобному. Прикоснитесь к этой страстной улыбке, проведите вашими пальцами вдоль этой сияющей щели. Пусть две ваши ладони со сжатыми пальцами пройдут по этой дуге и соединятся у твердого основания, о которое опирается готический купол моей святой церкви. Не двигайтесь больше, оставайтесь так, а теперь двумя вашими пальцами, двумя ласкающими мизинцами нежно, очень нежно раздвиньте прекрасные губы. И тогда, привет тебе, о розовый дворец, светлый футляр, немного растрепанный от суровой радости любви альков, ибо в это мгновение во всем своем блеске появляется вульва. В потертом атласе рассвета как солнце, если на него глядеть, закрыв глаза.

Не просто так, не случайно, но и не преднамеренно, а только благодаря УПОЕНИЮ звучанием слов, которое сродни оргазму, падению в пропасть, растворению всего существа в спущенной сперме, эти две сестрички, большие губы, как небесное благословение получили имя нимф, которое так им подходит. Нимфы на берегу водоема, в самом сердце струящихся вод, нимфы в тени на краю колодца, непостоянные и изменчивые как ветер, стоит только Ирене начать грациозно возбуждаться, вбирающие в себя тысячи разрозненных и не соотносимых друг с другом действий, из которых плетется кружево любви, нимфы, сомкнутые уздой наслаждения в этот очаровательный бутон, вздрагивающий от одного моего взгляда, бутон, стоит мне едва коснуться которого, как все преображается. Небеса проясняются, а тело наливается новыми силами. Дотронемся до него, до этого предвестника пожара. Вот уже легкая испарина проступила на коже, как зарево на горизонте моих желаний. Вот уже караваны оргазма показались в дали песков. Эти странники везут пудру и дешевые товары в забитых ржавыми гвоздями ящиках из далеких городов с террасами вдоль длинных водных артерий, перекрытых черными доками. Они уже преодолели горы. Они уже совсем рядом в своих полосатых накидках. Странники, странники, ваша спокойная усталость похожа на ночь. За ними идут нагруженные продовольствием верблюды. Вожатый помахивает палкой, а над землей поднима-

ется самум. Ирена внезапно вспоминает об урагане. Вдали появляется мираж с его прекрасными фонтанами... Обнаженный мираж под чистым ветром. Чарущий мираж с членом как молоток. Чарующий мираж мужчины, проникающего в щелку. Чарующий мираж родника и тяжелых фруктов. Странники настолько обезумели, что начинают тереть свои губы. Ирена, ты как арка над морем. Я не пил уже сто дней и мне тяжело дышать. Ах, ах, Ирена жаждет своего возлюбленного. Того возлюбленного, у которого стоит даже на расстоянии. Ах, ах, Ирена вся дрожит и выгибается. Его член простирается, как бог, над бездной. Она изгибается, а он избегает ее, она изгибается и напрягается. Ах, оазис склоняет свои высокие пальмы. Странники, ваши бурнусы разворачиваются среди песчаных холмов. Ирена начинает задыхаться и рвется к нему. А он продолжает рассматривать ее. Ее лоно увлажнилось от ожидания члена. На прозрачном плато промелькнула тень газели...

Так пусть же обреченные на вечные мучения грешники занимаются в аду онанизмом. Ирена кончила.

Когда листья в лесах теряют свою зеленую окраску, когда их стебли окончательно забывают о некогда струившихся по ним соках, и эта протянутая навстречу ветру рука снова с жадностью касается украденного ею у великолепия дня золота, тогда эта сухая, готовая смешаться с пылью, листва представляет собой самое жалкое и печальное зрелище во всей лишившейся зелени вселенной. Скелеты нервов, в вас таится пока еще скрытая красками осени мудрость. Мне кажется, что природа достаточно по-детски непосредственна, чтобы позволить существу, покачивание нежных побегов которого мне так нравится представлять, поиграть стебельками растений. Это не рука ребенка. Это не падающая в предсмертной агонии рука туберкулезного больного, вокруг которого суетятся чувствительные врачи, чье падение столь не похоже на падение листьев, это не привыкшая к сопутствующим смерти формальностям рука священники, не рука, ожидающая в портовой лавочке нетерпеливых пьяных ласк моряков, а иногда и просто случайных прохожих, это рука которая более, чем унесенные навсегда ветром листья, могла бы заставить бредить поэтов, ибо ее легко узнать по наколке на пальцах: преступники в туннели хватаются ею за дверцы поезда, и, ударяясь о стену, падают в кровавую тьму, это рука убийцы. Ваше слово, меланхолические поэты. Восста-

новите из этих обломков, которые, собранные вместе, могут стать превосходным орудием грабежа и насилия, из этих обломков, разбросанных в дыму, фантастическую страну, где предел человеческого смирения, мгновение жесточайшего унижения совпадает с октябрем месяцем и еще чем-то трудно определенным. И снова, поймав эту тему за огненно-рыжие волосы метафоры, задумайтесь над тем, что осень с ее золочеными чудесами и лесным метаболизмом служит прообразом тому, кто хотел бы выразить постепенные и необратимые перемены в своем сердце. Пусть он помнит умирающий лес: я открою перед ним такие сферы, в которых он до конца познает свою немую боль, когда бесчувственные руки железных дорог молча устремляются в ночь. Если, полностью исчерпав всю грусть, попытаться перенести эту трагедию сумерек на себя, то можно заблудиться в коридорах Аналогии, как в меблированном отеле, двери которого вместо номера отмечены эхом, пусть же он поблагодарит меня за то, что я отвлек его от банальных осенних образов, и, схватив за эту оторванную искореженную руку, увлек за собой в запретную зону стыда. Он уже не понимает, рука ли это, убийца или просто лист. Он ищет, и жуткая боль сжимает ему виски, напоминая о грандиозном циклоне, который его унес. Чем он недоволен? Он не может больше читать этих диаграмм, он окончательно возненавидел все эти запутанные сложные образы. И все же, мой малыш, все гораздо проще. Ему всегда с трудом давалась стереометрия, как же теперь ему не сбиться с воображаемого пути? Он цепляется за падение листьев, а я, знаю ли сам, что на самом деле значат все эти бесчисленные пряди волос для меня? Взгляните, как, овеваемый ветром собственных мыслей, он несет увядший букет в сжатом кулаке. Зачем ему этот мусор? Бессмысленного сравнения течения его жизни со сменой времен года вряд ли достаточно, чтобы постичь, как, вопреки действию закона земного притяжения, ему, не касаясь земли, с легкостью удается шествовать по облакам. Из его карманов вываливается содержимое, свидетельствующее об увядании, гораздо более печальном, чем увядание осенних деревьев, маленький, почти исписанный карандашик, клочок бумаги, монета в сто су, какие-то письма, образцы ткани для зимнего костюма, смешно, но о саване я не говорил, кусочек ленты и булавка. Вспомни об этих следах увядания в твоих карманах, мой друг, в твоих предательских карманах, когда, преследуемый непониманием в туннелях образов, ты поворачиваешь к выходу, слишком поздно, ведь это убивает твое

сердце, сердце, оторванное от лесных деревьев, куда же ушел ребенок, прижимавшийся к сердцу матери, может быть, он играет стебельками в темноте?

Как странно устроена жизнь! Годы бегут, но, несмотря на все бесчисленные странствия и всяческие перемены, человек нисколько не меняется и остается самим собой, и все потому, что он следует своим моральным принципам и всегда помнит сам себя. Правда ли, что любишь только раз в жизни? Я встречал людей, которые так считали. Когда-то я сам в это верил. Теперь я убежден, что это абсолютно нереально. Но любовь для меня все равно достаточно возвышенное чувство. Я остался верен всему, что любил. И это самое главное. Это то, что заставляет забыть обо всем на свете, и это прекрасно.

Долгие годы я не встречал ничего, что хоть отдаленно могло бы мне напомнить призрачный, зыбкий, как вода, образ Ирены. Другой же образ, реальный, который я попытался забыть вместе с ней, исчез ли он на самом деле? Тому, кто знает, что такое вечность, думать об этом невыносимо тяжело. Она исчезла, исчезла. Я был безумно влюблен в необыкновенно красивую женщину. В женщину, которой я верил, как самому себе. В женщину, которая, как я был убежден, любила меня. И я был предан ей, как собака. Так уж я устроен. Тут произошло нечто абсолютно непонятное... между нами пробежала какая-то волна и, прежде чем я успел осознать, что не стоило придавать так много значения каким-то случайным взглядам, наступило беспощадное время отпусков. Мы вынуждены были расстаться на все лето. Так сложились обстоятельства. Я уехал один, и какие-то трудности, связанные с границей, с работой железнодорожного транспорта, сделали наше общение практически невозможным, даже по почте. Впрочем, все это было не так уж и важно. За три месяца я получил всего два очень коротких письма. Два письма. Нужно знать, что было в этих письмах, чтобы понять, что я чувствовал.

Я старался избегать друзей, выражавших мне ненужное сочувствие. Каждый приход почтальона делал меня мертвенно-бледным до самого вечера. Вечер я проводил за стаканом. Ах, это лето. Лето бесконечного ожидания. Той, кого я любил, нет, я навсегда запретил себе говорить о ней. Я снова ясно вижу одно мгновение в саду в Париже, она сидит, и с

ее колен соскальзывают листки моих писем, весна, перед кафе стоят металлические стулья. Если она хочет знать, какие воспоминания я сохранил о ней, то пусть она не волнуется: она оставила во мне чудесный образ агонии, и я ей благодарен за это! В конце концов, постепенно все прошло.

Там, на юге, не было даже смехотворных развлечений, имевшихся в С... Деревня и великолепный водопад, в который я кидал камни. На голубятне, целиком предоставленной в мое распоряжение, я был полностью поглощен своим наркотиком. С утра до вечера я писал. Иногда меня посещали призраки. Новые, старые. Однажды я начал было думать об Ирене, и она навеяла на меня мысли об обществе и тяжелых условиях жизни.

После этого, возможно, разочаровавшись в ней, я никогда ее больше не видел.

На ферме, где она выросла, не было ни одной мелочи, которая бы не запечатлелась в ее голове: все здание в целом Ирена запомнила таким, каким оно бросается в глаза с улицы, но она знает все неровности стены, каждую из плиток, которыми вымощен двор, все оттенки краски на балках потолка. Как у человека, который заботится о своем теле, отмечая все его изменения, у нее выработалась привычка интересоваться гипсом, деревом и кирпичами. Дом стал продолжением ее существа. Она пропиталась всеми его запахами. Даже время года она различает по открыванию ставен на ферме и смене полевых работ. Ей нравится эта бесконечная гамма смены времен года, в ней самой еще ощущается дикая чувственность, которую выдает этот плохо закрепленный, постоянно разваливающийся черный шиньон и то, как она его нетерпеливо поправляет.

Она не хочет ни в чем себе отказывать. Она никогда не любила других людей. Все они ее враги, так она считала с самого детства. Иногда, неподвижно застыв, она о них забывает. Кажется, что уже ничто не сможет ее пробудить от ее самого крепкого в мире сна. Она полная и страстная. И, вместе с тем, довольно высокая и возвышенная. Даже легкомысленная. Когда ее толкает мать, у нее делается нехороший взгляд. Она часто думает о мужчинах. Впрочем, как и о других удовольствиях. Она неравнодушна к их силе и красоте. Нельзя сказать, что она легко доступна, потому что она по-своему заботится о чистоте своего тела. Но не из мораль-

ных соображений. Кажется, что она согласна спать со всеми. Но это не так. Она долго думает о том, кого отметило ее желание. И никогда не отдается сразу же, подчиняясь первому впечатлению. У нее не слишком много фантазии. Она овладевает мужчиной, всасывая его в себя, как болотная трясина.

В четырнадцать лет она впервые отдалась наемному работнику. После этого парня сразу выгнали. О ней, как о собаке, нельзя сказать, что она в кого-то бывает влюблена. Она не особенно сентиментальна со своими любовниками. Тот, с кем она в данный момент, должен ее удовлетворять. Или до свидания. Вокруг нее увиваются многие. Она красивая, веселая и свежая. К тому же, она любит любовь. Во всяком случае, не чуждается ее. Работы она не боится. Она готова трудиться день и ночь, и когда бисерные капельки пота покрывают ее, она вся лучится от удовольствия и сияет. Заниматься с ней любовью непросто. Она хочет делить ее поровну. Она утверждает, что не умеет лицемерить. И поэтому ненавидит священников, которые почти всегда тайком грешат. Ее невозможно скомпрометировать. Все, что он ней говорят, ее абсолютно не волнует. Она всегда найдет, как ответить своей матери. А все, кто с ней когда-либо сталкивался, вынуждены были ей уступать. У нее немного полные губы, отчего она слегка отворачивается, ее всегда видят вполоборота, как будто она вовсе не замечает людей. Вдруг ее взгляд впивается им в глаза, как в добычу. Она не болтлива. И не особенно приветлива. Ее вид выражает презрение к окружающим.

Она прекрасно осознает, что занятие любовью является главным в ее жизни. Она чувствует, что создана для этого. Все остальное кажется ей бессмысленной тратой времени и чепухой. Ее серьезность делает ее поцелуи несколько грубыми. Деньги ее мало интересуют. Она никогда не думала о том, чтобы переехать в какое-то другое место, она всегда здесь жила и будет здесь хозяйкой. Заведенный на ферме порядок и ее терпеливое подчинение своей матери, Виктории, оставляют ей, при отсутствии воображения и тяги к познанию, лишь самые простые желания: голод и похоть. Иногда мужчина надоедает ей своей глупостью и занудством. Но она не обязательно решает его бросить и взять другого. Тело мужчины для нее гораздо важнее, именно оно сильнее всего влечет ее к себе. Тайно она сама признается себе в этом. И потом, чем ей заниматься, кроме любви? Бол-

таться без дела? Полевая работа не для нее, а в доме достаточно слуг, чтобы она могла позволить себе заниматься чем-то другим, а не домашними делами. На это есть старухи. Ее мать развлекается с мужчинами и царствует. Две женщины ненавидят друг друга, но это им не мешает. Ведь они друг друга уважают. Они очень похожи.

Странная семья, в которой уже два поколения самцов были изведены собственными женами. Отец Ирены умер сразу же после свадьбы. В деревне поговаривали, что это Виктория сама избавилась от него, не желая обслуживать мужчину, которого была обязана считать равным себе. Отец Виктории по-прежнему сидит здесь, в своем инвалидном кресле, вот уже сорок лет созерцая триумф женщин и их самодовольное здоровье. Он окончательно осел в этой деревне, которой навсегда трагически ограничен его горизонт. Что же с ним произошло? У него было немного денег, и он соблазнил дочь крестьянина. Женившись на ней, он купил ферму и небольшой участок земли. А потом, уже сраженный болезнью, наблюдал, как приумножаются вокруг него богатства его близких и растут его потомки. И тем не менее, кажется, сам он в начале сильно рисковал. Риск оправдался. Однако того, кто начинал это дело, практически уже нет. Все, что в этом обломке когда-то составляло сущность его личности, умерло задолго до него самого. От дочери к дочери, вплоть до Ирены передается вместе с обычной крестьянской дикостью что-то вроде безрассудной вспыльчивости. Во всем округе рассказывают об этом всевозможные истории и побаиваются текущей здесь бешеной крови.

Ирену отличает от Виктории то, что она никогда не имела особой тяги к женщинам, и это обстоятельство сильно отдалило дочь от матери, у которой эта тяга была столь сильна, что за все время, как она управляет фермой, здесь фактически не было ни одной служанки, не ставшей трибадой. Эта особенность мешала Виктории в делах. Она привязывалась к девочкам из народа, которые просто поселялись в ее доме. В этих местах питают некоторое уважение к подобному отклонению, которое никто здесь не скрывает, и которое почитается чуть ли не за добродетель. Оно никак не отражалось на престиже Виктории, которую мужчины считали за равную и немного побаивались. Понравиться ей почиталось за честь. Далеко от этих мест можно встретить фермеров, которые с гордостью вспоминают, что она была неравнодушна к ним. Вот женщина. Подобно расплывающемуся масляному пятну

увеличиваются вокруг нее ее богатства и растет неизменно вызываемое ею у всех восхищение. За исключением не любимых ею сельских священников. Естественно, ведь они всегда только и думают, как бы вам нагадить.

Итак, Ирена не слишком любит женщин, ибо женщины постоянно лезут в ее дела. Конечно же она пробовала. Это ведь так просто, и потом, такое сильное искушение. Она несколько раз брала к себе в постель одну высокую блондинку, до того еще, как у нее появился первый любовник. Нельзя сказать, чтобы это было ей неприятно. Заставить ее скучать было практически невозможно. Но ни тогда с девочкой, своей ровесницей, которую она терроризировала, ни с другими, которых часто для разнообразия приводили с собой мужчины, потому что здесь так принято и мужчинам часто нравится наблюдать эти кошачьи нежности, она не испытывала такого удовольствия, как с мужчиной, которое бы длилось так же долго и настолько же отличалось бы от того, которое она может предоставить себе сама, а значит, на все это не стоит тратить времени. Она умеет наслаждаться. И ей нужен мужчина. Его хватка. Тогда время не будет потеряно зря. Истинное наслаждение не спутаешь ни с чем. Она знает, чего хочет. Мужчин здесь хватает, и все они чего-то мнутся. Она замечает каждого вошедшего. Поговори, малыш. А теперь иди, ей на все плевать. Мужчина. Все, чему учат там, в городе, ничего не стоит. Ей это не нужно. Они отвлекаются, на какие-то пустяки. Пусть сначала удовлетворят ее. А потом поговорим.

Виктория осознает, и даже достаточно отчетливо, что Ирена не во всем согласна с ней. Но ей это безразлично. Ей и самой это не нравится. Естественно, она признает за дочерью право действовать по своему усмотрению. Она не думает, что та настолько глупа, что станет кого-то осуждать. Однако она часто спрашивает себя: если бы Ирена тоже любила женщин, возможно, тогда все было бы проще? Между ними не было бы того отчуждения, причина которого, может быть, кроется в чем-то другом. Виктория помнит, что сама не выносила свою мать, но вероятно, совсем по другой причине. Она, Виктория, не вполне уверена, что Ирена никогда не уступит, конечно, только в духовном плане, какому-нибудь мужчине. Она находит свою дочь слишком ленивой и заранее ненавидит своего зятя, ибо ей самой приходилось работать! Виктория разговаривает по ночам, спит она не очень

хорошо, ее раздражает влюбленность некоторых девушек в мужчин, которые гораздо лучше в постели, чем в поле. Она замечает, что ее дочь далеко не всегда спит с самыми лучшими работниками. Ей нравятся и разгильдяи. Вот это больше всего смущает Викторию. А потом, может, ей не так уж и хочется, думает она, она сама... нет, я все же думаю, что она сама этого хочет, ну ладно, все это не так важно. Виктория не привыкла, чтобы ее отталкивали. На сей раз она только думала об этом и ничего не предпринимала, но она наверняка натолкнулась бы на отвращение и холодное презрение. В конце концов, надо признать, что в таких условиях между матерью и дочерью не может быть особой близости. Измотавшаяся и морально и физически за день Виктория поднимается и подходит к ночному окну взглянуть на свои владения.

Ее власть практически безгранична. Она настоящая королева в этом краю. Но как бы и не совсем королева. Все досталось ей огромным трудом. Она помнит массу незаметных для других преодоленных ею препятствий. Земля и люди принадлежат ей не только благодаря ее деловой хватке. Она хозяйка своей жизни и чувственности. Она просто приобретала, она отдавалась этому целиком. Превосходящему остальных не составляет особого труда властвовать над ними. Она превосходила окружающих и властвовала над ними безраздельно. Иногда она задерживается перед своим отцом и замечает, как у него текут слюни. Именно глядя на него, она поняла, что из мужчин получаются хорошие слуги, но жалкие хозяева. Стоит им только перестать вкалывать самим, как они начинают пить и скандалить. Они годятся только на то, чтобы подцепить в борделе сифилис, как этот старик. Он-то точно его там подхватил, по роже видно. Они считают, что этим удобнее заниматься с девками, которым на все плевать и которые готовы выполнять все грязные желания любого урода, немощного, дистрофика и старика. Одна мысль о борделе выводит Викторию из себя, она снова ложится.

В сущности, Ирена действительно с презрением думает о пороках своей матери. На самом деле, она не считает это пороками. Просто она находит это вульгарным. К тому же, это глупо. Конечно, она не отрицает наличия у матери определенной хватки. Она по-своему восхищается тем, как та умеет обращаться с хитрыми и алчными крестьянами, и тем,

что она сумела использовать всех, даже свое лесбиянство, чтобы править в доме и во всей округе. Она знает, как их все кругом уважают. Ее это вполне устраивает, и конечно она была бы на стороне своей матери, если бы кому-нибудь пришло в голову выступить против нее. Но если уж говорить о любви, то она совсем ее не любит. Если бы ее мать, например, имела неосторожность встать на ее пути и помешать осуществлению ее желаний, она тогда не остановилась бы ни перед чем. Впрочем, по некоторым порывам, которые она ощущала в самой себе, она знала, что злые сплетни, которые доходили до нее и согласно которым ее мать подговорила убить ее отца, или даже убила его сама, имеют под собой достаточно оснований. Это делало Викторию в ее глазах более привлекательной и необыкновенной. Ирена, впрочем, была не способна на слишком сложные чувства. Она считала, что подобная изощренность свойственна только мужчинам, а женщины всегда найдут кого-нибудь, чтобы удовлетворить свои желания, если только это, конечно, не уродины — они могут спокойно, беззаботно наслаждаться и не наводить тень на плетень.

И действительно, в отношениях со своими любовниками она не слишком утруждала себя чрезмерной лаской, которая крестьянам, бывающим часто сентиментальными, кажется очень важной в любви, в силу их плохой осведомленности о самых последних современных веяниях. Именно этой особенностью своего характера, тем, что в ней было мужского, она больше всего напоминала свою мать. Ирена вела себя с мужчинами так, как мужчины обычно ведут себя с девушками, страшно нетерпеливо, в то время как те строили планы на будущее, рассказывали о своей жизни, ударялись в нежности. Она была уверена, что объект в любви не так уж и важен, а потому не стоит искать чего-то особенного. Если бы потребовалось, она бы более откровенно и грубо сказала бы об этом вслух. Она умела быть злой и циничной. В отличие от мужчин, она не боялась слов и иногда получала от них особое удовлетворение. Она не забывала о них и во время занятий любовью. Они свободно, безо всякого напряжения, изливались из нее. Ах, какая же она скотина. Она разогревалась на пару со своим любовником при помощи самых грубых и неприличных слов. Она каталась в этих словах, как в поту. Обезумев,она вся истекает ими. Да, любовь Ирены — это нечто.

Она знает это, и пока усталое животное, которое она только что удовлетворила, отдыхает, она потягивается своим прекрасно сложенным телом с длинными грудями и, упиваясь своей победой, начинает самодовольно говорить о себе. О, это продолжается совсем недолго. Если она сразу же не бросается снова на мужчину, чтобы опять насладиться, то прогоняет его, так как не терпит, чтобы тот без дела болтался возле нее. И оставшись одна, и в самом деле одна, так как вообще для нее никогда в мире не существовало никого, кроме нее самой, она смотрится в зеркало в бамбуковой рамке. Прекрасное надменное и чувственное лицо, на котором запечатлелась особая тяга к наслаждению. Доставшийся ей по наследству от матери нос с горбинкой. Глаза посажены близко к носу, но большие и темные, как у статуи. Очень высокий лоб, густые волосы. Непослушный рот. И еще что-то, чего нельзя определить словами, таящее в себе какую-то неясную опасность, какая-то всепобеждающая чувственность с примесью пьянящей вульгарности. Она нравится сама себе. Конечно, ее руки не ухожены и слишком сильны для девушки. Но даже это кажется ей привлекательным. Причесываясь, она прячет свои руки в волосах, отчего их белизна еще сильнее бросается в глаза. От нее исходит сильный аромат брюнетки, обворожительной брюнетки, которая притягивает к себе мысли окружающих.

Вы знаете пословицу племени сиу? В голубом и прозрачном танце, рождавшемся из усилий тужащегося на стульчаке человека, уставившегося на кафель на стене туалета, больше красоты, чем в утренней заре — вот пословица сиу. Сто франков. У всего есть своя цена. Проклятые комары.

Зеркала имеют над словами, которые я употребляю, необыкновенное преимущество, заключающееся в их двойственности: хрупкости и завистливости, например. Так, луна сначала пугается моря, а потом смело в нем отражается. По этой же причине, идиотов так ценят во второй Республике. И это еще не все. А ну-ка, комары, давайте отсюда.

Почему всякий раз, стоит мне услышать, как говорят об орешках, я бываю взволнован до такой степени, что начинаю представлять себе их, или, как сказали бы вы, грезить ими наяву. Но будем рассуждать строго научно. Некая империя сама по себе не смогла бы, даже при самых благоприятных обстоятельствах, сделать из человека, пусть очень

прилежного, императора. Допустим, что и это еще не все. Жалобные вздохи.

Все считают, или, точнее, предполагают, что все это вероятно должно закончиться какой-нибудь поучительной историей. Вот именно, для пиздюков. Известно, что им повсюду мерещатся всевозможные романы и романсы. Стоит им встретить какого-нибудь господина в розовой шляпе, как они спешат всем об этом поведать. Они способны говорить обо всем, о куске дерева, адюльтера, герани. Из всего этого возникает умопомрачительное количество небылиц. Но будем рассуждать строго научно.

Все это должно закончиться поучительной историей, лучше не придумаешь, просто пальчики оближешь, конфетка, а не дырка! Это просто буржуазный предрассудок — всему придавать форму законченного рассказа. А вообще-то — пожалуйста, если это кому-то так нужно. Но в своем рассказе — и это надо хорошенько осознать, я меняю имена и не собираюсь следовать по строго очерченной дуге, в соответствии с законами баллистики и постановлениями Женевской Конвенции, подобно пушечному ядру, которое в полете следует по своей траектории. Его-то уж ничто не остановит. И оно поставит свою точку в конце и, Господи Боже мой, еще какую поучительную! Будьте уверены.

Одни пересказывают жизнь других. Другие свою собственную. С чего они начинают? В конце они делают какое-нибудь глубокомысленное замечание. Про лестницу или сквозняк. Они замечают в жизни другого то, что они способны в ней заметить. Но даже если все это и действительно было, все равно все было бы по-другому. К тому же, впрочем, довольно. Взгляните на зевающего человека. Его черты искажаются, выражая неизвестную доселе меланхолию и сильное физическое страдание. Однако, собственно говоря, какое это имеет отношение к рассказу, в котором подробно излагались бы все перипетии жизни старой женщины, постепенно начавшей писать анонимные письма? И всевозможные размышления по этому поводу. Это обычный буржуазный предрассудок — всему придавать форму законченного рассказа. Похоже, я сам попался на эту удочку, или же меня просто заставили себе служить. Однако со стороны я наверное выгляжу довольно смешно. На фоне вокзала с семафором вдали. Нет, нельзя сказать,

чтобы я был полным ничтожеством. Представить же, что меня могут заставить кому-либо служить с объективной точки зрения было бы равносильно тому, что я бы полностью уподобился какому-нибудь паршивому бездомному псу. Не больше и не меньше. Неизвестная доселе меланхолия, сильное физическое страдание. Номер «Пари Суар» с моим письмом, в котором я предлагаю им свои услуги в качестве сотрудника, и еще несколькими письмами с подобными же предложениями, с искаженным Массимо Бонтемпелли интервью, в котором заявляется, что шесть тысяч узников — цифры опубликованы — сегодня отправляются на каторгу. Именно так, совсем как на этикетке натуральной минеральной воды «Эвиан — Каша», которая у меня перед глазами, где на розовом фоне изображено здание водолечебницы в момент, когда перед садом проезжает коляска и толпится несколько прохожих, среди которых можно различить даму с зонтиком. Естественно, светит солнце. А на ленте, вьющейся по краю лазурно-голубой с черным рамки, можно прочитать банальную фразу: «Одобрено Медицинской Академией». Взгляните на зевающего человека.

Все тот же номер «Пари Суар». Меня охватывает отчаяние, когда я думаю о бессмысленном множестве событий, происходящих в мире. Те, что мне известны, в сравнении с теми, что остались мне не известными, представляют собой просто ничтожное меньшинство. Да ладно, все не так уж страшно, черт побери. Еще глоточек коньяку. Мужчина, который вместо того, чтобы дрочить, хочет немного выпить, вовсе не смешон. И он пьет.

Плеск свежей воды в долине мечты, где с высоты ровно в двадцать метров тридцать сантиметров ты падаешь на изумленный гладкие скалы, ведь не напрасно же рукой человека был подвешен когда-то этот маленький картонный балкончик. Здесь с антологией в руке прогуливался некогда романтизм. Будь внимательней, Цезарь, ты можешь упасть. Ночи стали холоднее. Мне об этом больше нечего сказать, Папала (это я обращаюсь к вечным снегам). Событий слишком много.

Там, где обнаженные скалы отталкивают от себя робкую ногу, где отчаявшемуся растению некуда бросить свое обольстительное семя, там, где ледоруб альпиниста способен высечь лишь искру, там, над царством голубых мух я наше свое пастбище. Я высокогорное животное. Мне нечего об этом больше сказать. Так пусть же тот, кто продолжает рыс-

кать в поисках пропитания, не оскорбляет больше моего слуха своим низменным шипением.

КОНЕЦ

Сибусава Тацухико
Повесть о лисьих чарах[4]

Когда в доме младшего начальника Левой гвардии стало известно, что его жена, госпожа из Северных покоев, разродилась лисенком, никто и не знал, что сказать. Рождение ребенка — событие радостное, да только вот как отнестись к такому случаю, всем было совершенно непонятно. Служанки, потупив взоры, как можно бесшумнее ступали по коридорам, стараясь держаться подальше от покоев, где лежала роженица. Они совершенно не знали, стоит ли поздравлять госпожу с новорожденным. Старая нянька, которая принимала младенца, совсем растерялась, словно тут была и ее вина, и, сгорая от стыда, ночью сбежала из усадьбы через черный ход. Ей, видимо, не хватило храбрости предстать перед начальником Левой гвардии. Сама же госпожа из Северных покоев при виде рожденного ею маленького, покрытого густой шерстью, зверька лишь тихонько вскрикнула и упала в обморок.

Когда она, лежа ничком на постели, очнулась, то увидела прямо перед собой мужа, который, нахмурившись, пристально смотрел на нее. Вид у него был самый беспощадный. Вряд ли начальник Левой гвардии был настолько суров, как сейчас, даже когда скрещивал мечи с врагами в многочисленных битвах, и госпожа, не выдержав гневного блеска его глаз, невольно зажмурилась. Зажмурившись, она крепилась из последних сил, надеясь, что ее сознание снова провалится в темную пустоту. Молчание продлилось некоторое время. Наконец откуда-то сверху донесся голос мужа, который словно бил по ушам. Каждое слово! Ты опозорила всех нас! Ведь у нас, в роду Акамацу, который идет от самих Мураками Гэндзи, за много веков никто и никогда не рожал чудовищ! Какой позор! Не вселился ли в тебя длиннохвостый оборотень, когда ты в день лошади второй луны ходила поклониться лисе в храм Фусими Инари? И не согрешила ли ты с ним ненароком?

[4] Перевод с японского Анны Слащевой.

Затем он обернулся к стоящему рядом заклинателю по имени Кэннэмбо, который возник будто из ниоткуда.

— А вы что скажете? Не стесняйтесь, прошу вас.

Кэннэмбо будто ждал этого. Он пододвинулся поближе и, четко выговаривая каждое слово, чтобы слышала госпожа из Северных покоев, начал:

— Не могу вам сказать, что отродясь таких чудес не бывало. В Китае, знаю, есть старая легенда о Бао Сы, любимице короля Юй-вана. Говорят, она родилась от придворной дамы, которая совсем не была близка с мужчинами. Как-то раз в женские покои дворца пробралась черепаха, которая сочеталась с ней, и та понесла. А еще раньше, когда династия Ся уже была на исходе, в императорском саду появились два дракона и извергли пену из пастей. Пену эту сложили в шкатулку. Ее открыли уже во времена десятого императора Чжоу, Ли-вана. Она вылилась и стала черепахой, непростой, я вам скажу!

— Только на горе Инари черепах не водится. Да и Бао Сы явно не лисой родилась. Лучше скажите мне, как это женщина может разродиться лисенком?

Тон начальника был ехиден и неприятен, и Кэннэмбо, почесав в затылке, ответил:

— Насколько я знаю, и у нас, и в Китае лисицы чаще всего оборачиваются женщинами, а чтобы лис стал мужчиной да еще и женщин в грех вводил — редкость необычайная. Но и такое, я вам скажу, бывает. Вот, в “Продолжении записок о поисках духов” говорится о человеке из царства У по имени Гучжань, который как-то раз пошел на охоту. Он взобрался на холм и услышал человеческий голос, который говорил: “А в этом-то году, увы, добычи совсем мало!” Гучжань позвал товарищей. А голос был из пещеры на склоне холма. Там лежал, свернувшись калачиком, старый лис. Перед ним был развернут свиток, и он что-то подсчитывал на лапах. Гучжань выпустил собак, и они лиса-то и загрызли. А в свертке были имена всех женщин, которые жили по соседству. Рядом с именами тех, кто согрешил с лисом, были красные кресты, а имен там было несколько сотен. И дочь Гучжаня тоже была в списке. Другими словами, не обрати он внимания вовремя — его дочь согрешила бы с лисом, а Гучжань ничего и не понял бы.

— Но как эта лиса вводила в грех женщин? Да и знали ли они, что это лис?

— Ну, таких деталей в книге нет, поэтому сразу ответить не могу, однако есть еще такая история…

Они вдвоем словно забыли о госпоже, которая, еле дыша, лежала рядом, и горячо вели бессмысленный схоластический спор о том, как лисы совращали женщин.

Следует сказать, что пять лет назад госпожа из Северных покоев родила прекрасного, словно жемчужину, мальчика. Ее звали Цукико, и она была из аристократического рода. Во времена поспокойней она могла бы стать и придворной дамой, и императорской наложницей, а может быть, даже самой императрицей. Но из–за того, что она родилась в кровавую эпоху войн, ее семья была в стесненных обстоятельствах, поэтому только благодаря своей красоте она смогла выйти замуж за младшего начальника Левой гвардии из влиятельной семьи сюго-даймё, люди из которой могли многого добиться в те годы. Да и сам муж не уступал ей ни в чем — герой, который смог прославиться в смутные времена. Хоть тогда и считалось, что столичные военные подпадают под влияние изнеженной аристократии — мужественности ему было не занимать. И сын этой пары был на редкость милым. Звали его Хосимару.

Пятилетнего Хосимару, наследника, отец берег, как зеницу ока. Конечно, если бы первенец госпожи из Северных покоев оказался лисенком, разочарование военачальника и его злость были бы куда сильнее. Когда Хосимару только родился, начальник гвардии сразу же появился у постели роженицы и, широко улыбаясь, повторял, что это “хорошее дело”. А сейчас он, глядя на изнуренную после родов жену, не мог не вспомнить события пятилетней давности, и поэтому саркастично заметил, что та “отличилась на славу”. И в то же время его злоба стала еще сильней. Теперь она обратилась на жену и на новорожденного.

Повернувшись к прислужнику, начальник гвардии сурово приказал:

— Что же… Раздробите меж двумя камнями голову этому чудовищу, а труп заройте в землю. Ему не жить!

О столь суровом приговоре сообщили жене начальника гвардии. Она выслушала это известие с отсутствующим выражением лица. Да, впрочем, и сил в измученной душе госпожи из Северных покоев совсем не оставалось. Ее ребенка хотели убить, но она и слезинки не проронила, и не опечалилась. Хоть умом она понимала, что этот покрытый мехом клубочек — ее дитя, но такого чувства у нее не было. Вдобавок, она знала, что муж ей не верит и подозревает в том, что она зачала от лисы, или что в нее вселился длиннохвостый оборотень. Госпоже было горько от того, что муж сомневает-

ся в ее невинности, и бессознательно она понимала, что хуже всего будет, если кто-нибудь подумает, что она забавлялась с чудовищем. Одна мысль об этом ранила гордость. Поэтому ее душа была совершенно истерзана.

Настала ночь.

Госпожа из Северных покоев долгое время ворочалась и только ближе к рассвету забылась в дреме. Но вдруг ей послышалось, что в соседней комнате плачет младенец. Прислушавшись, она разобрала бормотание старой няньки, которая мурлыкала под нос колыбельную. Неясное предчувствие сдавило грудь, и госпожа, несмотря на слабость, все же поднялась с постели и вышла в коридор.

Отодвинув дверь, она увидела, что в соседней комнате, несмотря на ночь, горит свет, и несколько служанок, распустив волосы, сидят в кругу и клюют носами. В центре седовласая нянька аккуратно держала младенца в новой одежде. Кто-то ведь сшил их, такие роскошные одеяния из белого атласа, украшенные серебром, с алым воротником. Из них выглядывала лисичка. Она надувала губки и моргала круглыми глазками. Из–за подола свисал толстенький, словно венчик для чая, золотистый хвост.

Держа дитя, нянька покачивалась туда-сюда и пела неслыханную колыбельную на странный мотив:

— Баю-бай, баю-бай,
лисонька-лиса с горы Фунаока,
коль заплачешь — съест собака,
а не заплачешь и уснешь,
что же станется с тобой,
с маслом лисоньку зажарят,
баю-бай!

Непонятно, подумала госпожа из Северных покоев, ведь лису уже наверняка убили и закопали в землю, как и приказал ее муж. Все, что происходило перед ней, казалось дурным сном. Она увидела, что маленькие, точно зернышки, глаза лисички были наполнены слезами. Вдруг госпожа встретилась взглядом со зверьком, и страх, словно удар тока, поразил ее. Вскрикнув, госпожа упала на пол.

К ней подбежали служанки, но зрелище уже исчезло. Ведь приказ военачальника исполнили, и лисенка уже не было на свете. И госпоже из Северных покоев стало ясно, что это было видение.

Прошла неделя, потом еще одна, но госпожа из Северных покоев все не могла оправиться после родов и оставалась прикованной к постели. Целый день она лежала в су-

мрачной комнате, словно больная, то просыпалась, то засыпала — вела, в общем, совершенно непонятный образ жизни. Ей постоянно казалось, что вокруг бродят какие-то невидимые тени, и она не могла оставаться одна. Ночью госпожа не гасила свет, и служанки поочередно дежурили у ее постели. Они, служанки, хоть и малейшего понятия не имели о кошмарах, которые преследовали госпожу, но что-то такое чувствовали и боялись оставаться в комнате.

Например, часто — днем ли, ночью, неважно — на висках госпожи выступал пот, и она, вдруг перепугавшись чего-то, громко кричала. За ней одна за другой вскрикивали служанки, будто курицы в курятнике. Казалось, что невидимые существа преследуют всех женщин в комнате.

Из–за затворничества у госпожи началась меланхолия, поэтому родственники посоветовали ей чаще бывать на улице. Весной, в третью луну следующего года, она надела шляпу-цубо и, взяв шестилетнего Хосимару за руку, отправилась в Арасияма вместе с несколькими спутниками. Ранее эта местность славилась своими осенними видами, но, когда бывший император Камэяма перевез туда вишни из Есино, оно стало известно и ее цветами. Вишня только еще зацвела, но небо было ясным, и весенние поля и реки блестели на солнце. Хосимару, который давно не гулял с матерью, крайне обрадовался. В тени деревьев он отпустил руку госпожи и со смехом начал бегать за служанками.

Теперь госпожа из Северных покоев осталась одна под цветущими вишнями. Ее радовало, что Хосимару резвился неподалеку, и она заулыбалась. Но все же в глубине души таилось какое-то неясное, будто навеянное цветами, предчувствие. Куда же делись Хосимару и служанки?

Беспокойство охватило ее. Вдруг она увидела старика-аристократа в шляпе эбоси и придворном костюме. Он, столь странно выглядевший в таком месте, направлялся к ней слегка запинавшейся походкой. Госпожа из Северных покоев удивилась, узнав в нем отца.

— Отец, вы хотели со мной встретиться?

— Да.

Он грозно посмотрел на дочь из–под шляпы:

— Цукико! Я здесь, потому что должен тебе кое-что сказать.

— Что же?

— Не понимаю я. Ты недавно родила лисенка. Это такой позор на семью, что и словами не опишешь. Мне самому трудно и говорить об этом. Господин военачальник в ярости

и даже сказал, что хочет разорвать с тобой супружеские клятвы. Не ждали мы от тебя такого, как я его понимаю! И никаких оправданий слышать не хочу. Тебе бы следовало понимать, что твоя ошибка куда хуже простой супружеской неверности!

— Но отец, это все ко мне не относится.

— Что это ты говоришь? Не стыдно ли врать, что ты родила чудовище, а от кого — не помнишь? Откуда тогда взялся лисенок?

— Но это не так, отец. Я совершенно ничего не помню.

— Помнишь ли ты или нет, Цукико, но доказательство есть доказательство. Не будь столь упрямой! Ты мало того, что запятнала честь семьи, так еще не помнишь, как это произошло?

— Да.

Она внезапно обессилела, и ее душу охватила тоска, словно расхотелось жить, и только смерть была единственным выходом. Она будто проваливалась в темноту. Цветы вишни блестели на весеннем солнце. На него набежала тучка, и пейзаж вмиг стал холодным и чуждым. Госпожа из Северных покоев увидела под деревом маленьких лисичек, которые пристально смотрели на нее.

Словно зачарованная, она сделала несколько шагов и вдруг схватила себя руками за шею. Ей показалось, что это самый простой способ убить себя.

Лисички будто смеялись над ней:

— Души сильней!

— Души еще сильней!

Постепенно лицо наливалось кровью, но госпожа не ослабляла хватку. Чем больше госпожа давила, тем больше алело лицо, и на висках и лбу выступили капельки пота. Ее шляпа свалилась на землю. Госпожа из Северных покоев высунула язык и как волчок закружилась на месте. Дай, дай мне умереть, думала она.

Неожиданно к ней подбежал Хосимару и изумленно спросил:

— Мама, что ты делаешь?

И лисята под деревом, и фигура отца в шляпе, все исчезло. Серебристые цветы вишни вновь заблестели на солнце, и покрытый мраком пейзаж снова стал нормальным. Вместе с Хосимару вернулись служанки и спутники, они выглядели так, будто еще не окончательно проснулись.

Видение. День за днем госпожу из Северных покоев преследовали видения. Не всегда они были такие страшные, как

те, что напугали ее во время прогулки в Арасияма. Но ни разу ни в одном из них не было лисы. Впрочем, у нее этот зверь не вызывал ни страха, ни ненависти. На их место заступило чувство привязанности, чему сама госпожа удивилась. Она верила, что родила девочку, то есть самку, лисичку.

— Что ж, пора идти на паломничество в святилище.

Как-то раз госпожа из Северных покоев взяла лисенка и направилась в святилище Имамия к северу от горы Фунаока. Праздник Ясураи давно закончился, думала она, людей в Мурасакино немного, и на ее паломничество со зверем никто и внимания не обратит. Святилище Имамия она выбрала, видимо, потому, что вспомнила, как нянька в колыбельной упомянула лисичку из Фунаока. Взяв лисенка, она вдруг испытала столь сильный восторг, что это даже показалось ей подозрительным.

Когда госпожа переступила порог святилища, ее восторг сразу пропал. То ли отмечался какой-то праздник, то ли еще что, да только храм был полон жен городских купцов с дочерьми. Все девочки были с цветами в волосах и белой пудрой на кончике носа. Они носили роскошные храмовые одеяния и держались за руки матерей, а если матери не было, то бабушки. При одном взгляде на этих людей радость госпожи из Северных покоев пропала. По сравнению с ними, ее паломничество с лисенком выглядело комично и глупо. От стыда ей хотелось провалиться под землю. Спрятав лисичку в плаще, госпожа собралась пройти мимо этих людей. С каменным видом она завернула мягкого лисенка в шелк и крепко-накрепко привязала к себе. Еще крепче. Но перестаралась. Когда госпожа проходила мимо людей, лисичка, выглядывающая из плаща, уже не дышала.

— О господи, какой ужас! Да сколько же раз мне придется тебя убить!.. — запричитала госпожа из Северных покоев. На полах плаща виднелась свежая кровь.

Конечно, читатель волен подумать, что и этот эпизод всего лишь видение госпожи. Но автор будет крайне благодарен, если читатель поверит, что кровь на плаще была настоящей.

У подножья горы Сёся в Бансю, где лениво катит воды река Юмэсаки, стоял особняк, в котором затворился начальник Левой гвардии. Госпожу из Северных покоев туда даже и не пускали. Несколько лет он, не заботясь ни о чьем мнении, провел медитируя и занимаясь магией “самадхи”. Эта

таинственная магия была связана с использованием “лисьих трубок” и поклонением духам-дакини. Падкий на все новое начальник гвардии сначала отнесся к этому как к эксцентричному хобби. У него уже была коллекция китайских чайных принадлежностей, но вскоре этот “мир вещей” ему наскучил, и под руководством Кэннэмбо, разделявшего схожие интересы, он увлекся метафизикой.

Я выше упомянул мир вещей и метафизику, но эти выражения, строго говоря, не совсем верные. Вкратце говоря, магия дакини, она же магия Идзуна, основывается на действиях лис с паранормальными способностями. Практикующие ее люди используют лис вместо волшебных предметов. Лисы в данном случае имеют такую же ценность, как и китайские чайные принадлежности. Что же касается “лисьих трубок”, то они представляют собой небольшие фигурки лис с раздвоенными хвостами-трубами. По одной из версий, заклинатель разводит таких лис внутри бамбуковой трубки, вроде той, что используют для раздувания огня, поэтому их так назвали. Их, как и чайные принадлежности, можно коллекционировать.

Однако младший начальник Левой гвардии в своем искусстве пользовался не “лисьими трубками”, а так называемыми “лисьими камнями”. Перед тем, как объяснить, что это такое, я расскажу, как ему довелось одним таким камнем завладеть.

Как-то летним вечером в особняк к начальнику гвардии заглянул странный мужчина в соломенной шляпе и плаще. Он представился плотником из Кицуки, что в Косю. Затем вытащил из мешка большой кошель из оленьей шкуры и грубо бросил к ногам начальника гвардии.

— Если тебе не по нраву придется вещица в кошеле, то завтра, ближе к вечеру, положи его у святилища Ототэндзя, что в храме Энгедзи. А если она тебе понравится, то оставь себе, а в кошель положи пятьдесят рё золотого песка, да и оставь в том же месте, в тот же час. Выбирай, как тебе угодно. А когда выберешь, действуй, как пожелаешь.

Когда плотник ушел, начальник гвардии быстро развязал кошель и увидел там лисий камень размером с кулак. На следующий день он приказал слуге положить кошель с пятьюдесятью ре золотого песка в храме Энгедзи на вершине горы Сёся. Он знал, что лисий камень ему приходится.

Как написано у Киути Сэкитэя в “Истории корней и туч”, лисий камень “добывают из головы мертвой лисы”, но это не всегда так. Некоторые находили камни, забросив невод в

реку, а другие — копая в горах. Однако считается, что этот камень обладает силой, которая позволяет лисам творить чудеса, и, скорее всего, он находится внутри зверя. Его можно сравнить с камнем навроде почечного, наполовину органической, наполовину минеральной субстанцией, которая образуется в теле животного. По одной версии, этот камень белый, как куриное яйцо, по другой — бледно-розовый. Говорят, что он твердый, но некоторые считают, что если его сжать, то на нем появляется вмятинка, которая исчезает, если убрать палец. Но чудеснее всего, что этот камень может светиться во тьме.

Начальник гвардии водрузил лисий камень на полку в своем кабинете, рядом с вазами и курильницами, и постоянно рассматривал. Днем это был обычный камень, но ночью он светился и привлекал своей красотой. Начальник гвардии был удивлен и не мог налюбоваться. Дней через пять к нему снова зашел плотник и дал совет иногда поливать лисий камень водой, а также ни в коем случае не выставлять его на солнечный свет, только под лунный. Камень вел себя словно живое существо, копившее в себе силу духов садовник, ревностно выращивающий деревобонсай, начальник гвардии ухаживал за лисьим камнем. Следуя совету, он выставлял камень под лунный свет и поливал водой, в общем, из кожи вон лез, чтобы его свет стал ярче. Когда начальник пел сутры или читал молитвы-дарани, то всегда ставил камень рядом, чтобы тот мог напитаться их энергией. Так прошло несколько лет, в течение которых начальник с камнем практически слились в одно целое. Никто и не знал, какие чудеса можно сотворить благодаря камню и какие желания исполнить. А лисий камень, жадно впитывая его стремления и желания, светился ярким светом, как будто полированный.

Да только как-то раз начальник гвардии допустил оплошность, и все его усилия пошли прахом. Вот как это случилось.

В особняке, который находился в Бансю, было запрещено появляться всем родственникам и членам семьи начальника, в особенности госпоже из Северных покоев, и только для сына, для любимого сына, он делал исключение, тайно приглашая его в гости. Может, начальник хотел вдохнуть в сына дух эксцентричности и гордости, пока тот не вырос. Хосимару уже минуло восемь, и никто сладить с ним не мог, настолько он был непослушен. В столичном особняке мальчик подкладывал лягушек в шаровары служанок и мазал их

длинные волосы смолой, а еще с радостью воровал у взрослых нужные вещи. Ничего удивительного, что, как только Хосимару увидел у отца в кабинете лисий камень, который лежал на маленьком столике, он схватил его и выбежал наружу.

Начальник гвардии переменился в лице, а Хосимару, уже в саду, прижал камень к глазу и смотрел на солнце, пытаясь понять, что внутри камня. Отец завопил и, вырвав его из рук мальчика, разъяренно ударил сына по щеке. Такое случилось в первый раз. Хосимару заревел.

С тех пор лисий камень не светился даже по ночам. Он испускал тусклый желтый свет, как полумертвый светлячок, да и только. Как и предупреждал плотник, солнечный свет оказался для камня губителен. Обезумевший начальник гвардии поливал камень водой и выставлял его под свет луны, но, так и не сумев вернуть его силу, отчаялся.

Вместо этого с помутневшим камнем стали происходить необыкновенные вещи. Ночью, когда начальник гвардии закрыл глаза, он услышал шум в соседней комнате, поначалу тихий, будто что-то булькало в горшке. Он проснулся, открыл дверь кабинета и понял, что шум доносится из камня, стоящего на столике. С каждым днем шум становился все громче, и наконец, когда стали различимы похожие на человеческие слова, начальник перепугался. Варварские слова, какая-то непонятная тарабарщина, но, без сомнения, кто-то говорил. И речь становилась все яснее и яснее. В европейской магии есть закон “обратного эффекта”. Когда один человек проклинает другого, то проклятие принимает форму флюида, направленного на кого-то. Однако, если защита у противника сильная, то проклятие не поражает цель, а витает в эфире, накапливая серьезную силу, и даже может поразить того, кто его наложил. Таков “обратный эффект”. Так и здесь, накопленная энергия лисьего камня из-за солнца “сбилась с пути” и поразила своего собственника. Во соседней комнате будто храпели незнакомые люди. Иногда слышались какие-то бессвязные слова. Они мешали начальнику гвардии уснуть. Он не мог представить, что случится, если лисий камень вдруг пропадет. Выкинуть его просто так, эту вещь, накопившую столь значительные силы, начальник тоже не мог. Кто знает, какие несчастья это бы принесло? Неразумный поступок Хосимару привел к тому, что начальник гвардии стал ненавидеть сына.

Следующей ночью камень внезапно заговорил. Начальник гвардии слушал его слова и бледнел.

— Думаешь, что можешь спать спокойно? Твой грех велик! Три года назад ты из-за этого камня отторг свою супругу. Лиса с горы Идзуна совратила твою жену. Она успешно родила лисенка, но ты, мстительно радуясь, приказал его жестоко убить! Твоя глупая ревность привела к этому!

С точки зрения современной психологии, голос лисьего камня можно считать голосом подсознания. Скорее всего, начальник гвардии подумывал наказать жену за действия, которые, хоть и носили признаки измены, настоящей изменой не считались. И когда его необоснованные подозрения подтвердились, начальник нашел повод, чтобы наказать супругу. Такую логику понять сложно, но, скорее всего, начальник гвардии требовал от жены крайней верности. И только в нем зародилось малейшее подозрение в измене, своему желанию он противиться не смог.

Когда подозрения начальника стали реальностью, и госпожа из Северных покоев родила лисенка, он открыто смог наказать жену за измену и втайне этому обрадовался. Он считал жену плохой. Ведь сначала она дала повод для подозрений, которые затем полностью подтвердились. Вот и получила по заслугам. Даже если бы она раскаялась, было уже поздно. Прямо начальник этого не говорил, но мысли его были таковы. Вероятно, невидимая лиса, которая совратила госпожу из Северных покоев, действовала по его тайному велению. И поэтому лисий камень говорил правду.

...Нет, погодите. А что если я не только надеялся на измену жены, но, как сказал камень, ее в самом деле прокляли, и ее совратил лис? А вдруг жена родила лисенка не из-за моей ненависти, скорее, это было воздаяние? Такие путанные мысли крутились в голове начальника гвардии.

Только подумав об этом, он внезапно обрадовался, словно лисий дух его покинул. Всю ночь он читал молитву-дарани, а утром, с первыми лучами солнца, увидел, что камень, стоявший на столике, превратился в черный прах.

С тех пор, как в пятнадцать лет Хосимару прошел церемонию взросления, у него уже было и новое имя, и новая прическа, и новая одежда, но, для удобства, мы будем продолжать звать его по-старому. Автору не лень придумывать новое, взрослое имя для героя, просто старое ему стало дорого, и избавляться от него сложно.

Крепкий в отца и в то же время красивый в мать Хосимару прямо выказывал нелюбовь к отцу. Он действовал вопреки начальнику гвардии, будто ему только это и доставля-

ло удовольствие — постоянно нагло во всем ему перечить. Лишь бы позлить отца он пару раз в год останавливался ночевать в особняке у матери, жившей отдельно.

Госпожа из Северных покоев, чьи отношения с мужем испортились после рождения лисенка, уже больше десятка лет вела затворническую жизнь на заброшенном заросшем травой севере столицы. Отдававшие неврозами видения исчезли. Хоть госпожа и считалась старой, ей было немногим больше тридцати, и даже когда до нее доносились слухи, что муж живет с молодой наложницей, ревности она и не чувствовала. Ее это даже не тревожило. Не то чтобы госпожа не радовалась, когда сын навещал ее, но его визиты вызывали у нее головную боль. Потому что каждый раз Хосимару обязательно исчезал с какой-нибудь из ее молодых служанок.

Ему всегда нравилось дразнить служанок, а когда сын вырос, то полюбил и забавляться с ними. Забавляться — верное слово, ведь отцовская заносчивость и любовь к вещам воплотились в сыне, и, скорее всего, поэтому они и не ладили. У Хосимару была странная склонность — пользуясь своей унаследованной от матери красотой, крушить без разбору все чистое, все невинное, все аккуратное, что было перед ним.

Когда отец явно продемонстрировал, что отдаляется от сына, действия Хосимару по отношению к служанкам в столичном особняке стали совсем неприглядными. Если бы дело ограничивалось только обольщением — такие дела легко скрыть от глаз людских. Нет, все стало совсем плохо, когда ожоги и рубцы на телах служанок стали заметны всем. Одетые — еще ничего, но стоило девушкам обнажиться, картина открывалась жуткая. Отец хмурился, однако поделать ничего не мог.

Как-то раз осенней ночью, когда дул сильный ветер и шел дождь, всадник в шляпе и с факелом постучался в ворота особняка госпожи из Северных покоев. Это был Хосимару. Как обычно, он попросился переночевать.

Только в этот раз с ним была девушка в красной юбке-мо. Придворная дама или проститутка? Нет, судя по цвету юбки и белому, даже во тьме сиявшему кимоно, это была мико, жрица богов. Похитил ли он ее или соблазнил? Все равно ей предстояло стать жертвой похоти Хосимару.

До этого дня Хосимару ни разу не приходил в дом матери с женщиной. Знавшая о грубом поведении сына госпожа из Северных покоев, побледнев, прикусила губу. Снаружи

ржали лошади, слышались смех и шутки пьяных мужчин. Возможно, она не хотела пускать его в дом.

Однако за воротами послышался голос Хосимару.

— Матушка! Прошу вас, откройте ворота! Со мной женщина, но никаких дел я с ней творить не буду. Она ранена, и я хотел бы ей помочь.

Госпожа из Северных покоев открыла ворота. Мужчины, кроме одного прислужника, ушли. Хосимару неловко бросил женщину на циновки и, сняв промокшую шляпу, склонил голову перед матерью и указал на женщину:

— Ее руки и ноги были прибиты к кресту длинными гвоздями. Кто-то пытал ее, но мы спасли ей жизнь. Может быть, она умрет. Матушка, мы можем ей помочь или нет?

Лежавшая на татами женщина не шевелилась. Ее длинные промокшие насквозь черные волосы спутались, одна прядь прилипла к лицу. К красивому лицу. Хоть и красивому, в то же время абстрактной красотой, без индивидуальности — белое, как у куклы лицо, тоже ведь можно назвать красивым. Может, из–за закрытых глаз казалось, что красота женщины лишена человеческого. Кимоно было раскрыто, обнажая очертания ее груди. Юбка задралась, показав икры с красующимися ранами. На ладонях тоже были круглые отверстия, из которых сочилась кровь, как и на ранах. От кровопотери женщина казалось истощенной. Госпожа из Северных покоев сначала не поверила словам сына, но, увидев все своими глазами, не могла не помочь.

Женщину перенесли в постель, и всю ночь госпожа из Северных покоев сидела рядом. Она промыла и перевязала раны, кровь остановилась. Затем, из–за холода, госпожа приказала внести в комнату очаг. Вскоре женщина раскрыла свои круглые и черные, похожие на зернышки, глаза, но не сказала ни единого слова госпоже, даже не поблагодарила. По ее телу пробегала какая-то неловкая и странная дрожь, женщина пыталась свернуться клубочком в подушках. Совсем крохотная, она и не плакала, и не стонала, а всю ночь молчала, как немая, и госпожа из Северных покоев, глядя на нее, почувствовала что-то странное. В соседних покоях было слышно, как спящий Хосимару ворочается в постели и иногда покашливает.

В спальне госпожи из Северных покоев стояла самая обычная ширма тонкой работы, в японском стиле. На ней был изображен какой-то праздник — танцующие и хлопаю-

щие в ладоши маленькие мужчины и женщины в конических шляпах. Госпожа из Северных покоев привыкла к ней, да только когда она сонно на нее посмотрела, увидела, что вместо лиц мужчин и женщин на ней вдруг появились лисьи мордочки. Она удивилась. Может, старая привычка. А может, очередное видение. С этой мыслью госпожа вскоре заснула.

Наступило утро.

Лучи солнца озарили даже отдаленную спальню. Госпожа из Северных покоев вспомнила события прошлой ночи и снова взглянула на молодую женщину, которая лежала рядом с ней.

Но женщины не было. Нет, вместо нее лежала лиса. С круглыми глазами, острой мордой, рыжим хвостом — настоящая лиса, которая, без сомнений, и была вчерашней гостьей. С четырьмя лапами, перевязанными белой тканью. И выражение на ее мордочке было таким же лишенным человечности, как у ночной гостьи.

Госпожа из Северных покоев всматривалась в лисью мордочку, и ей вспомнилось другое видение, которое случилось больше десяти лет назад. Не ее ли это дочь? Догадка казалась все убедительней и убедительней.

Нельзя ее отдавать в руки Хосимару. Ни в коем случае. Если отдать, то может случиться нечто страшное, думала госпожа из Северных покоев, но ее мысли были вызваны не только материнским страхом невольного кровосмешения. Скорее в сознании внезапно воскресли видения лис, случавшиеся много лет назад.

Совершенно неосознанно госпожа из Северных покоев выпустила лису в осенние поля. Хосимару, который случайно зашел не туда, с расстроенным видом спросил:

— Матушка, что вы наделали?

— Я ее освободила.

— Вот как. Но зачем вы ее выпустили?

Не дождавшись ответа, Хосимару бросился наружу с видом безумного, уже “захваченного лисой”.

На следующий день дождь закончился, и среди полей севера столицы с осенними покрытыми росой цветами, Хосимару и женщина обменивались бесконечными ласками. Эта женщина казалась лисой госпоже из Северных покоев, но у Хосимару таких видений не было. Она сидела на траве, примяв худыми, как у девочки, ягодицами цветы хаги и оминаэси.

Хосимару, положив голову на ее красную юбку, вытянулся на земле. Женщина, смеясь, наклонялась к нему с поцелуем. Немного времени спустя в ее рту появился небольшой бледно-зеленый камешек, и она переправила его в рот Хосимару. Затем языком вернула камень в свой рот. А потом снова переправила Хосимару. Затем вернула обратно. Так продолжалось очень долго, и эти действия доставляли неописуемое удовольствие. Каждый раз, когда камень оказывался во рту Хосимару, он чувствовал, как по его телу волной распространяется трепет. Ему, почти обезумевшему, уже казалось, что было бы неплохо и умереть.

Их рты то сближались, то отдалялись, и губы Хосимару все бледнели и бледнели, а его дыхание стало прерывистым. Губы женщины же становились все ярче и ярче, а ее щеки приятно порозовели. Наконец, женщина проглотила камень, и бледный Хосимару умер. У опьяненной женщины из-за подола юбки мелькнул золотистый хвост.

Некоторое время спустя по полям севера столицы в направлении Китаяма бежала с веселым лаем лисица. С маленьким лисьим камнем внутри.

ш у м

Дженезис Пи-Орридж: наперекор устоям[5]

В современном мире модно противостоять общественным нормам, отвергать патриархальные ценности, а также указывать на язвы социума, которые приобрели более яркий характер в эпоху индустриализации. Одной из культовых фигур XX века, чья жизнь — это сплошной перформанс, является Дженезис Пи-Орридж (Нил Эндрю Мэгсон). Творческая карьера Орриджа началась в Великобритании конца 60-х прошлого столетия в непростое время для этой страны (крах экономики, очередное обострение религиозных взглядов в Северной Ирландии, разрыв между буржуазно-аристократическим и рабочим классом). Уже тогда, в студенческие годы, проявлялась бунтарская натура Орриджа, когда юный Нил выпускал свой журнал Worm, посвящённый антисоциальным явлениям. 1969 год можно считать началом нового движения в искусстве, правда, не без отсылки к уже пройденному этапу. Орридж создаёт COUM Transmissions — музыкальный коллектив арт-перформанса, в который входят также Cosey Fanni Tutti и Spydeee Gasmantell. Члены группы искали вдохновение в дадаизме, художественно-философском движении начала XX века, состоявшее из художников, отвергавших логику, разум и эстетику современного капиталистического общества, вместо этого выражая бессмысленность, иррациональность и антибуржуазный протест в своих произведениях. Поэтому все творчество коллектива было направлено на провокационные радикальные действия с привлечением насилия, секса и оккультных обрядов с активной установкой на нарушение любых табу. 5 января 1971 года Нил Мэгсон официально сменил имя на Дженезис Пи-Орридж, что послужило большему привле-

[5] Источник: редакция паблика Anämia (http://vk.com/@anmforme-b).

чению внимания к группе со стороны СМИ. COUM давали интервью газетам и радиостанциям по всей стране, их приглашали в клубы, но из-за специфики их шоу как владельцы помещений, так и сами музыканты имели постоянные конфликты с представителями власти. В шокирующих перформансах часто использовались моча, кровь, сперма, рвота, членовредительство и половые акты. Проводились как уличные перформансы, так и галерейные. В первом случае целью часто бывала провокация насилия со стороны публики, члены группы несколько раз подвергались нападениям зрителей. В начале 70-х COUM Transmissions стали включать в выступления звуковые элементы: при помощи препарированного фортепьяно, сломанных скрипок и расстроенных гитар. Таким образом, каждое выступление сопровождалось звуками, извлекаемыми случайным образом из вышеупомянутых инструментов. Позднее звук и его восприятие стали одним из главных направлений группы: так, перформанс 1973 года заключался в игре металлическими предметами на инструментах, представлявших собой копии «Велосипедного колеса» Марселя Дюшана. Целью данной акции было изучение реакций публики на бессистемный металлический лязг и шум.

В том же году CT (COUM Transmissions) провели серию акций в самых крупных и престижных лондонских залах — Центре современного искусства и Академическом институте современного искусства. Перформансы группы становились все более радикальными и шокирующими. Во время одного из таких мероприятий Дженезис Пи-Орридж, покрытый всякими мерзостями, был распят на деревянном кресте. В руках у исполнителей были горящие факелы, а Кози пускала огонь из вагины.

К 1976 году группа набрала огромную популярность, только в Амстердаме на их перформанс пришло около двух тысяч человек. В том же году в Лондонском центре современного искусства состоялся самый известный, жутко скандальный и последний перформанс CT — Prostitution, на котором Кози выставляла себя как женщину, артистку, модель и проститутку.

Главными объектами действия представлялись фотографии из порнографических журналов, где Кози Фанни Тутти работала эдалт-моделью, а также использованные ею предметы гигиены. Для охраны были наняты трансвеститы, для провокации толпы и беспорядков пригласили несколько панк-групп. После этого эпатажного шоу Николас Фейрберн,

член парламента от консерваторов, отзывался о группе как о «разрушителях цивилизации» и требовал отмены государственных дотаций художественным институциям, аргументируя тем, что «налогоплательщики поддерживают тех, кто открыто насмехается над ними». После скандала Coum Transmissions прекратили существование, но уже в том же году Орридж создал новую музыкальную группу Throbbing Gristle, которая просуществовала вплоть до 1982 года.

Принято считать, что появление именно этого коллектива открывает такой стиль как индастриал, чьим отцом-основателем является Орридж. Вообще, все творчество Throbbing Gristle было взращено на почве деятельности CT, так как именно тогда члены группы начали изучать влияние индустриализации на личность и человека в целом. Для звукоизвлечения Throbbing Gristle использовали кустарные аналоговые сэмплеры, состоявшие из нескольких кассет с зацикленными лентами, записи на которых воспроизводились с помощью подсоединенной одноктавной клавиатуры, а также сконструированные Картером (клавишником группы) инструменты под общим названием «гристлайзеры», позволявшие искажать и моделировать звук. Обычные инструменты вроде электрогитары и горна также использовались; но электрогитара задействовалась не для игры риффов, а для получения фидбэка и импровизации, с помощью горна случайным образом извлекался дрон. Никто из участников (кроме Картера) не владел инструментом и не собирался совершенствоваться в этом деле.

Шум, производимый Throbbing Gristle, позиционировался группой в качестве очищающего инструмента, призванного избавить слушателя от привычного понимания музыки как средства развлечения. Несмотря на то, что поле деятельности коллектива представляло собой в первую очередь аудиальные эксперименты, Throbbing Gristle дистанцировались от определения музыкальной группы и заявляли, что их работа полностью антимузыкальна, и звук является лишь одной из составляющих. Throbbing Gristle действительно производили огромное количество контента — печатной продукции вроде манифестов и эссе, графических материалов и визуального сопровождения к огромному количеству собственных выступлений.

«…TG были даже не арт-проектом, а журналистской работой — мы объясняли людям расклад сил в окружающем мире. Мы устраивали концер-

ты по мотивам военных парадов, пытались вскрыть и сломать механизмы управления толпой, которыми пользуются те, кто толпой управляют; имя им во все времена одно — подонки. Будь то католическая церковь или парады в фашистской Германии. TG хотели говорить людям правду — причем именно ту правду, от которой либо отворачиваются, либо ненавидят. Когда нас стали признавать музыкальные критики, стало понятно, что проект закончен, и с тех пор он существует как старая игрушка, с которой мы не можем расстаться» — Фонтанка, 2012.

Однако поиски Пи-Орриджа не ограничиваются только музыкой и охватывают разные области человеческого мышления и сознания. Примером этих поисков является, например, создание религиозного сообщества «Храм Психической Юности», и его стремление стать пандрогином. Эти идеи разделяла его жена Леди Джей — они вместе внедрили себе грудные имплантаты.

Деятельность Пи-Орриджа на протяжении четырнадцати лет послужила толчком для развития экспериментальной музыки. В одном интервью музыкант сказал: *»…если бы мне предложили выбрать между качественной песней и экспериментом, который вдохновит кого-то и сподвигнет на некую деятельность, то я, естественно, выберу второе. Меня — честное слово! — гораздо больше интересуют разные идеи и возможные их воплощения, нежели качество песен.*

По мнению Пи-Орриджа создание обоих коллективов — это невероятное стечение обстоятельств. Как бы сложилась судьба мировой музыки, если бы в одном месте и в одно время не встретились столь талантливые и столь «двинутые» на своем творчестве личности, способные на эксперименты?

камушек в ботинке

Вадим Климов
Гильотина смысла
кинотриптих

Философ-одиночка Гейдар Джемаль искал значимость индивида в его включении в общество. Лишенный всех свойств индивид не представляет никакой ценности, он важен лишь для самого себя. Суммируя нули, сколько бы их ни было, мы не получим ничего, кроме того же нуля. Ценность скопления атомарных индивидов — нулевая. Это и есть стоимость постмодернистской социальной утопии.

Промежуток (в терминах теории меры) не рассыпается на отдельные точки, но представляется континуальной суммой бесконечно малых окрестностей этих точек. Замена точки на ее окрестность, бесконечно малый промежуток, и есть включение индивида в общественное пространство. Он больше не нуль, а нечто онтологически иное, хотя и очень похожее на нуль.

С рождения общества начинается политика, то есть придание смысла хаотическим перемещениям точек. Однако сейчас мы займемся не процессом социализации, а его противоположностью — бегством от социума в стремлении сохранить индивидуальный смысл, уберечь его от остального мира.

Наши герои: талантливый отшельник-математик, ищущая уединения семья и бывший парижский кутила, излечившийся от алкоголизма... Все они пытаются приблизиться к осмысленности — научной или экзистенциальной — и терпят неудачу.

Словно приблизившийся слишком близко к Солнцу Икар. Жар растапливает воск, на котором держатся крылья, Икар падает в море и тонет. Ему удалось убежать от общества, но не приблизиться к лучезарному смыслу.

Нет! Все еще нет...

1. 3.14159265358979323846264338327 95...
«Пи» (“Pi”, режиссер Даррен Аронофски, 1998)

Представьте, что вы сидите в темной комнате и достаете из кувшина шарики с цифрами: 3, 1, 4, снова 1, 5, 9, 2, 6, снова 5, снова 3, в третий раз 5, 8... И так далее. Шариков в кувшине меньше не становится, а вы силитесь обнаружить в цифрах систему, чтобы предугадывать их появление. Но все, что вы можете, это с трудом считывать с шариков маркировку. Вы не знаете, где находитесь и зачем этим занимаетесь, но происходящее настолько завораживает, что вы и не помышляете остановиться.

Так мог бы описать погружение в математику далекий от нее наблюдатель. Примерно это мы и видим в дебютном фильме Даррена Аронофски «Пи». Американскому режиссеру удалось передать бездушную абстрактную вселенную царицы наук кинематографическим языком. Все, что не зафиксировала пленка, получилось выявить посредством смешения с болезнью.

Научное царство, по Аронофски, не помпезная зала настолько просторная, что утрачивает смысл какое-либо движение, а клаустрофобический кубик с перегревающимся компьютером и обслуживающим его программистом, измученным психическими расстройствами и галлюцинациями. Максимилиан Коэн, главный герой «Пи», наблюдает не привычный нам мир, но грязные, зернистые, черно-белые визуальные наслоения, наспех порезанные на причудливые кадры. Остальное содержание скрыто за непроницаемой вуалью пифагорейского эзотеризма.

Специализирующийся на теории чисел Коэн изучает рынок ценных бумаг, пытаясь прогнозировать курсы акций. К его изысканиям в финансовой области неожиданно примешиваются религиозный аспект, а затем и нечто неопределенное из чистой (неутилитарной) математики. Коэном пытаются манипулировать раввины, усматривающие в его исследованиях ключ к интерпретации священных текстов, и бывший учитель, отошедший от науки. Оказывается, когда-то учитель столкнулся с той же проблемой некоего 216-значного числа, выдаваемого компьютером перед зависанием. Искусственный мозг словно умирается в непроницаемую преграду и все, что ему остается, — выдать набор из 216 цифр.

Число, ими образованное, и есть ключ к дешифровке финансового рынка, универсальный справочник будущих

курсов, открывающий перед обладателем дорогу к безмерному обогащению. Одновременно это число есть имя иудейского бога, которое долго и безрезультатно ищет секта еврейских богословов.

Макс Коэн отбивается и от бывшего учителя, призывающего к спокойствию и умеренности («*Если ты думаешь о каком-числе, то встречаешь его повсюду*»), и от алчных брокеров, соблазняющих героя новым сверхмощным процессором, и от иудейских сектантов, бескомпромиссных охотников за ключом к пониманию Торы.

Сюжетный курьез поворачивает Коэна ко всем ним спиной, включая его самого. Он неожиданно забывает о цели исследования и хочет просто оставить результат себе. Число ничего не значит, утверждает математик, важен смысл. Это действительно так, но как раз смысл и пытаются придать числу брокеры и богословы, в то время как сам герой не представляет, что с ним делать.

Отказывая в понимании раввинам, Коэн утверждает, что они бы давно нашли имя бога обычным перебором вариантов (слов из 216 букв), но сектанты этого не сделали, потому что одного числа (или образованного им слова) недостаточно, необходимо также осознание.

Это еще один курьез сценария: за кажущейся простотой часто скрывается неисчерпаемый космос комбинаций. Если произносить по одному предполагаемому имени бога в секунду, то понадобится примерно $10^{30}/3$ лет. Для наглядности: миллион это 10^6, то есть нужно миллион умножить на самого себя 5 раз, а потом поделить результат на 3. Для еще большей наглядности: Солнечная система существует менее 5 млрд. лет. Грубо округляя: нужно количество этих лет (5 млрд.) умножить на себя, а потом еще раз умножить на себя, чтобы получить количество лет, необходимых на перебор всех 216-значных чисел (по числу в секунду).

Бывший учитель Коэна проводит время за игрой в Го, беседы двух математиков происходят за ней же. Эта древнекитайская игра, подобно шахматам, прячет за обманчивой простотой астрономическое количество конфигураций. Что приводит к спору: ученик пытается умерить восторг учителя тем, что на начальном и конечном этапах партия легко просчитываема из-за малого числа вариантов. Но ведь между началом и концом умещается неиссякаемая вселенная.

Дарен Аронофски мастерски скрывает содержание проблемы, демонстрируя лишь ее столкновение с социо-

психической патологией. Так в химии поступают с ускользающими веществами, обнаружимыми только реакцией с катализаторами. Метод немного напоминает Дэвида Линча, всегда сосредоточенного на последствиях и никогда не раскрывающего причин. Однако в случае фильма «Пи» подобный подход обусловлен не художественными предпочтениями, а сложностью материала.

Препятствие, сбивающее с ног Макса Коэна, остается непонятым в том числе и им самим. Математик успел зацепить всего лишь краешек — длинный набор цифр, который можно было бы приспособить для выкачивания прибыли из финансового рынка, а можно обратиться к иудейскому богу напрямую — по имени. Но ни первое, ни второе героя не интересует. Ему нужно что-то иное.

Когда-то бывший учитель Коэна прекратил исследования из-за внутримозгового кровоизлияния. Он остановился перед вратами непостижимого, предпочтя бессистемные размышления и вялую игру в Го, больше напоминающую чаепитие в доме престарелых.

Коэн не согласился с выбором учителя, посчитал его капитуляцией. Ближе к развязке они даже поссорились, после чего учитель получил второй удар, на этот раз смертельный, а ученик обнаружил среди бумаг старика записи новых изысканий — оказывается, математическая ловушка продолжала стискивать жертву до самого конца.

А Коэн?.. Он тоже попытался продолжить, но, окончательно истощенный преследованием своих коварных приверженцев, галлюцинациями и жуткими головными болями, побрился наголо и просверлил дыру в голове, разобравшись со всеми проблемами разом. Так завершилась его погоня за скрытым смыслом числа.

«Математика — язык природы. Все, что нас окружает, можно представить и понять с помощью чисел. Если числа любой системы поставить в график, возникает система. Поэтому всюду в природе существуют системы...»

Макс Коэн капитулировал перед природой, так и не распознав в ней систему.

2. Удушье домашнего уюта

«Дом» (“Home”, режиссер Урсула Мейер, 2008)

Герой «Пи» был одиночкой, героем же впечатляющего полнометражного дебюта Урсулы Мейер стало целое семейство. «Дом» повествует об идиллии семьи, поселившейся у

бездействующего хайвея. Мы наблюдаем счастливую пару средних лет с тремя детьми, оказавшуюся как бы вне цивилизации. Они одновременно вдали от всех, но не лишены социальных благ: работа у отца, школа у детей, все необходимое в быту.

Шоссе неожиданно запускают, и беззаботному уединению приходит конец. Первые автомобили проносятся в нескольких метрах от жилища, переворачивая привычную жизнь. Поначалу герои еще пытаются приспособиться к новым условиям, но их оптимистический запал неб[illegible]ен.дочь сбегает с удачно подвернувшимся любовником, ее сестра стоически констатирует фатальную развязку (мучительную смерть от отравления продуктами сгорания), а их мать просто не в силах переехать в другое место, она превратилась в придаток дома.

Переломным моментом представляется эпизод с образованием пробки. Движение на шоссе останавливается, и сотни автомобилистов вторгаются взглядами в частную жизнь чудаковатого семейства. Водители вылезают из машин, потягиваются, праздно изучая необычный дом у самой автострады.

Какая точная метафора забрасывания в мир. Поначалу вы живете так, как хотите. Но обстоятельства вынуждают к изменениям, и вы постепенно вовлекаетесь в бурный поток событий. Однако, как только вы оказываетесь связанными с этим потоком (даже оставаясь на обочине), обратной дороги больше нет — стоит движению остановиться, и вам сделается еще хуже.

Сперва вы терпите неудобства от чужого движения, а потом не можете без него обойтись. Настолько, что приходится прятаться, убегать, замуровываться в крепости, которая отныне — не ваш дом, а ваша тюрьма. По большому счету, между домом и тюрьмой не так уж много различий.

Для Макса Коэна, героя «Пи», тюрьмой стало собственное сознание, из которого он сбежал, просверлив отверстие в черепе. Персонажи Урсулы Мейер (за вычетом старшей дочери) так же прячутся от посторонних в доме. Все больше погрязая в паранойе, они строят стену, закладывают плитами окна и двери, пока дом/тюрьма не превращается в герметичный пакет на голове.

Эта часть фильма заставляет вспомнить первый кинофильм Михаэля Ханеке «Седьмой континент» об австрийской семье, спасающейся от мира всеобщего благоденствия в до-

машнем суициде. Кислорода остается все меньше. Взрослые и дети «Дома» засыпают и медленно уходят из жизни…

А пока они спят, я расскажу свой сон о чужом доме. После странно зажеванного концерта, который вроде бы и случился, но с каким-то раздробившимся содержанием, мы с подругой отправляемся в гости к моему приятелю. Еще до встречи с подругой я совершаю на концерте дурной поступок и наспех избавляюсь от его последствий, выбрасывая компрометирующие улики в случайных местах. После этого мне и самому нужно помыться. Именно за этим я и оказываюсь в доме своего знакомого, шестидесятилетнего поэта-абсурдиста, с которым не виделся несколько лет. Кроме нас с подругой, здесь больше никого нет. В огромной квартире несколько ванных, туалетов, обычных умывальников, но мы направляемся в главную ванную. Запираем дверь на два замка, один из которых представляет собой засов, и поднимаемся по узкой лестнице — ванна на втором этаже. Просторная, мы запросто помещаемся в ней вдвоем. Только вот время, на которое я совсем не обращаю внимания, неумолимо подводит нас: я слышу, как открывается входная дверь, и заходят хозяева. Когда-то я уже проделывал подобный фокус, но днем, пока хозяева сидели на работе, сейчас же все по-другому. Однако вместо укола страха я ничего не чувствую. Мне кажется, что, наткнувшись на запертую дверь в ванную, хозяева беспечно воспользуются другой, поужинают, лягут спать, и мы сможем покинуть укрытие. Но происходит иначе. Бесшумно преодолев замки, по лестнице уже поднимается незнакомый молодой человек, одетый как слуга. Он с недоумением смотрит на нас. Я говорю, что я друг хозяина, называю его имя с фамилией (пытаюсь вспомнить отчество, но, по всей видимости, никогда его не знал). Слуга удаляется. Подруга нервничает и спрашивает, что будет дальше. Не знаю, честно отвечаю я. Через пару минут по лестнице с трудом забираются остальные: заплаканная супруга поэта, напуганная дочь и сам поэт, бледный и растерянный. Все молчат и, похоже, стесняются как следует рассмотреть нас — лишь бросают кроткие взгляды. Наконец они удаляются, и их место занимают представители закона. Не полицейские, кто-то еще. Они задают вопросы, пока мы так и лежим в ванне под умиротворяющее сопровождение льющейся воды. Я вполне спокоен, но жду, когда они спросят, как мы попали в квартиру. Это самый сложный вопрос, на который мне нечего ответить. Сложнее, разве что: *зачем* мы здесь оказались.

Нет, семейство из картины Урсулы Мейер не погибает. Младший сын все же находит силы, чтобы проснуться и расковырять скорлупу добровольной камеры. Страх смерти побеждает страх жизни. Или… страх остаться наедине с собой побеждает страх других.

Подобно дрели Макса Коэна самый витальный член семьи спасает родственников, даруя помилование у самой гильотины. Математик Даррена Аронофски искал смысл в рациональном сознании, в собственной голове, а семейство Урсулы Мейер — в другом ratio — своем доме. На пути к цели и тот, и другие потеряли ее из виду.

Так смысл или его отсутствие завели их в тупик? Не столь важно, ибо на столь опасном пути может измениться все, в том числе и конечный пункт. Вы просыпаетесь не в своей постели, а в чужой ванне, и слышите, как хозяева уже суетятся перед дверью, нервно дергают за ручку и вызывают полицию.

Вы у себя дома… или уже нет?

3. Несмываемое пятно

«Блуждающий огонек» (“Le Feu Follet”, режиссер Луи Маль, 1963)

Кажется, именно этот вопрос мучает героя экранизации романа Пьера Дрие ла Рошеля «Блуждающий огонек». Он проводит ночь с подругой жены. Обе — богатые американки, пытающиеся вдохнуть жизнь в пациента психиатрической лечебницы.

Именно в нее возвращается Ален Леруа, простившись с любовницей. Он прошел четырехмесячный курс лечения от алкоголизма и, по мнению врачей, абсолютно здоров. Однако Ален не спешит покидать клинику, даже после уговоров любовницы, доктора, друзей, не разделяющих его страха. Но страх ли это?

Леруа участвовал в Алжирской войне, командовал солдатами, затем надолго погрузился в богемные кутежи, разбавленные короткими паузами меланхолии. Сейчас ему за тридцать, по мнению одного из друзей, он должен попрощаться с молодостью и обживать зрелость. Нельзя пожизненно заточить себя в юной безмятежности, это насильственное возрастное ограничение и есть причина страха. Следует обзавестись новыми привычками, чем-то занять себя. Но советы друга не убеждают Алена. Он признается, что хочет покончить с собой, и не меняет своего решения.

На протяжении фильма герой несколько раз просыпается: в гостинице, в психиатрической клинике, в гостях у друзей, но ни разу у себя. Дома у Алена Леруа нет, хотя все знакомые проявляют крайнюю заботу и искренне предлагают свое гостеприимство: можно пожить некоторое время. Некоторое время…

В сущности, этот эвфемизм и означает промежуток человеческой жизни. Герой Луи Маля не стал полагаться на судьбу — сам отмерил это «некоторое время». Он уже решился, он знает, что застрелится следующим утром. К чему тогда все эти навязчивые заискивания?

Среди зрителей (в самом общем понимании) распространена фантазия на тему «как бы я поступил на месте героя». Специфика художественного произведения в том, что его события проживаются зрителем опосредованно, он не погружается в них целиком. Поэтому в фантазиях отсутствует главное — эмоциональный фон сложных обстоятельств. Сметь рассуждать о поведении смертельно больного человека, узнающего свой диагноз. А зритель именно этим и занимается, лежа на диване и параллельно обдумывая какую-то бытовую мелочь, самое яркое реальное переживание последних месяцев.

Однако если представить себе зрителя, настолько чувствительного, что уходит в произведение с головой, то для него «подсмотренные» моральные дилеммы станут поистине мучительными. Только в анекдотах тяжелые ситуации имеют легкие остроумные решения. В жизни сложность как раз и определяется бременем последствий *любого* выбора. Ален заходит в кафе и замечает, как старик-воришка прячет под пиджак салфетницу. Освобожденный лечением от алкогольной зависимости, герой незаметно переставляет с соседнего столика рюмку коньяка и выпивает. Ему сразу делается нехорошо, как всякому «очистившемуся» после первой рюмки.

Да что там нехорошо — Леруа выворачивает наизнанку. Он пытается прийти в себя, долго умываясь в уборной, потом едва не попадает под машину. Валится с ног, но все же доползает до друзей, которые укладывают его в кровать, чтобы набрался сил.

Вечером Ален просыпается, спускается по лестнице и попадает на званый ужин. Почти все гости ему знакомы: бывшие любовницы и товарищи по парижским кутежам. За столом вспоминают забавный эпизод с жандармами, обнаружившими в стельку пьяного юного Алена у Вечного огня.

Молодой человек положил рядом с собой галстук, кошелек, часы, словно спал у себя дома.

А проснулся совсем в другом месте.

Герой «Блуждающего огонька» всю жизнь просыпается не там. Это может забавлять поначалу, но не всегда. Приходит момент, когда необходимо перейти к четким формулировкам. Где ты? С кем? И, наконец, кто ты?

Выталкиваемый из молодости Леруа цепляется за налаженное умиротворение клиники. Но и оттуда ему когда-нибудь придется уйти. Клиника — не его дом. Ее обитатели, врачи и пациенты, — не его друзья. А сам Ален Леруа в роли жильца психиатрической лечебницы — не он сам.

Все ответы отрицательные. Но, покидая клинику, встречаясь со старыми приятелями, знакомясь с новыми, герой не находит ничего заслуживающего внимания. Всюду пошлая размеренность, пустота и эгоистический гедонизм.

Такая жизнь для него — существование среди мертвецов. Так может, умерев, Леруа удастся добраться до чего-то живого?

Он жалуется, что всегда чего-то ждал: женщин, денег, работы, успеха. И всегда оставался неудовлетворенным, разочарованным. Он не любит людей, не нуждается в успехе, деньгах и работе. Чем он хочет заниматься, Ален не знает, но точно не тем, что услужливо предлагают окружающие. Он не хочет возвращаться к богатой красивой жене или искать новую. Не хочет писать, как и вообще заниматься производительным трудом. Его воротит от обуржуазившегося декаданса или бессмысленной нищеты. Леруа не хочет быть больным или здоровым, оставаться трезвым или пьянеть.

Огонек Алена Леруа в ловушке: он одновременно блуждает и затухает. Блуждает в поисках осмысленности и затухает, не находя смысла нигде.

Все больше пьянея, Ален становится грубым, пытается хоть кого-то задеть и в конце концов покидает друзей. За ним увязывается юноша, по всей видимости, готовый проделать тот же жизненный путь, что Ален.

Они пьют, гуляя по ночному Парижу. Леруа размышляет, очаровывая спутника черным морализмом пропащего человека, которому осталось жить несколько часов.

Так и случается. Герой просыпается в своей комнате в клинике. У кровати недопитая бутылка. Он поднимается, раздвигает шторы, просит горничную (это клиника для состоятельных пациентов) не беспокоить до полудня, приводит

себя и свои вещи в порядок, достает пистолет, приставляет дуло к сердцу и стреляет.

То, к чему шли герои «Пи» и «Дома» — самоубийству, неудачному в случае Макса Коэна и прерванному в случае семейства Урсулы Мейер, — получилось у героя Луи Маля и Пьера Дрие ла Рошеля. Он не остановился, не свернул, не испугался и не нашел никакого другого выхода перед гильотиной смысла.

Паф!

И больше никаких колебаний.

«Я ухожу из жизни, потому что вы меня не любили, потому что я вас не любил. Я ухожу, потому что наши связи были неусточивые, я умираю, чтобы разорвать наши связи. Я оставляю на вас несмываемое пятно». — Так звучат последние мысли Алена Леруа, который погас, блуждая.

Эпилог. Арифметика гуманизма

Ален Леруа умер, а Макс Коэн всего лишь превратился в идиота (или обычного человека, что практически одно и то же в сравнении с гением). Персонажи Урсулы Мейер волшебным образом спаслись, не задохнулись в доме/крепости/тюрьме. Однако длительный дефицит кислорода пагубно сказывается на мозге, клетки которого стремительно погибают, и человек, если ему все-таки удается спастись, заметно теряет в мыслительных способностях. Но стоят ли считать такие исходы достаточным основанием, чтобы отказаться от поисков осмысленности? Что более ценно в человеке — его жизнь, связанная с биологическим существованием, или дух, идея, отвлеченное содержание?

Филистеры, как известно, схватывают все на лету. Это главное преимущество поверхностного восприятия. Аналогичным образом они прочитывают так называемые вечные вопросы и попытки священных идолов ответить на «*Счастье всего мира не стоит одной слезы на щеке невинного ребенка...*» Вооруженные Достоевским обыватели штурмуют новые, еще более глубокие, бездны идиотии. В мире, где люди появляются на свет крича от боли, где воспитание и образование связано с травмой, поставить всеобщее счастье в зависимость от неизбежного зла, значит отказаться хоть что-нибудь сделать для его избежания.

Это и есть математическая формула гуманизма. Если одна слезинка на щеке невинного ребенка перевешивает все

на свете, ее можно принять за бесконечность. Арифметический смысл бесконечности в том, что ее не становится больше от прибавления любого числа или любого числа других бесконечностей. Две бесконечности — то же самое, что одна. И сто бесконечностей — не больше, чем одна.

Если вы добрый, образованный, культурный человек, никогда не забывайте про слезинку ребенка. И никогда не становитесь даже невольной причиной ее появления. Лучше вообще ничего не делать, ибо опасность велика.

Великий русский эпилептик все давно взвесил. Пользуйтесь его формулой и ждите, когда вас приберет Господь. Ничего другого вам не остается. А смысл в вас вложат совсем другие инстанции.

polaroid

Маруся Климова
Воля к красоте

В последнее время постоянно мелькает перед глазами некий Илон Маск. То тут, то там на него натыкаюсь… и сразу отвожу взгляд. Просто решила не уточнять для себя, кто это. Пусть все его знают, а я нет. Безусловно, это требует определенных усилий. Зато теперь, когда я встречаю какого-нибудь субъекта, который пускается в рассуждения про этого Маска, то общение с ним приносит мне ни с чем не сравнимое удовольствие. Можно просто упиваться своим превосходством, и все. Он открывает рот, а ты не вслушиваешься, не напрягаешься, и звуки, которые он издает, оказывают на тебя практически столь же умиротворяющее воздействие, как музыка. Остается такое ощущение, словно ты посетила филармонию, только бесплатно. Нет, кто бы что ни говорил, но незнание — это сила. Если бы я была древнегреческим философом или, там, Буддой, то, наверное, даже давала бы своим ученикам задание не замечать те или иные наиболее значимые события в мире, к примеру. И в конце года подводила итоги и поощряла лучших. Странно, что они до такого не додумались. Сократ, конечно, уверял, будто ничего не знает, но, по-моему, так это звучит совершенно неубедительно. Да и по тем же Платону и Аристотелю не скажешь, что они научились у него оставаться по-настоящему ни в чем не осведомленными и ни во что не врубаться. А ведь тогда, возможно, в наши дни самыми начитанными и просвещенными были бы исключительно пролетарии, сельхозработники, кассиры, продавцы, мелкие служащие, многодетные мамаши, ветераны труда, пенсионеры, спортсмены, блокадники и прочие представители широких масс. Однако правили бы повсюду избранные носители священного неведения. Сегодня же, увы, все происходит в точности наоборот. Тысячелетия человеческой истории прошли, по сути, впустую.

***

Ключ от камеры Оскара Уайльда. Всего несколько слов, казалось бы, но стоит даже просто натолкнуться на них глазами в новостях, как начинаешь лучше понимать верующих, выстраивающихся в километровые очереди к мощам святых. Как бы я хотела заполучить этот крошечный, слегка потемневший от времени кусочек металла! Я бы положила его в специальную деревянную коробочку и спрятала в ящике своего письменного стола… Хотя нет, пришлось бы, вероятно, поместить его в замурованный в стене сейф. И тогда, возможно, лет через сто толпы людей часами будут выстаивать на морозе, чтобы прикоснуться или даже только взглянуть на ключ от сейфа, где когда-то хранился ключ от камеры Оскара Уайльда, который я носила у себя на груди, привязав к кожаному шнурку.

***

Большинство людей, мне кажется, недооценивают значение метафор. Или же и вовсе не понимают, что они из себя представляют. Для них это просто слова, и все.

Между тем оружие массового поражения, например, на символическом уровне, я считаю, прекрасно отражает общий уровень развития среднестатистических обывателей наших дней. Внимательно приглядевшись, можно обнаружить множество соответствий. Неразборчивость в еде, одежде, приблизительность чувств и мыслей, неспособность вникать в оттенки смыслов слов, полное равнодушие к деталям и нюансам человеческого бытия, сочетающееся с душераздирающим пафосом и непреодолимой тягой к разного рода парадам, демонстрациям и прочим грандиозным замыслам, вроде строительства коммунизма, покорения мира или достижения вечной жизни. И когда количество подобных даунов на Земле достигнет определенной критической массы, этот мир взорвется. Лично я в этом нисколько не сомневаюсь. Причем произойдет это раньше, чем кто-либо успеет подсчитать это роковое число. Однако цепная реакция начнется именно на человеческом уровне, в макромире, так сказать, а потом уже естественным образом перекинется на элементарные частицы, описанные в квантовой физике.

***

Непритязательность позволяет людям получать удовольствие от множества простых вещей, начиная с погоды и

кончая отечественными сериалами. Что делает их жизнь приятной, беззаботной и насыщенной разнообразными интересными событиями. И в то же время какие-то более тонкие моменты и нюансы бытия им становятся заведомо недоступными. В самом деле, зачем человеку редкое дорогое вино, допустим, если его вполне устраивает номерной портвейн?

Поэтому, встречая общительных и приветливых субъектов, я заранее знаю, что мне с ними не о чем говорить. Настоящего удовлетворения не получит никто. И их простота и улыбчивость, которые так очаровывают их многочисленных знакомых, меня, скорее, раздражают, чем радуют. По этой причине на даче, например, я вообще предпочитаю не здороваться с соседями. Ничего такого не хочу сказать, но более-менее приличный индивид, хотя бы слегка возвышающийся над средним уровнем развития, на дачу не поедет. Уже одного этого факта достаточно, чтобы понять, с кем ты имеешь там дело. Я в данном случае являюсь исключением. Да даже по теории вероятности кого-то еще, подобного мне, ни в одном из садоводств в окрестностях площадью минимум 100 тысяч квадратных километров быть не может. Раз уж я там оказалась, то это, можно сказать, является еще и научно доказанным фактом.

И когда я читала в школе стихи Пушкина «друзья, прекрасен наш союз», «подымем бокалы, содвинем их разом» и т.п., я уже тогда сразу, пусть и смутно, но почувствовала, что тут что-то не то. И в дальнейшем, со временем, окончательно убедилась, что так и есть. Это поэт для пользователей сети Одноклассники.ru, но не для меня.

***

Зашла сейчас по дороге в Ашан. Там черный виноград кишмиш на пятьдесят рублей дороже точно такого же, но с косточками, так как тот продается по акции со скидкой. Я, естественно, взяла килограмм подороже, но на весах нажала на кнопку с номером более дешевого. Кассирша на выходе, само собой, ничего не заметила.

А прямо за мной баба набрала себе целый пакет дорогого и тупо все оплатила, как есть. Я специально за ней понаблюдала, не поленилась, когда она его взвешивала. Притом что у нее там потянуло чуть ли не на два кило, и выгода, соответственно, тоже была бы в два раза больше. На вид вполне интеллигентная, в очках, прилично одета и лет на десять, как минимум, моложе меня, а сориентироваться в простейшей

ситуации и произвести элементарные арифметические вычисления не в состоянии. Сколько живу, но не перестаю удивляться человеческой глупости.

***

Гениальность картин Леонардо да Винчи объяснили косоглазием. Не удивлюсь, если скоро выяснится, что создатель «Черного квадрата» просто не умел рисовать.

***

Стоит кошке открыть лапкой дверцу шкафчика с едой или прибежать, если ее позовут по имени, как все начинают восхищаться ее сообразительностью. И когда на тв-шоу выясняется, что какой-нибудь депутат даже не читал, а просто слышал про Рембо, предположим, то зрители тоже бывают буквально потрясены его эрудицией и умом.

Такое впечатление, что люди считают политиков кем-то вроде котов. Никогда этого не понимала! Но только этим и можно объяснить их высокие рейтинги и популярность в массах.

***

Пусть какой-нибудь небритый житель сельской местности идет в магазин за спиртным и сигаретами прямо по грядкам и топчет сапогами растущие там цветы. Со стороны, возможно, такое зрелище кого-то и пугает, но на самом деле, на мой взгляд, ничего страшного тут не происходит. Ведь такой субъект, если подумать, и сам является вполне органичной частью растительного и животного мира. Поэтому и относиться к нему следует как к проливному дождю, граду или чересчур сильному ветру, которые точно так же способны повредить розы, тюльпаны, гладиолусы и сломать ветки сирени.

А вот когда биолог или, там, ботаник осторожно опускаются на колени и через микроскоп рассматривают травинки и лепестки ромашек, вот это, я считаю, является крайне противоестественным действием. И растения, если бы они умели говорить, наверняка бы со мной согласились. К чему это праздный интерес? Чем он обусловлен? Такие поступки, не сомневаюсь, их пугают больше всего на свете. Об опытах на крысах и морских свинках я даже не говорю. Именно выделенное в специальную сферу деятельности познание человеком окружающего мира, в какой бы форме оно ни

проявлялось, представляется мне актом величайшего насилия над природой.

Всякий раз, заходя в какое-нибудь медицинское, исследовательское или учебное заведение, я неизменно натыкаюсь на череду висящих там в коридоре портретов индивидов, достигших выдающихся успехов в той или иной научной области. И все они практически всегда как будто отмечены печатью недоразвитости. Причем не только физической, типа это какие-то хилые интеллигенты, а вообще, в целом, так сказать, в том числе, как ни странно, и умственной. И в результате я постепенно пришла к выводу, что собранные вместе фотографии и живописные полотна с изображением самых видных ученых всех времен и народов вполне способны производить на зрителей впечатление не менее яркое и пугающее, чем экспонаты той же Кунсткамеры. Такая коллекция, безусловно, отличалась бы от составленной в свое время Ломброзо, но все равно это будет собранием дегенератов. Достаточно просто представить себе рядом лица академика Павлова, Эйнштейна, Евклида, Парацельса, Циолковского, Лотмана, да и тоже Ломброзо, по-моему, и Октябрьскую революцию. Без особого преувеличения можно сказать, что она стала самым уродливым событием с момента возникновения этого мира. Все случавшиеся на свете перевороты, бунты и восстания в плане эстетической непривлекательности не идут с ней ни в какое сравнение. И ее низкорослые творцы, облаченные в серые помятые пиджаки, со своими бородками и очечками, тоже прекрасно вписываются в описанный мной выше научный паноптикум. Неслучайно же ее обычно называют величайшим «экспериментом» в истории человечества. Этот позаимствованный из научного лексикона термин действительно как нельзя лучше отражает суть произошедших 100 лет назад в России потрясений, целиком и полностью обусловленных теоретическими трудами Маркса и не имеющими абсолютно никакой связи с реальностью. Точно такой же, по сути, акт насилия над жизнью, как в случае с травинками и ботаником.

***

В 19-м веке люди танцевали на балах, играли в карты, катались в роскошных каретах, большую часть дня проводили в постели, ни фига не делая, жрали черную икру ложками и жили в роскошных дворцах, где их полностью обслуживали лакеи. А Некрасов писал: «жаль только — жить в эту пору

прекрасную уж не придется — ни мне, ни тебе». Недвусмысленно намекая на советские и нынешние времена. А условия, в которых он находился сам, его не устраивали. Ну не дебил ли?

Не так часто, кстати, можно встретить настолько чистый и ничем не замутненный образец человеческой глупости. Иногда я даже по утрам декламирую эту фразу, лежа в постели. С разными интонациями и смещая акцент то на одно, то на другое слово. «В пору», «прекрасную», а потом снова «жить», и опять все сначала. И в такие мгновения у меня реально возникает ощущение, будто я держу в руках редкий бриллиант в несколько десятков карат, который сверкает, искрится и переливается, когда его поворачиваешь в разные стороны. После чего у меня на целый день улучшается настроение.

***

Прочитала утром в новостях, что ученые математически доказали невозможность существования Бога. День, считай, прожит не напрасно… Боюсь, правда, что данный факт так и останется не замеченным широкой публикой.

В этом смысле литература, как ни странно, больше напоминает мне математику, а не словесное искусство. Ты высказываешь сложнейшую тонкую мысль, очень точную, идеально сформулированную, и, самое главное, чрезвычайно важную для судеб человечества, но тебя практически никто не понимает. Плюс, литературоведы и критики, как назло, являются гуманитариями. На них тоже рассчитывать не приходится.

***

Когда человек рождается богатым, то это еще куда ни шло. Он с детства вынужден жить во дворце, многочисленные слуги за него все делают — от этого потом сложно отвыкнуть. Но только дебил способен посвятить большую часть своей жизни зарабатыванию бабок. Все вокруг говорят, как это очень важно, а он слушает и, высунув язык, кидается набивать себе карманы. Раньше такие же личности с двумя извилинами в мозгу, помню, отправлялись на целину и становились космонавтами.

***

Нельзя сказать, что в России, например, совсем нет гениев. Но вот личности, наделенные волей к красоте и спо-

собные ее как-то поддержать, практически отсутствуют. Можно вспомнить разве что Дягилева… Зато полно энтузиастов, готовых не просто отстаивать, но даже пожертвовать собой ради уродства. И это неудивительно. Индивид с отталкивающей наружностью уже одним своим видом раздражает тех, кто на него смотрит. Ясно, что подобным персонажам очень хочется попасть на экраны телевизора и везде отсвечивать. Раз им так повезло, и они родились уродами.

И гениев я тоже могу понять. Их угнетает сама мысль о том, что созданные ими стихи, допустим, способны приносить кому-то радость. Поэтому они и стараются держаться от окружающих на расстоянии, публиковаться минимальными тиражами или даже прятать свои произведения от посторонних.

Люди в душе, по своей природе, одинаковы и отличаются друг от друга только внешне. В этом все дело.

***

Всякий раз когда узнаешь, что какой-нибудь министр, высокопоставленный военный или же известный актер на досуге сочиняет стихи и даже публикует их в литературных журналах, то первая мысль неизменно почему-то бывает: «Ну и дебил!». Причем еще до знакомства с их творчеством. А тот же Анненский, допустим, был директором гимназии. И ничего. В его случае такого ощущения не возникает. Интересно, в чем тут дело?

Мне кажется, что это из-за последовательности, в какой информация загружается в мозг. Если человек работает дипломатом, к примеру, и ты слышишь, что при этом он кропает стишки, то это смешно. А когда поэт занимает важную государственную должность, то он выглядит вполне солидно. Портфель с официальными документами у него в руках, наоборот, как бы придает ему дополнительный вес в глазах окружающих.

***

Фото тени черной дыры… Звучит как запись эха ночной тишины. Ну, или почти, так как слово «дыра» все же немного смазывает общее впечатление. Впрочем, темнота ее все равно облагораживает. Обожаю все черное!

***

В Сочи во всех автобусах на экране под потолком бегут мудрые мысли Ивана Охлобыстина почему-то. «У акулы нет

друзей», например. «Жизнь – это сказка, которую каждый пишет для себя сам»... Странно. Хотя, может, он родом отсюда, а иначе даже не знаю, в чем тут прикол. Но в таком случае и мои изречения могли бы уже повесить, пусть и не в Петербурге, то хотя бы на стене железнодорожного вокзала в Шепетовке. Правда, объективности ради стоит признать, что если бы я даже очень захотела, то ни одной подобной сентенции придумать бы не смогла.

Красота и глупость — это практически синонимы, к сожалению. А поскольку я с малых лет тянулась к прекрасному, то с годами у меня выработался определенный стиль мышления, который совершенно не подходит для публичных мест вроде автобуса. И теперь меня уже не переделать. Пассажиры элементарно не потерпят, чтобы у них перед носом висели мои высказывания. Какой бы глубокий смысл я в них ни вкладывала, со стороны они такими не кажутся, увы. Тем более люди часто берут с собой в поездки детей.

***

Совершила вчера паломничество на дачу Сталина, которая тут в Сочи является одной из главных достопримечательностей. Решила не тратить бабки на экскурсию, а добираться самостоятельно. Кроме того в последнее время меня стало ужасно раздражать надоедливое тарахтение экскурсоводов. Долго поднималась по крутой дороге в гору, следуя за указателями. Наконец увидела большое зеленое здание, перед которым красовался аккуратный кокетливый фонтанчик в виде ангелочка, держащего в руках рыбку. Я достала телефон, чтобы запечатлеть такое чудо, и тут из дальней двери выполз сонный жирный мужик в форме охранника. Я поинтересовалась у него, а где тут касса. На что он поначалу как-то совсем вяло отреагировал: какая еще, типа, касса, тут же частная территория. Однако стоило ему услышать волшебное имя Сталина, как он весь буквально расплылся от счастья и сразу все объяснил.

Экскурсию все-таки послушала, пристроившись к группе. «К сожалению, вождь в последний раз был здесь только в 1950-м году. К несчастью, вскоре он умер...» Узнала еще, что Сталин прекрасно играл в шахматы, плавал как мастер спорта (осмотр бассейна без воды тоже входил в экскурсию), владел русским языком в совершенстве, превосходно пел и был редким ценителем любой музыки, всех музыкальных жанров и направлений, в которых разбирался не хуже любого профессионала. В то же время он был чрезвы-

чайно скромен, неприхотлив и замечательно умел отдыхать, в этом искусстве ему просто не было равных, о чем, в частности, свидетельствует эта великолепная дача. В зеленый цвет ее, кстати, покрасили исключительно для красоты, безо всякой задней мысли, бояться ему было нечего, ни о какой маскировке он и не думал. А вот запаха кухни он не выносил, поэтому пищевой блок устроили в противоположном крыле, подальше от его покоев.

В кабинете, где за большим письменным столом сидело чучело Сталина с трубкой в руках, я заметила вдали симпатичную серо-бело-рыжую кошечку и решила ее покормить. Но не успела я сделать и несколько шагов в ее направлении, как стоявший у стены огромный, как шкаф, охранник буквально навис надо мной и с плохо скрываемым раздражением спросил, почему я отошла от группы и не слушаю экскурсовода, ведь я купила билет, а все это входит в его стоимость. От его грозного вида мне стало даже как-то не по себе. И пролепетав в ответ, что тут слишком душно, и мне просто захотелось немного проветриться, я все же предпочла вернуться назад. Раз уж я за все заплатила, как теперь выяснилось. А то я была уверена, что знакомлюсь со всей этой в высшей степени ценной информацией на халяву, исключительно благодаря своей предприимчивости, незаметно следуя за менее сообразительными простачками, предусмотрительно держась на них на некотором расстоянии. Но теперь можно было расслабиться и спокойно все дослушать до конца.

Экскурсовод, крупная баба за 50 с крашенными в ядовито черный цвет волосами и такими же бровями, сообщила, кстати, что ее предки, да и практически вся родня, работали в ВЧК-КГБ-ФСБ, но она не собирается этого стыдиться, а, наоборот, гордится своей принадлежностью к этому клану и даже в такие тяжелые времена, как сейчас, не боится открыто об этом говорить, пусть и с риском для жизни и карьеры. В заключение она подвела посетителей к стоявшему в углу кабинета бюсту Сталина, который, на мой взгляд, ничем особо не отличался от обычных его изображений и скульптурных портретов. Однако ей он почему-то не нравился, и она даже сказала, что такой уродливый образ вождя ее жутко раздражает. Хотя китайцам он, наоборот, чем-то приглянулся, и как только они туда приходят, то сразу бросаются его обнимать и целовать «за все то хорошее, что Сталин для них сделал»…

Обратно я решила вернуться на автобусе. Надо было, правда, еще найти остановку. И какая-то милая старушка мне практически сразу все показала и объяснила, причем мне даже не пришлось ссылаться на Сталина и называть его магическое имя. Не знаю, может, она и сама догадалась, что я только что вышла с его дачи, и поэтому была так со мной любезна и обходительна. Не исключено, что и так. Ведь, действительно, что я там, в этом районе, еще могла делать, если подумать? А стоило мне только залезть в автобус и поудобнее усесться у окна, как в проходе возникла совершенно непонятно откуда взявшаяся баба с мегафоном, которая, энергично жестикулируя, вдруг тоже начала вещать про Сталина, пересказывая практически слово в слово все, что я только что слышала. Видимо, она решила на досуге заняться просветительской деятельностью и добровольно исполнить роль экскурсовода, на общественных началах, так сказать. С ума сойти! Вот этого я уже совершенно не ожидала, это же вроде был обычный рейсовый автобус. Билет, во всяком случае, там стоил точно так же, как и везде.

***

В основе всего в этом мире лежит что-то недодуманное. Людям просто не хватает времени, чтобы до конца осмыслить то, чем они занимаются, например. В том числе и философам, кстати, которые всю жизнь вроде только и делают, что размышляют о чем-то важном и значительном. И все равно, углубляешься в сочинения Маркса, допустим, тратишь свои силы, а потом выясняется, что самого главного он как раз и не понял… Вот почему мне всегда нравились легкомысленные и поверхностные существа, которые вообще никогда ни над чем не рефлексируют, а просто беззаботно порхают по жизни. Они такими родились и сходу, совершенно не напрягаясь, вобрали в себя всю пустоту человеческого бытия. Поэтому только они, я считаю, и являются настоящими носителями истины…

Часто вспоминаю об этом, когда вижу случайно сохранившиеся после какого-нибудь торжества разноцветные воздушные шарики, которые порывами ветра относит под ноги спешащих по делам прохожих. Именно так человечество всегда и попирает истину и красоту!

***

На даче начала смотреть Патрика Мелроуза. Папаша всячески доставал и даже насиловал своего сына в детстве.

И теперь воспоминания постоянно преследуют главного героя, мешают ему спокойно спать, вынуждают искать утешения в наркотиках и алкоголе. Он уже далеко не молод, мог бы, кажется, найти какое-нибудь занятие поинтереснее, но снова и снова возвращается в далекое прошлое, мысленно обсасывает детали произошедших тогда событий и мучается...

Забавно, но созерцание этих терзаний впервые в жизни, по-моему, заставило меня задуматься о сходстве Фрейда с Марксом. Один сознательно раздувал в пролетариях ненависть к капиталистам, а без другого большинство людей, скорее всего, вообще не догадались бы, что их детские переживания и отношения с родителями настолько важны, что можно до глубокой старости считать себя несчастным именно из-за них...

И в результате, на действительно важные вещи сейчас практически никто не обращает внимания. Я имею в виду красоту, естественно.

***

Дождь, холод и одиночество. Или же солнце, тепло и кучи бесформенных тел и орущих детишек на соседних участках. Или — или. Бывают ситуации, когда сама природа указывает тебе на несовместимость комфорта и эстетики.

***

Вчера в Перекрестке услышала, как меня кто-то, заикаясь и шепелявя, окликает. Оглянулась, а там типичный даун, только в форме охранника. Весь такой худой, как тростинка, голова на тонкой шее свесилась на одно плечо, руки трясутся, открывает рот и пытается мне что-то сказать, но видно, с каким трудом ему удается выдавливать из себя каждое слово: «Же-же-женщина, ве-ве-в-в-вернит-те-т-тесь, па-па-жажа-луста...» Оказывается, это я вышла там, где у них вход. Просто ничего не купила и лень было проталкиваться через очередь в кассу. И теперь он, все так же дергаясь всем телом и растягивая слова, заставил меня выложить содержимое сумки на стол. А когда этот мучительный процесс закончился, предложил мне еще и вернуться в магазин, чтобы пройти там, где положено. Ну, этого я уже, естественно, делать не стала. Просто повернулась и пошла на улицу. И за спиной у меня еще некоторое время раздавалось его жалобное блеянье. Хотя сам он за мной не погнался, а только вскинул беспомощно руки вверх, но так и остался стоять на месте. Ви-

димо, досмотр отнял у него чересчур много сил, и он уже был не в состоянии перемещаться…

А вообще неплохо, я считаю, что магазины теперь стали брать на работу таких вот несчастных существ с ограниченными возможностями. Здесь им не так одиноко, можно пообщаться с покупателями, почувствовать, что приносишь пользу окружающим. Пусть я и потратила лишние 15 минут, однако домой вернулась в приподнятом настроении. Как будто поучаствовала в благотворительной акции. Нет, кто бы что ни говорил, но делать добро людям иногда бывает даже приятно!

***

Шла вчера по Офицерской в направлении музея Блока и опять подумала, почему такую широкую и длинную улицу не назвали после революции именем автора поэмы «Двенадцать? Он же на ней жил. С какой стати тогда ее переименовали в Декабристов? Они, что, здесь все постоянно заседали? Причем тут они вообще?.. И далеко не сразу до меня дошло, что для коммунистов два этих слова фактически были синонимами. Под декабристами и подразумевались русские офицеры, но просто лучшие из их числа. Так тогда считалось. В советские времена это был как бы более политкорректный вариант для обозначения того же самого означаемого, если так можно выразиться. А когда необходимость скрывать и маскировать свои истинные чувства и симпатии у людей отпала, они снова могут вернуться к прежнему наименованию.

Подобные метаморфозы лишний раз свидетельствуют, что только красота и связывает тех или иных индивидов с вечностью. Дает им шанс засветиться в памяти потомков в более-менее эффектном виде навсегда. Наподобие того, как декабристы запечатлелись в офицерских мундирах с эполетами в названии этой улицы. И каждый, кто по ней идет или будет идти через сто лет, в любой момент способен вспомнить и про них. А субъекты вроде Чернышевского и Добролюбова, к примеру, так и останутся в веках уродцами, какими были при жизни. До тех пор пока таблички с их фамилиями не исчезнут с домов соответствующих улиц, по крайней мере. А как только на их месте появится нечто более эстетичное и непреходящее, типа «бульвара Белых роз» или «проспекта Ночных звезд», так память о них сразу же полностью улетучится. Никто из них ведь ничего не сделал, чтобы хоть чем-то быть похожим на звезды и цветы.

***

Прочитала сейчас очень подробную заметку о пользе электрошоков. Оказывается, человечество напрасно их недооценивает. На самом деле, они избавляют отчаявшихся индивидов от депрессии и спасают от самоубийства…

Под впечатлением от этой статьи я даже стала вспоминать, сколько времени я посещала садик, когда жила у бабушки в Шепетовке. Месяца три, наверное. И там мне каждое утро давали рыбий жир, хотя я вообще терпеть его не могла, старалась по возможности спрятать за щекой и выплюнуть. Несмотря на все его целебные свойства, которые мне безуспешно пытались вбить в голову воспитательницы. Порой им даже приходилось вдвоем держать меня за руки, чтобы его впихнуть. Главный герой моего романа «Домик в Буа-Коломб» любил повторять «У меня опыт – восемь электрошоков!». Но и у меня за плечами, если подумать, тоже имеются не менее запоминающиеся и впечатляющие испытания: девяносто ложек рыбьего жира.

Что поделать, но так уж устроены люди. Таким замечательным и эффективным средствам, как электрошок, они предпочитают наркотики и алкоголь.

***

Всякий раз, когда в самых разнообразных контекстах я слышу сегодня слово «великий», где-то на бессознательном уровне у меня возникает ощущение, будто мне предлагают попробовать нечто полностью лишенное вкуса, типа жвачки, причем в очень большом количестве. И сразу понимаешь, что тебе с этой задачей не справиться. В смысле, столько такой еды не осилить даже на протяжении всей жизни. Тем более, что ты сама всегда старалась ее избегать, поскольку и в минимальных-то дозах ее обычно удается переваривать с огромным трудом и безо всякого удовольствия.

Поневоле начинаешь осознавать ограниченность собственных возможностей по сравнению со всем великим.

***

Три недели назад в городе Морозовске Ростовской области супружеская пара украла ребенка после смерти их приемного сына. Супруги продолжали получать на умершего ребенка выплаты. Но чтобы избежать лишних вопросов соседей, они решили найти похожего малыша…

Не только дети все одинаковые, кстати. Но и старики, березы, кусты, негры, китайцы, мыши, лягушки, пчелы, вороны, воробьи, философы, психологи, фотомодели, горы, звезды, бегемоты, муравьи, бараны, коровы… А многие, я заметила, еще и Гомера от Данте не отличают. О таких, как Вагинов, Поплавский, Юркун, Добычин, Введенский и Пильняк, я даже не говорю.

***

Ради интереса поставила поиск по своим книгам на слово «совесть» и обнаружила, что оно у меня отсутствует. Ну, может быть, много лет назад в первых романах пару раз мелькнуло и то в довольно специфическом контексте…

Можно подумать, что у меня совсем нет совести. Хотя на самом деле это всего лишь не мой дискурс. Но простым людям, боюсь, этого не понять.

***

Бывает, поздно вечером ты накидываешь пуховик, чтобы выйти в магазин за молоком для кофе к завтраку, например. На улице холодно и темно, поэтому редкие прохожие, скорее всего, не обратят на тебя внимания, а никого из знакомых ты не встретишь. Так что о том, как ты выглядишь, можно не заботиться. Главное – не замерзнуть и не простудиться.

Большинство людей, похоже, именно так к жизни и относятся. Как-то особенно остро ощущают кратковременность человеческого существования, что ли? И поэтому уверены, что их никто не заметит. Просто быстренько пропорхали, и все. Словно мотыльки…

Иначе я не могу объяснить, почему мне постоянно приходится натыкаться на такое количество уродов вокруг. Жратва — это все, ради чего они посетили этот мир, который представляется им чем-то вроде универсама по соседству с Вечностью, где они, судя по всему, постоянно прописаны и куда спешат поскорее вернуться. Именно там и вершатся самые важные события их жизни. Встреча со мной определенно не входит в их планы.

***

Современное искусство скучное, однообразное, конъюнктурное, плоское, фальшивое, вторичное, бессмысленное, тупое… Но если его кто-нибудь критикует, я заметила, значит, это непременно дебил. Парадокс!

***

Чем добрее книга попадается тебе на глаза, предположим, тем пронырливее и опаснее в реальности оказывается ее автор. Много раз в этом убеждалась, поэтому с некоторых пор вообще предпочитаю обходить таких стороной. Или читаешь возвышенное высокодуховное стихотворение о любви, значит, можешь не сомневаться, что его сочинил зацикленный исключительно на жратве и бабках маньяк. Ну, а наиболее интеллектуальные и глубокомысленные произведения практически всегда принадлежат умственно-отсталым индивидам…

И меня подобное противоречие между жизнью и искусством нисколько не удивляет. Обычно я и сама сажусь за написание грустных текстов исключительно в приподнятом настроении, когда у меня все более-менее складывается благополучно. А если вдруг что-то пошло не так и ты погружаешься в состояние близкое к депрессии, тогда, наоборот, чтобы немного взбодриться, хочется выдавить из себя что-нибудь повеселее.

Сократ правильно советовал людям познать самих себя. Это здорово помогает разобраться с теми, кто тебя окружает. По аналогии, так сказать.

***

Шла сейчас мимо Владимирского собора. И практически все, кто в него заходят, я заметила, дают деньги стоящим возле входа нищим старухам. Ход их мысли мне примерно понятен. Ты отдаешь бабки для получения дополнительных бонусов на обретение вечного блаженства. Мелкое вложение ради крупной выгоды. Вполне разумный поступок. Тот, кто этого не делает, наверняка, выглядит в их глазах дурачком.

Другое дело, что Бог – это ведь вроде Деда Мороза, только для взрослых. Вот этого они не учитывают, мне кажется. Со стороны они и сами производят впечатление даунов. Стандартная ситуация для всей моей жизни, в сущности. Люди на меня смотрят как на идиотку, не желающую делать отчисления в пенсионный фонд и не заботящуюся о своем благополучии в будущем. А я — на них.

***

Порой ловишь на себе недовольные взгляды где-нибудь в общественном транспорте или магазине и невольно вспоминаешь про обострение классовой борьбы. А иногда прихо-

дится сталкиваться с враждебностью неполноценных особей, нуждающихся в помощи психоаналитиков. И наконец, злоба и интриги со стороны разного рода даунов могут быть спровоцированы твоими успехами, бабками, известностью и прочими достижениями, которые в целом подпадают под категорию борьбы за власть, описанную Ницше…

Чем эрудированнее человек, тем сложнее и напряженнее его отношения с окружающими. Я на себе такую тенденцию в полной мере много раз уже успела почувствовать. И это я еще Канта и Гегеля толком не читала. А то бы моя жизнь наверняка превратилась в настоящий ад.

***

Вчера в «Музее кошек» одна из сотрудниц насыпала в стоящие в уголке миски корм, и тут же к ней отовсюду со всех ног бросились ее многочисленные подопечные. Выпрямившись, она многозначительно произнесла: «Главное — это еда». Надо же, подумала я, как точно подмечено! Все-таки работа с животными позволяет человеку отринуть суету и стать мудрее… Однако через некоторое время ко мне подбежал маленький пушистый котенок с зелеными глазами. И взглянув на него, я поняла, что красота все же важнее. Ведь без нее кошек наверняка вообще никто бы не кормил, и к настоящему моменту они бы уже давно вымерли.

Вот так и известные философы, вроде Гегеля и Маркса, были слишком сосредоточены на человеческих поступках и словах. А то, как люди выглядят, их совершенно не интересовало. И в результате они не внесли в этот мир ничего, кроме дополнительной путаницы.

***

Большинство людей напоминают таксистов. Вроде бы человек крепко держится за руль, адекватно реагирует на сигналы светофора и столбы, вовремя тормозит, но стоит ему выйти за пределы узкого круга своих непосредственных обязанностей и пуститься в рассуждения о чуть более отвлеченных вещах, вроде политики или искусства, как он словно теряет ориентацию в пространстве и начинает бредить. Белое становится черным, верх превращается в низ, а правое смещается влево… Страшно подумать, что было бы, если бы физический мир полностью совпадал с метафизическим. Ощущение, что ты живешь в окружении сумасшедших, обрело бы настолько осязаемые формы, что от общественного транспорта пришлось бы, вероятно, навсегда отказаться. Не

только по городу, но и на дачу нужно было бы ходить пешком. Да что транспорт, электрики стали бы подключать провода к батареям, сантехники не могли бы отличить унитазы от раковин, вода и электричество перестали бы поступать в квартиры, а компьютеры и холодильники заглохли…

Между тем, некоторые мыслители даже мечтали о воцарении на Земле так называемого Царства духа. О последствиях они явно не задумывались. Если человечеству и удалось как-то до сих пор выжить, то только из-за того, что небо, по которому сегодня летают самолеты, не имеет ничего общего с тем, куда стремятся люди, говоря о своих якобы возвышенных намерениях. Всякий раз, когда я их слышу, у меня возникает такое чувство, будто меня тянут на дно болота.

***

Прочитала составленный The Daily Telegraph список величайших романов в истории и поняла, что так и не научилась отличать друг от друга сестер Бронте. И самое удивительное, что их было три, а не две, как я почему-то привыкла думать. Плюс, в первую двадцатку там вошли еще Джейн Остин, Джордж Элиот и Генри Джеймс, которых я тоже все время с ними путаю. Ужас!

Впрочем, если кто-то из них оказался в числе лучших, то и другие должны быть где-то рядом. Раз уж они так похожи, то возвысить одного над остальными было бы несправедливо.

***

Рай — это другие.

***

Люди часто выстраивают несуществующие причинно-следственные связи, чтобы поудобнее устроиться в жизни. Происходит какое-нибудь ужасное событие, допустим, а вина за него приписывается индивидам, которые мешают их благополучию. Даже если те совершенно непричастны к случившемуся, а просто чтобы против них всех настроить. Воспользовавшись удобным моментом, так сказать.

Вот почему самые умные личности и имеют обычно репутацию дурачков, которые плохо ориентируются в окружающем мире, ни в чем не разбираются и не понимают очевидных вещей.

***

Ехала сейчас в автобусе. Сзади баба беседует с сидящей рядом с ней старухой: А вы наверное были актрисой? — Нет, я была директором гастронома. — О, да это еще лучше!..

Невольно вспомнила Кьеркегора: или–или. Если бы я взялась за книгу с таким названием, то сосредоточилась бы исключительно на жратве и красоте. Не представляю, о каких еще альтернативах можно сейчас всерьез говорить. Люди то садятся на диету во имя эстетики, то опять ни в чем себе не отказывают. Человеческая жизнь только из такого растянутого во времени мучительного выбора, в сущности, и состоит.

***

Слово «преступник», если внимательно вслушаться в язык, как предлагал поступать Хайдеггер, по-моему, вовсе не является ругательством и не содержит в себе никакого осуждения. Тогда как с милицией, день которой сегодня помечен в календаре в качестве праздника, все в точности наоборот. Вот чему учат философы! А Платон еще призывал их активно привлекать к управлению государством.

***

Избыточные знания для писателя, по сути, мало чем отличаются от лишнего веса. Они точно так же указывают на праздное времяпровождение и расслабленность индивида. Портят его внешний облик, короче, становясь своеобразным проявлением стилистического уродства. Не очень люблю спортсменов, но в условиях жесткой конкуренции и борьбы за утверждение своих ценностей и идеалов творческим личностям следует избавляться от начитанности и чрезмерной осведомленности обо всем, что отвлекает их от достижения поставленной цели. Как это и делают обычно сбрасывающие лишние килограммы боксеры и футболисты, к примеру, во время подготовки к важным состязаниям. То же самое можно сказать и о морали. Наделенный минимальным эстетическим чувством поэт никогда не позволит себе выглядеть не только умнее, но и нравственнее находящихся у власти политиков, в частности. Причем это касается не одних его современников и сограждан, но и древнеримских императоров или же вождей африканских племен людоедов. Какие-либо временные и территориальные границы в данном случае отсутствуют. Все-таки гений в своем

стремлении к совершенству всегда исходит из вечных и универсальных критериев, а не сиюминутных веяний.

***

Хайп — на редкость противное слово, кстати. Чего только бездарные и тупые личности не придумают, чтобы отбить у более способных конкурентов желание прославиться!

***

Либо ты спускаешься в метрополитен имени Ленина и едешь до Пушкинской. Либо метро назовут в честь поэта, и тогда станция станет носить имя Ильича. Или — или. Третьего, в сущности, не дано. Сложно сказать, что лучше. Во втором случае диктор, объявляя остановки, будет постоянно напоминать тебе о вожде мирового пролетариата. Поэтому лично я бы, пожалуй, предпочла, чтобы Ленину отводилась более почетная роль, и я пореже про него слышала. Все-таки Пушкин, при всех его недостатках, как-то поближе Бога, к примеру. Пока он где-то там, в вечности, и отвечает за весь мир в целом, его можно вообще не замечать.

***

Скоты, мартышки, козлы, неповоротливые коровы, слоны в посудной лавке, притворно плачущие крокодилы, неуклюжие медведи, прячущие в песке голову страусы, злые волки, зверье… А недавно еще добавились овощи и ботаники. С ума сойти, откуда только у людей такое пренебрежительное отношение к природе!

Лично я только о жабах, по-моему, в своих книгах не особенно лестно отзывалась. Но этим летом и к ним решила изменить отношение. Думаю, теперь меня можно смело причислить, если не к веганам, то к писателям, которые относятся к представителям животного мира уважительно, как к равным. Бараны уж точно не тупее людей, я считаю!

***

У режиссеров часто нет средств на масштабные съемки, но им все равно порой удается создавать гениальные фильмы. Так и в жизни: отталкивающая наружность является свидетельством ограниченных умственных способностей, а не отсутствия возможности повлиять на свой внешний вид. Это не значит, что тупость того или иного индивида заслуживает сочувствия, а уродство — нет.

***

Такое ощущение, что год прошел под знаком Сталина. Посетила его дачу, вообще узнала много нового про этого исторического деятеля, но так и не определилась со своим отношением к нему. По-моему, это такой маркиз де Сад для бедных. В этом, безусловно, что-то есть. В конце концов, самые изысканные кулинарные блюда типа эскарго тоже вошли в обиход не от хорошей жизни и из нищенской среды. Людям просто нечего было жрать. Нормальному же человеку не придет в голову съесть улитку, если кругом полно грибов, ягод, рыбы и прочей живности. Но в тяжелые времена, после засухи, например, и червяками начнешь питаться. Так что лет так через сто, думаю, и Сталин станет знаком изысканного вкуса. А пока ему поклоняются всякие дауны, которые в силу ряда объективных причин не имеют доступа к лучшим достижениям мировой культуры.

***

Астрологи думали, что звезды определяют судьбу каждого индивида. Тогда как для астрономов это всего лишь бесформенные скопления плазмы. Уже из этого примера видно: чем выше интеллектуальное развитие людей, тем проще становятся их представления о мире. Те же астрологи сегодня на порядок умнее научных работников, поскольку, продолжая отстаивать свою точку зрения на звезды вопреки новейшим открытиям и очевидным фактам, явно считают окружающих за откровенных лохов. Ученые же в современном мире, по сути, заняли их место в средние века и выступают в качестве наивных дурачков и романтиков. Однако прогресс человечества на пути самосовершенствования, как бы кому этого ни хотелось, не остановить!

***

На вид небо почти, как море. В нем нет ничего плохого. Облака плывут, как корабли, звезды, Луна… Но космонавты все равно меня жутко раздражают. Другое дело, моряки. Даже в советские времена они занимались чем-то предосудительным. Ходили за границу, куда остальным обывателям путь был закрыт. Причем по причинам морального характера.

И большинство писателей, мне кажется, воспринимают литературу как небо, в которое они гордо устремляются,

оторвавшись от земного притяжения. Это всегда легко заметить. Чего стоит одно только слово «духовность», как бы полностью состоящее из воздуха. О религии я вообще молчу.

***

«Смирись, гордый человек!» – призывал Достоевский… А что это значит, если подумать? Типа отказаться от красоты и признать, что люди существуют исключительно, чтобы есть. Так, что ли? Довольно часто в последнее время вспоминаю это восклицание, и ничего другого почему-то в голову не приходит.

***

Вечером в магазине было совсем пусто, и я опять поймала себя на желании положить пачку масла в сумку, но в последний момент передумала, не захотела рисковать и омрачать себе праздники на сей раз, а то мало ли… И так всякий раз, практически постоянно, совершая покупки, стоит мне оказаться в укромном углу, за стеллажом, причем даже с какой-нибудь ерундой, типа носок или чистящих средств, я мысленно начинаю прикидывать, можно ли их вынести, не заплатив, начинаю оглядываться по сторонам, не висит ли там камера, не наблюдает ли кто за мной, где находятся остальные покупатели, сколько человек стоит в кассу, и так вплоть до того, что будет, когда я окажусь на улице, в какую подворотню лучше заскочить, скрываясь от погони. В этом плане тем, у кого с детства выработались строгие моральные принципы, гораздо легче живется, мне кажется. Они спокойно ходят по магазинам, по крайней мере, и им не нужно хотя бы в самых простейших ситуациях принимать судьбоносные решения и выбирать «быть или не быть». Многие действия они могут совершать просто как бы «на автопилоте», и их голова в такие моменты свободна для каких-нибудь возвышенных мыслей, а не занята обдумыванием планов присвоения себе чужого имущества. А я даже, когда в сберкассе в очереди сижу, и то часто представляю, как сейчас сюда ворвутся грабители в масках и предложат лечь всем на пол, и тоже воображаю себя на их месте. Хотя в банк я бы, пожалуй, предпочла проникнуть ночью при помощи подкопа, а так прямо лезть на рожон мне бы не хотелось…

Сегодня утром, короче, я подумала, что у морали, при всех ее очевидных недостатках, связанных главным образом с эстетикой, поэзией и прочими отвлеченными материями,

имеются и определенные преимущества. На бытовом уровне, во всяком случае.

***

Если бы советское было камнем или металлом, то я бы никогда его не использовала. Будь я скульптором, я хочу сказать. Из этого материала невозможно ничего вытесать и отлить. И не потому что он чересчур твердый или же, наоборот, мягкий. Просто очень специфический. Как ни пытайся создать нечто монументальное, величественное и красивое, все равно получится уродство. Похоже, он так и не прошел до конца необходимой обработки природой и не достиг нужных кондиций, чтобы стать как мрамор или же бронза. Часто приходится слышать, будто СССР был империей зла, где царили произвол и деспотия, однако в глубине люди чувствуют, что на самом деле это было в высшей степени гуманное общество, где отсутствовали сексуальные извращения и организованная преступность, а граждане верили в светлое будущее, играли в парках в шахматы и пили газированную воду из одного стакана. И неплохо вроде бы, но тоже что-то не то. Так бывает, когда смотришь на статую, например, а потом узнаешь, что она сделана из позолоченного дешевого сплава или же выкрашенного под малахит гипса.

***

Проснувшись сегодня утром, стала перебирать в уме тех, кто хоть что-нибудь писал про Селина, имена авторов философских или же филологических сочинений, но из более-менее известных широкой публике, кроме Юлии Кристевой, так и не смогла никого вспомнить. Нет, у Селина, как и у любого классика мировой литературы, имеется, конечно, свой круг исследований, но в целом, если приглядеться, фундаментальных научных трудов ему посвящается не так уж много. Особенно по сравнению с другими писателями, которые жили примерно в то же время, что и он. Будь то Батай, Бретон или же Арто. Такой перекос тем более бросается в глаза, что по всем остальным параметрам, включая размер тиражей, переиздания и переводы на другие языки, Селин, как правило, их превосходит. Но дело тут в том, мне кажется, что у Селина, как ни у кого еще во всей мировой литературе, практически все мысли до конца додуманы, а чувства полностью, если так можно выразиться, пережиты. Тогда как между осмысленностью творчества писателя и интересом к нему со стороны ученых,

насколько я могла заметить, давно уже установилась обратно пропорциональная зависимость. Литературоведов притягивают главным образом недоделанные тексты, а то и вовсе бесформенные нагромождения слов (как в случае Хлебникова, например). И я их в общем-то понимаю. Людям тесно в рамках выбранной ими строгой дисциплины, надоедает регулярно ходить на работу, тереться целыми днями на кафедре, заседать на ученых советах, а хочется самим хотя бы отчасти побыть свободными художниками и творцами. И наиболее туманные и аморфные произведения будят их фантазию, позволяют импровизировать с вложенными в них смыслами. Плюс сознание того, что без их участия этот поэт или прозаик и вовсе никого бы не интересовали и были бы фактически ничем, переполняет их гордостью и позволяет чувствовать собственную значимость. Пусть вслух об этом и не говорится, но в душе, не сомневаюсь, они ощущают себя их полноправными соавторами.

Можно вспомнить еще Хармса и Введенского, чьи имена в учебниках литературы обычно пишутся через запятую: так много между ними, на первый взгляд, общего. Специально я, конечно, этот вопрос не изучала, однако что-то мне подсказывает, что тиражи первого значительно выше, тогда как диссертаций о последнем, как минимум, не меньше. Практически в этом не сомневаюсь. И все потому, что Введенский, в отличие от Хармса, в большинстве своих стихов особо не напрягается, а, по сути, просто бренчит всякими многозначительными словам типа «вечность», «бог», «вселенная», «бытие» и пр., оставляя таким образом обширное пространство для самореализации своим будущим исследователям. Что может дать в этом плане филологу или даже философу «Путешествие на край ночи»?

***

История с похищением картины Куинджи кажется мне в высшей степени показательной. Человеку приглянулся пейзаж. Еще бы, горы, небо! Схватил и убежал. Формат подходящий. К тому же висит в крупном столичном музее, значит, наверняка должна дорого стоить. Логика, которой он руководствовался, примерно ясна. Милиция всполошилась, его схватили, теперь, вероятно, посадят, директриса музея получила выговор… Но во всей этой цепочке событий, в сущности, нет ничего по-настоящему волнующего, за чем можно было бы более-менее продолжительное время с интересом следить. Чем больше на эту тему поступает новостей, тем

банальнее все выглядит. Это как кино, с которого уже через пятнадцать минут хочется уйти…

И все потому, что творчество Куинджи не имеет никакого значения для мировой живописи. А вот если бы речь шла о каком-нибудь даже совсем крошечном рисунке Бердсли, допустим, то в случившемся сразу бы появилась настоящая интрига. И дальнейшая судьба похитителя не выглядела бы столь беспросветной. Не сомневаюсь, что арестант, укравший Бердсли, был бы отмечен знаком особой избранности среди других заключенных, внес бы в их существование дополнительный заряд бодрости, превратив их пребывание в лагере в настоящий праздник.

А без красоты человеческая жизнь лишается всякого смысла!

***

Когда писатель создает некое великое произведение, то он параллельно осознает и ничтожность живущих вокруг людей. Что обесценивает для него и перспективу признания ими его заслуг. Подобный процесс неизбежен. Иначе автор «Мертвых душ», допустим, должен был бы продолжать верить в доброту, ум и загадочность тех, кого он описал. То есть, по сути, оставаться дегенератом. Одно полностью исключает другое.

Между тем именно такой феномен и можно наблюдать в лице создателя «Капитала», например, все учение которого строится на предположении, будто пролетарии наделены необычайными интеллектуальными и духовными способностями, и поэтому в перспективе готовы взять на себя роль спасителей человечества.

Впрочем, заблуждения Маркса, на мой взгляд, еще можно как-то объяснить. Он вырос в достаточно далекой от народа семье и всю жизнь, если не ошибаюсь, находился на содержании Энгельса. Но вот Платон в своем идеальном государстве отводит главную роль философам. Притом что сам был основателем Академии, где помимо Аристотеля и, может быть, еще парочки более-менее сообразительных индивидов наверняка обучалась целая куча дебилов. Я мало общаюсь с представителями этой профессии, но даже на расстоянии прекрасно вижу, насколько они обычно бывают тупыми. А уж о тех, кто поступает в разного рода ВУЗы, и говорить нечего. А он имел возможность куда более тесно контактировать со своими слушателями, но, судя по всему, совершенно не замечал, с кем имеет дело. Что, в конечном счете, далеко

не лучшим образом характеризует и его собственные умственные способности. Ставит под сомнение его вклад в мировую философию в том числе.

Но это же объясняет и популярность идей Маркса и Платона среди рабочих и философов. Они им льстят, и те в ответ ими восхищаются. Таким образом, как это ни парадоксально звучит, исключительно за счет своей искренней глупости им и удалось прожить относительно счастливую жизнь, остаться в веках и выйти за пределы замкнутого круга, в какой, как правило, попадают гении, более серьезно относящиеся к познанию окружающей действительности.

***

Дискурс, симулякры, архетип, нарратив... Кажется, я поняла, почему всегда старалась избегать этих слов. Просто они какие-то чересчур человеческие, что ли. И поэтому вызывают у меня такое же недоверие, как генетически модифицированные продукты, например. Хоть и считается, что их вред для здоровья не доказан, но в магазине я все равно обычно внимательно осматриваю надписи на упаковках на предмет наличия в них следов вмешательства людей в естественные природные процессы.

***

Ночь прошла под знаком суперлуния. И я уже давно заметила, что все новости следующего дня на фоне такого события кажутся какими-то особенно незначительными и даже смешными. Луну ведь постоянно пытаются отодвинуть, убрать с горизонта, приходится лавировать, исчезать, заходить с другой стороны, начинать все сначала, однако рано или поздно все равно наступает момент, когда она выходит из тени и сияет в лучах света. Да еще и на максимально близком от тебя расстоянии. Разве может быть что-нибудь важнее?..

Писатели посещают кружки, поступают в Литинститут, а я всегда училась только у Луны. Жила по лунному календарю, можно сказать. Особенно обидно, кстати, когда в такие редкие мгновения на небе сгущаются тучи. Вот это обстоятельство, к сожалению, совершенно невозможно предусмотреть. В перемещениях туч нет никакой логики или системы, даже злой умысел, и тот отсутствует, а все зависит исключительно от случайных дуновений переменчивого ветра. В этом плане тучи больше всего напоминают мне равнодушных к красоте и вечно спешащих по своим делам обывателей.

Странно, что Лермонтов сравнивал их с собой и называл изгнанниками. Мне он нравится, но с такой оценкой этих аморфных атмосферных образований я абсолютно не согласна.

***

«Ранимый, чистый, тонкой душевной организации...» Всякий раз, когда натыкаюсь на подобные эпитеты, сразу чувствую, что речь идет о каком-нибудь депутате, сотруднике мэрии, крупном банкире, главном редакторе СМИ, известном поп-исполнителе или же, минимум, народном артисте РФ, не ниже...

В моем кругу общения таких точно нет. Мысленно сейчас прикинула и поняла, что ни разу еще не встречала никого, кого можно было бы так охарактеризовать.

***

Если тебя в магазине не обсчитывают, вежливо тебе отвечают, заискивающе улыбаются, а покупку помещают в красивую коробочку, повязав сверху бантик, то это, безусловно, приятно. Но все равно у меня после остается такое ощущение, будто я пообщалась с какими-то дурачками, что ли. И совсем другое дело, когда тебе в кассе не додадут крупную сумму, допустим, и ты этого не заметишь.

Вот почему я все же не отношусь к последователям учения Канта. Ведь этот философ, если не ошибаюсь, считал, что каждый индивид должен вести себе так, как бы он предпочел, чтобы другие поступали с ним. Мне подобный принцип, должна признаться, совершенно не подходит. Запечатлеться в глазах потомков в качестве дауна мне бы не хотелось. Хотя и Канта я тоже отчасти понимаю. Человек, думаю, сходил на концерт, послушал симфонию Моцарта, предположим, и, вернувшись домой, сел за сочинение философского трактата о критике чистого разума или чего там еще он написал. То есть в результате у него тоже пробудилось желание создать нечто значительное, масштабное и приятное для человеческого слуха. Не хуже, чем у Моцарта. Порадовать людей в благодарность за полученное удовольствие. Я лично именно так себе эту картину представляю. Отсюда и вывод, что нужно поступать, как хочешь, чтобы делали другие. Логика Канта мне не зависит от образа жизни каждого человека, на самом деле. Концерты классической музыки, всякие там сонаты, дивертисменты, фуги, кантаты и оратории во времена

Канта были самым обычным явлением. А я уже и не помню, когда я в последний раз была в филармонии. И меня почему-то туда совсем не тянет.

***

Листала сейчас свою книгу и вдруг почувствовала, что под некоторыми моими мыслями не хватает имени классика типа Льва Толстого или Бернарда Шоу. А то они выглядят как-то сиротливо, что ли. Особенно это касается лаконичных высказываний, состоящих из одного или двух предложений.

***

Богатых я еще могу понять. Ими движет инстинктивное стремление сохранить свое состояние. Вот они и стараются производить на окружающих настолько отталкивающее впечатление, чтобы ни у кого не возникло не только желания к ним приближаться, но даже на них смотреть. Им необходимо вести себя так, чтобы им невозможно было завидовать. В целях безопасности, так сказать. Нет, у них, конечно, имеется охрана. Но лишний раз подстраховаться никогда не помешает. Береженого Бог бережет, как говорится. Но почему так уродливо выглядят представители малоимущих слоев населения? Загадка.

***

Если же взять меня и Гомера, допустим, то у нас с ним совсем ничего общего нет. Никогда не чувствовала с ним особого родства душ. И не только потому, что он был слепым убеленным сединами старцем. У меня вообще всегда было такое ощущение, что он прямо таким и появился на свет. Нет, так обычно не бывает, конечно, но он же жил в Древней Греции, а там и не такое, говорят, случалось. Но возраст и волосы – это чисто внешнее, в конце концов. А вот эпический размах и такой неторопливый размеренный слог изложения, как у него, мне, действительно, глубоко чужд. Он ведь, если не ошибаюсь, писал гекзаметром. Жуть! Это, на мой вкус, вообще что-то запредельное, хуже, вероятно, может быть разве что амфибрахий. Даже сами два эти слова звучат настолько пугающе, что, стоит их только услышать, как тебя потом почти наверняка ночью будут мучить кошмары. Именно поэтому, думаю, сейчас Гомера мало кто читает. Люди чисто инстинктивно стараются держаться от него подальше. Ну, а у тех, кто все-таки решился открыть его произведения и с ними ознакомиться, обычно бывает такой

вид, будто их пыльным мешком по голове стукнули. Все творческие личности сегодня, в сущности, делятся на читавших и не читавших Гомера. Последних явное меньшинство, и они, как правило, сразу бросаются в глаза. Куда ни придешь, на поэтический вечер или творческую встречу, сразу можно заметить, как в уголке сидит такой худенький в очечках субъект и прямо весь трясется, как осиновый лист, вздрагивая от малейшего шороха. И можно не сомневаться практически, что это еще один поклонник «Илиады» и «Одиссеи»! Много раз в этом убеждалась…

А так, про него все слышали, само собой. По степени известности Гомер ничем не уступает тому же Пушкину или же Крылову. И это понятно. Когда люди узнают, что дряхлый старик, который, ко всему прочему, был еще и слепым, умудрился каким-то образом трясущимися руками, буковка за буковкой, написать не какую-нибудь там тоненькую «Как закалялась сталь», а два огромнейших тома, то это навсегда врезается им в память. Байрон был хромым, но сумел переплыть Дарданеллы. И таким образом прославился. Однако то, что сделал Гомер, гораздо, гораздо круче. Все-таки это не разовый какой-то поступок, совершенный в случайном порыве, а нечто такое, что требовало от него неимоверных усилий на протяжении всей жизни. Да даже если он просто надиктовал все это своему поводырю, все равно количество информации, которое он держал у себя в голове, впечатляет. Плюс, излагать свои мысли ему приходилось не абы как, а опять-таки гекзаметром. Подобное, естественно, не забывается…

Меня всегда удивляло, кстати, что переулок Джамбула в Петербурге до сих пор сохранил свое название. Как раз шла сейчас там и подумала, что в начале 90-х, когда повсюду прокатилась целая волна разнообразных перемен, его запросто могли бы переименовать. И назвать в честь того же Гомера. Почему нет? Людям тогда хотя бы было ясно, о ком идет речь. А Джамбул?.. Кто это вообще такой? Я и то про него только в раннем детстве что-то краем уха слышала, а уж о малообразованных и далеких от литературы личностях и говорить нечего. Если не ошибаюсь, он жил еще до войны и исполнял былины собственного сочинения, аккомпанируя себе на народном струнном инструменте. И лет ему тогда было чуть ли не сто, поэтому я всегда подозревала, что этот доморощенный сказитель вполне сознательно косил под Гомера. Единственное, свои произведения он посвящал партийным руководителям, но во всем остальном, похоже, ори-

ентировался на своего древнегреческого коллегу, эксплуатируя созданный тем яркий и запоминающийся образ. Не знаю, как у него было со зрением, но вряд ли он в таком возрасте хорошо видел. В целом же этот тип и его подельники совершенно беззастенчиво позаимствовали у греков то, что теперь называется франшизой. Это слово подразумевает не сам конечный продукт, а только некие технологии, бренд и пр. Все наследники Гомера давно умерли, и формально к ним не придерешься. Но с точки зрения вечных общечеловеческих ценностей, на мой взгляд, было бы справедливо, если бы этот переулок стал носить имя Гомера. Ленинград — это Санкт-Петербург, улица Ракова — Итальянская, Желябова — Большая Конюшенная, Дзержинского — Гороховая, а переулок Джамбула — Гомера. Вот так должно быть! Это же само напрашивается! Лет десять назад, правда, к его названию добавилась еще и скульптурная композиция. Но и ее, если что, менять не придется. Там теперь в скверике недалеко от детского сада стоит такой иссушенный пенсионер с бородкой, в халате и отороченной мехом шапке на башке. Я сегодня специально поближе подошла и внимательно все осмотрела. В руках он держит что-то типа балалайки, но с длиннющим, вытянутым чуть ли не на полтора метра грифом. Ну, просто вылитый Гомер! Я, во всяком случае, создателя «Илиады» именно так себе всегда и представляла.

***

Обыватели постоянно изрекают банальности, а гений говорит то, чего никто не видит, опережает свое время, является новатором и т.п. Такие умозаключения являются своего рода общим местом разного рода научных исследований и дискуссий, посвященных литературе. И я, в принципе, с ними полностью согласна. Но почему? Из-за чего возникает столь радикальное различие между людьми? На мой взгляд, все происходит вовсе не так, как многие думают: типа одни обладают даром особой проницательности, тогда как другие им от природы обделены. Нет. Изначально, я считаю, все рождаются гениями, но потом постепенно деградируют. И лучше всего этот процесс можно проследить на примере классиков литературы. С годами число их почитателей неизменно растет, тиражи книг увеличиваются, их изучают в школе, вузах, и таким образом они сами как бы тоже незаметно перемещаются в обыденный мир. Становятся проще, так сказать, и люди начинают к ним тянуться. И если сегодня окинуть мысленным взором пантеон наиболее выдаю-

щихся писателей всех времен и народов, то можно обнаружить, что среди них к настоящему моменту не осталось практически ни одного гения. Исключения можно пересчитать буквально по пальцам. Это первое, что бросается в глаза мне, например.

Путаница же в этом вопросе возникает главным образом потому, что объектом исследований литературоведов почти никогда не бывает именно гений. Они всегда изучают только творчество обывателей. Откуда же им знать то, чего никто не видит? Похожие ситуации иногда, я слышала, случаются и в точных науках. Астрономы десятилетиями наблюдают за ночным небом, и вот, предположим, один из них незадолго до пенсии замечает новую святящуюся точку в космической темноте. Он не может поверить своим глазам, ведь открыть новую звезду было мечтой всей его жизни, и тут вдруг такая удача! Естественно, он быстренько заносит все координаты в блокнотик и довольный оправляется домой спать, уверенный, что завтра, когда он обо всем доложит начальству, его ждет оглушительный успех, всякие там премии, надбавка к пенсии, ну, и, само собой, всемирная известность, он навсегда запечатлеется в памяти потомков в качестве первооткрывателя, и его фото поместят на доску почета в их обсерватории. Каково же его удивление, когда утром на зафиксированном им месте небосвода ничего не обнаруживается. Никаких светящихся точек! А все дело в том, что вчера ему удалось разглядеть свет звезды, который только сейчас достиг Земли, в то время как она сама уже давно погасла. И пока он спал, этот свет, а точнее даже отблеск далекого светила, тоже окончательно улетучился. Легко себе представить, как этот несчастный будет огорчен, ведь теперь ему уже не удастся никому ничего доказать.

Точно такое же разочарование, по идее, постоянно должны были бы испытывать и авторы посвященных знаменитым писателям прошлого диссертаций и монографий. Однако ничего подобного в жизни обычно не происходит. Образно выражаясь, ты поднимаешь глаза к небу и ничего там не видишь, а они почему-то упорно пребывают в иллюзии, будто занимаются изучением настоящих, а не погасших звезд. Вот чего я никогда не могла понять! Как будто мы живем под разными небесами

***

Древнегреческая трагедия. Всего несколько каких-то «тр», «гр», «др» и еще, пожалуй, «ч» делают это словосочетание

значительным, даже торжественно-величественным. Достаточно просто его как бы вскользь произнести, и слушатели будут очарованы… Людям, в сущности, так мало надо. А многие гении все равно умирают в нищете.

Некоторые вещи совершенно не укладываются у меня в голове!

***

Если фильм или картину можно полностью пересказать словами, то смотреть их уже необязательно, это будет пустой тратой времени. Вот и литература как словесное искусство существует исключительно для того, чтобы наглядно продемонстрировать людям, что человеческое бытие лишено всякого смысла, и жить им, в сущности, незачем.

Тогда как советские поэты, видимо, были настолько привязаны к квартирам и дачам, которыми их одаривало правительство, их это так вдохновляло, что они, наоборот, пытались убедить своих читателей, будто жизнь — это нечто замечательное и неповторимое, и провести ее надо так, чтобы не было потом мучительно больно за бесцельно прожитые годы. И таким образом они как бы признавали ненужность литературы, в принципе, бессильной описать те радости бытия, которые они постоянно переживали сами и невольно проецировали на других.

***

Я называю людей дебилами. И некоторые дебилы точно так же отзываются о тех, кто их окружает. Мало того, находятся дебилы, которые считают, что между нами нет никакой разницы…

Воистину у человеческого идиотизма нет границ!

***

Данте. Автор еще одного неподъемного тома. Помесь Гомера с Марксом. Даже по времени он где-то между ними затесался, в Средних веках. Можно сказать, интеллектуальный мулат. Хотя нет, скорее, метис. Кентавр с человеческой головой и туловищем коня. Такой причудливый гибрид. Мутант, разделивший участь классиков, про которых все говорят, но никто не читает. Полный антипод скромных тружеников пера, чьи книги обыватели стыдливо прячут под подушкой. Коммунисты, надо отдать им должное, вполне здраво оценивали его способность воздействовать на умы читателей и, несмотря на весь свой воинствующий атеизм, регу-

лярно переиздавали его религиозные сочинения, причем на роскошной бумаге и с картинками. Скорее всего, впрочем, никто из них его тоже не осилил. Однако название первой части его «Божественной комедии», думаю, им нравилось: Ад. Просто не могло не нравиться! Еще бы, ведь там отбывают наказание преступники, предатели, эгоисты, честолюбцы, тираны, разбойники, убийцы, прелюбодеи, лжецы, интриганы, клеветники, маньяки и прочие извращенцы. Добавить бы еще к ним тунеядцев, и Данте смело можно было бы причислить к предтечам социалистического реализма.

***

Локаторы с легкими мембранами, опутанные множеством всяких проводков и проволочек, хорошо улавливают звуки. Вообще точность прибора всегда связана с тем, что в нем обязательно должны присутствовать какие-то изящные детали или даже почти неразличимые для глаза микросхемы, мгновенно реагирующие на любые колебания внешней среды. Я, во всяком случае, с детства привыкла так думать. У зайцев опять-таки длинные уши, которые, наподобие листьев или травы, колеблются под дуновениями легкого ветерка, из-за чего они вздрагивают от малейшего шороха и пугливо озираются по сторонам…

Вот почему, видимо, худые люди, не разбирающиеся в литературе, предположим, кажутся мне гораздо тупее толстых приземистых субъектов с бычьими шеями. Они ужасно меня раздражают своим несоответствием стандартам утонченности и чуткости, заданным самой природой. Особенно если они еще и носят очки в тонкой металлической оправе. Я воспринимаю их как предателей, нет, точнее даже, как агентов, засланных разведкой противника с целью пробудить во мне панические настроения и подорвать доверие к самым глубоким основам человеческого бытия, сделать так, чтобы я еще раз почувствовала, насколько я одинока в своей и без того неравной схватке с глубоко враждебным мне внешним миром.

***

Вера Холодная и Демьян Бедный. Главное различие между ними заключено в именах, конечно. Остальное не так важно. Я сейчас подумала, что даже и не помню уже толком, как они выглядели. И все равно, достаточно только пробежать глазами по именам и сразу понимаешь, какая их разделяет пропасть. Они, как ночь и день, небо и земля, тишина

и шум, снег и мусор, лед и болото, красота и уродство… Приходит на ум еще и противопоставление рая и ада. И, в принципе, оно тоже годится, с условием, правда, что ад больше подходит Холодной. Он ей очень к лицу, как еще одно украшение, что ли. Да и его пламя ей совсем не страшно. К тому же она еще и Вера…

***

Не исключено, кстати, что все эти звезды отечественных кинофестивалей в жутких нарядах на самом деле прячут свои самые модные и красивые тряпки в шкафу. И, возможно, даже облачаются в них по ночам, чтобы сделать селфи для вечности, так сказать, дабы запечатлеться в памяти потомков в более-менее приличном прикиде. А так, им просто не хочется выделяться и раздражать начальство и своих коллег по актерскому цеху…

Почему нет? Практически у всех советских писателей, к примеру, в столе обязательно лежали какие-нибудь не предназначенные для печати произведения, так называемые «нетленки», о существовании которых широкой публике стало известно только через много лет после смерти их создателей. Деятели кино, думаю, вполне могут оказаться не менее предусмотрительными. Не стоит их недооценивать.

***

Я настолько привязана ко всему внешнему и поверхностному, что, представив себя сейчас на мгновение в окружении киборгов, поняла, что чувствовала бы себя среди них превосходно. Они ведь наверняка будут пропорционально сложены и хорошо одеты. Человек, точнее полное его подобие, говорит, отвечает на вопросы, улыбается, а что там у кого на душе мне всегда было до лампочки. О подобном можно только мечтать! В таком плане мир будущего — это как раз для меня! Жаль только, что в эту пору прекрасную, как писал поэт, жить не придется ни мне, ни тем более.

Другое дело, что и эти силиконовые роботы тоже ведь обязательно будут нести на себе печать личностей сконструировавших их инженеров и программистов. Наподобие того как дома и дворцы напоминают об архитекторах. Так что полностью избавиться от надоедливого присутствия людей с их чувствами, богатым внутренним миром и духовностью, скорее всего, и тогда вряд ли удастся. Не исключено, кстати, что подавляющее большинство этих симметричных гладких кукол станут напоминать «Я помню чудное мгнове-

ние», в полном соответствии с эстетическими пристрастиями тех, кто над ними работал и, что называется, вложил в них «частичку своей души». Сложно описать словами, как именно они будут выглядеть, а просто они превратятся в человекообразный аналог знаменитого стихотворения. Даже в мелочах начнут копировать своих творцов, причем именно лучшую их часть, так как в них воплотится все, о чем те мечтали.... И когда я мысленно нарисовала себе такую картину, мое желание очутиться в подобном окружении резко улетучилось. Хорошо еще, что это был не сон, а то избавиться от такого кошмара мне было бы куда сложнее. Я бы, вероятно, долго мучилась, задыхалась и ворочалась в постели прежде, чем пробудиться. Жуть! А так, я просто отмахнулась от всех этих гениев чистой красоты, как от мимолетных видений, и вернулась к реальности. Даже не пробовала себе ущипнуть, а просто подошла ко окну, где баба в красной вязаной шапке с авоськой в руке как раз выходила из магазина напротив , и пара бодрых школьников младших классов вприпрыжку перебегали через дорогу. Хотя я бы, конечно, предпочла увидеть там Андромеду с искалеченной белой рукой или же, если бы мой дом стоял на берегу моря, парочку преследующих корабль альбатросов...

***

Распутин любил женщин и ни в чем себе не отказывал, порой вел себя до неприличия вызывающе. А Сталин был тверд, и, самое главное, чрезвычайно скромен. Распутину, мне кажется, не мешало бы у него поучиться. Ну, или таким, как он...

Лично я, когда вижу, что начинаю сильно переоценивать свой вклад в литературу, допустим, и особенно когда мне на это указывают, неизменно вспоминаю Сталина и стараюсь вести себя, как он. Всегда полезно иметь в жизни какой-нибудь ориентир. Это важно еще, чтобы в мире соблюдались определенные пропорции, я считаю. Даже в самом слове «мироздание» присутствует намек на некое архитектурное сооружение: здание мира. Его невозможно увидеть или потрогать руками, но эта скрытая метафора все равно каким-то непостижимым образом побуждает меня чувствовать ответственность перед теми, кто внутри него находится, чтобы оно, не дай бог, не стало перекашиваться набок и не рухнуло.

В этом смысле я всегда ощущала себя не просто писательницей, а, можно сказать, еще и одной из случайно со-

хранившихся до наших дней мраморных колонн, хаотично разбросанных сегодня по островам Средиземного моря. Никаких храмов Аполлона давно уже не существует, однако эти одинокие, устремленные в пустоту, столбы по-прежнему дают возможность каждому, кто на них смотрит, восстановить в своем воображении величественное сооружение, которое они некогда окружали. И таким образом они до сих пор как бы продолжают служить ему опорой, не позволяя полностью исчезнуть и раствориться в небытии.

***

Дима Билан уже на костылях… Как быстро летит время!

***

Вера в загробное существование на первый взгляд кажется, мягко говоря, несколько наивной. Однако писатель, не удостоившийся Нобелевской премии, допустим, всегда может заявить, что его цель заключается в достижении вечного блаженства, поэтому он сознательно старается избегать подобных мирских соблазнов. И если сравнить вечность и мимолетное удовлетворение собственного тщеславия от какой-то сомнительной награды, то выбор в пользу большей продолжительности, да и интенсивности получаемого удовольствия, выглядит вполне разумным. На этом фоне моя приверженность красоте вообще является чистой глупостью. Но я все равно ничего не могу с собой поделать: и религия, и премии представляются мне одинаково уродливыми.

***

В крупнейших британских сетевых магазинах под видом изделий из искусственного меха сегодня все чаще продаются изделия из натурального.

Совсем неплохо звучит, на мой вкус. Правда, мотивом для такого поведения в данном случае является ужесточение законодательства, продиктованное защитой животных. Что несколько смазывает общее впечатление. Лично я с удовольствием бы носила серьги, кольца и браслеты из золота с бриллиантами, замаскированные под стекло, медь и пластмассу. Сама идея мне нравится. Только так можно по-настоящему насладиться превосходством над окружающими тебя простачками. В том числе и с дорогими украшениями.

***

Чем больше, кстати, появляется новостей о всяких экзотических открытиях, типа «черных дыр» или плазменных реакторов, тем сильнее проникаешься мыслью, что пути технического прогресса и человечества сейчас окончательно разошлись. Наука развивается в одном направлении и исследует какие-то уже совершенно фантастические, не укладывающиеся в голове явления, а люди, наоборот, становятся все примитивнее и понятнее. Особенно это заметно, когда сталкиваешься с теми же учеными. Вроде бы человек целыми днями проводит, наблюдая в телескоп за загадочными звездами и галактиками, защитил диссертацию, состоящую сплошь из сложнейших расчетов и формул, а стоит с ним поближе познакомиться, и ты видишь перед собой чуть ли не умственно отсталого субъекта, не разбирающегося в самых элементарных вещах. Практически дауна. И меня, в принципе, это уже давно не удивляет. Коммунисты, которые до сих пор гордятся своими достижениями в освоении космоса, тоже отличались редкой тупостью. Не говоря уже о том, что и стоявший у истоков всей этой космонавтики Циолковский всегда казался мне олигофреном. По-своему трогательным, конечно, но все равно. Интересно, когда это началось? Когда люди начали деградировать, занимаясь при этом все более и более сложными вещами, я хочу сказать. Мне кажется, что где-то во времена Ньютона этот мир был устроен еще более-менее гармонично. Все-таки обнаруженное им притяжение к земле свидетельствует об его вполне реальной сообразительности. В самой этой истории со свалившимся ему на башку яблоком есть что-то милое и забавное. До такого, в сущности, мог додуматься и ребенок... Но потом что-то сдвинулось, и все вокруг перекосилось. Сегодня с дистанции времени видно, что живший чуть позже, чем Ньютон, Кант уже был, что называется, не семи пядей во лбу. Правда, он хотя бы достаточно скромно себя вел. Однако вскоре появился Маркс, а за ним и другие, еще более тупые отморозки... Хотя философия — это, конечно, и не вполне строгая наука, но она наверняка как-то с ними связана.

В искусстве, на самом деле, тоже можно наблюдать схожие процессы. Пока поэты слагали стихи в рифму, во времена капитана Лебядкина и раньше, люди не сильно отличались от домашних животных и диких зверей, и их глупость способна была вызвать даже умиление. Если наблюдаешь за котенком, к примеру, который не сразу догадывается, как

открыть картонную коробочку, то у тебя, наоборот, еще и улучшается настроение. А затем поэтические произведения утратили свои строгие очертания, слова смешались в кучу, и все дебилы резко поумнели, оставшись на том же уровне развития или даже опустившись на несколько ступенек вниз. Лично я как-то так представляю себе эту картину.

***

Прилетела в Париж. И пока ехала из аэропорта в метро, подумала, каким все-таки надо быть идиотом, чтобы видеть здесь вокруг одних арабов и черных. Первое, что пришло мне в голову. По-моему, так это все равно что уподобиться советским писателям, которые, попав в какую-нибудь капиталистическую страну, везде наблюдали обострение классовой борьбы. Причем совершенно искренне, думаю. Теперь я в этом уже абсолютно не сомневаюсь. Тем из них, кто был способен хотя бы на цинизм, выезд за границу в то время был запрещен.

Вот китайцев тут, действительно, много. Но об их засилье в будущем предупреждал еще Селин. А это уже совсем другой уровень развития и образования. В смысле, чтобы разглядеть сейчас китайцев на парижских улицах и в общественном транспорте, необходимо быть, как минимум, хорошо начитанным и разбираться в искусстве. А не сидеть целыми днями перед телевизором. Вот я, например, стоило мне сойти с трапа самолета, практически на каждом шагу натыкаюсь на китайцев. Даже со мной в вагоне были двое, которых я сразу же заметила.

И на улице вчера целых двадцать китайцев, держась друг за друга, стояли в очередь в бесплатный туалет. Притом что буквально в десяти метрах от него находился еще один абсолютно пустой. Ясно, что они скоро покорят весь мир. Для этого важна не сообразительность, а целеустремленность и чувство локтя.

***

Сходила в Люксембургский музей, где выставлены декаденты начала прошлого века из объединения Nabis. Так, ничего особенного, в основном декорации… Просто сейчас прочитала в аннотации, что там собраны работы «представителей постмодернистского авангарда». Стала смотреть, какие еще выставки в Париже, и случайно нат[illegible]. Не то чтобы я придираюсь, но невольно подумала почему-то, что раньше людей легко можно было распознать по

профессии, а сегодня все очень сильно перемешались, поэтому часто сразу и не разберешь, с кем тебе приходится иметь дело. Мне, к примеру, пару лет назад заменял трубы в ванной кандидат химических наук. А те же сантехники по специальности, наоборот, теперь вполне могут заниматься составлением анонсов к художественным выставкам. Почему нет? Может, им наскучили унитазы и раковины. Их очень даже можно понять. Я, правда, не знаю точно, кто конкретно данный текст писал, однако неразличение модернистов и постмодернистов — один из дифференциальных, как говорят лингвисты, признаков так называемых простых людей, чем бы те в жизни ни занимались. Я уже давно это заметила. А так, я и сама негров совсем недавно научилась отличать друг от друга, и то исключительно благодаря Голливуду. Тогда как китайцы для меня до сих пор все на одно лицо.

***

Нет, кто бы что ни говорил, но «непризнанный гений» звучит куда красивее, чем «лауреат « или, там, «классик». Все мечтают стать именно непризнанными, но не у всех выходит. Жены, дети, родственники, общественное мнение, наконец, плюс, материальное благополучие… С такими вещами нелегко справиться. Но тем сильнее восхищает тот, у кого это получилось!

В русской литературе 20 века практически отсутствуют классики, но на порядок больше романтичных фигур, чем в предыдущем столетии.

***

Оказывается, вишневых садов во времена Чехова в России не существовало. Так, кое-где сажали несколько деревьев обычно, но чтобы полностью были одни вишни, такого практически не встречалось. Зато сейчас у всех о садах той эпохи именно такое представление, как написано в пьесе русского классика. А лет через сто наверняка исчезнут и последние сомневающиеся, если подобные сегодня еще остались.

И правильно. Всегда думала, что все эти копающиеся в архивах историки, литературоведы и прочие так называемые специалисты занимаются ерундой и только сбивают людей с толку. Я это и на собственном опыте давно уже поняла. Бывает, выскажешь какую-нибудь красивую мысль, как тут же появляется некий автор диссертации на данную тему и начинает разъяснять всякие детали. И это тут не так, и то

неправильно, а такого он вообще нигде не слышал. С таким видом, словно он знает нечто чрезвычайно важное, не известное мне. Можно подумать, будто меня интересуют все эти случайно попавшие в поле моего зрения объекты его исследований. И я, как и он, пишу про них, а не про себя.

Так и в случае с этими садами. Есть Россия Чехова, Толстого, Достоевского, Тургенева. А на мнения всяких агрономов, садовников и ботаников тех лет всем глубоко плевать. Наоборот, после того, как я узнала, что Чехов полностью взял свой сад из головы, фактически его выдумал, не потрудившись навести по этому поводу никаких справок, я даже стала к нему лучше относиться. Раньше он мне казался чересчур реалистичным.

***

День рождения пионерии 19 мая совпадает с днем выхода Оскара Уайльда из тюрьмы. Довольно удобно. Благодаря пионерии это событие гораздо легче запомнить: получается своего рода мнемоническое правило… В жизни всему можно найти применение, если подумать. Неслучайно же фактически любой мусор и отходы люди научились теперь запускать повторно в производство.

***

Мода способна сделать привлекательными рваные джинсы, приспущенные штаны, вывернутые наизнанку футболки, седину, лысины, отсутствие зубов… По-своему она даже могущественнее красоты. Но многие дебилы все равно относятся к ней снисходительно и даже гордятся, что за ней не следят. И все потому, мне кажется, что в Древней Греции, где практически у всех более-менее значимых явлений окружающего мира имелись покровители в виде различных божеств, моду никто на таком уровне не поддерживал. Богиня красоты, например, Афродита, там была, а богиня моды, которая могла бы наказать за пренебрежительное отношение к себе, отсутствовала. Некому было посадить какого-нибудь зарвавшегося субъекта возле грязной лужи и заставить вечно любоваться на свое уродливое отражение за то, что тот в ее присутствии на мгновение отвернулся… И в результате человечество до сих пор вынуждено расплачиваться за этот пробел в мифах и легендах Древней Греции. Не случайно же античные времена считаются колыбелью европейской цивилизации. Всякий раз, когда спускаюсь в метро, я

невольно ловлю себя на такой мысли. Как люди одеваются! Это просто ужас!

Будь я влиятельным греком уровня Гомера или хотя бы Платона, то непременно придумала бы душещипательную историю или же провела просветительскую беседу с учениками и как бы невзначай подкинула им идею о существовании еще одной обитательницы горы Олимп. Лучше всего, я считаю, было бы поручить курировать моду богине, которая одновременно отвечает за ветер и волны. В знак ее непостоянства и переменчивости, и в то же время, чтобы все понимали, как много от нее зависит. Все-таки по волнам плывут корабли, а ветер надувает их паруса. Храмы богини моды возводились бы на вершине горы. В ночь полнолуния вокруг них собирались бы многочисленные паломники в ожидании, на кого в назначенный час упадет тень от вращающегося на куполе золотого флюгера в виде указующего перста повелительницы ветра и волн. После чего избранник должен был бы принести себя в жертву, бросившись в бушующее у подножья скалы море… И тогда в детстве люди читали бы про того же Одиссея и чувствовали, что, игнорируя модные веяния, он никуда не приплывет. Пусть его путешествие и считается сегодня сказкой, однако где-то на бессознательном уровне у них все равно до сих пор формировалось бы уважительное отношение не только к тряпкам, но и к актуальным течениям в искусстве.

***

Когда идешь сейчас даже по совсем грязным и заброшенным улицам в районе Обводного, и то иногда попадаются салоны красоты. А в центре так они и вовсе понатыканы чуть ли не через пятьдесят метров. Пурпурная роза, РЕНЕССАНС Color Expert, Red Queen, Совершенство, Нимфа, Миледи, Венера beauty, Ангел, Аристократка… Приятно все-таки, что хотя бы на самом низшем бытовом уровне люди не утратили сейчас тягу к прекрасному. Кто знает, может, когда-нибудь из этих слабых и как бы прибитых к земле неблагоприятными климатическим условиями стебельков вырастет и более-менее крупное растение. Как это обычно бывает в природе. Случайным ветром занесет несколько зернышек в укрытый от внешнего мира глухим забором заброшенный сад, каким сегодня, по сути, и является искусство, например, и там — о, чудо! — один из этих нездешних экзотических цветков неожиданно приживется и даст всходы. А ря-

дом с ним еще один, потом — другой, и так незаметно наступит Ренессанс Color. Расцвет живописи, в смысле…

Романтичные изысканные названия на перекошенных полинявших от дождя вывесках внушают мне определенный оптимизм.

***

В связи с Днем писателя вспомнила, что американские битники ценили Селина и даже, по некоторым сведениям, совершали паломничество к нему в Медон, так как причисляли его, наряду с Жаном Жене, к числу немногих избранников, кому удалось преодолеть литературу.

Стоит ли говорить, что я полностью разделяю такую точку зрения. Безусловно, не только человек, как считал Ницше, но и литература тоже является тем, что нуждается в преодолении. Я вообще, думаю, останусь в истории мировой культуры прежде всего в качестве новатора, которая первой ввела в широкий обиход такие понятия, как «сверхписатель» и «воля к красоте».

Декабрь 2017 — июнь 2019,
Санкт-Петербург, Сочи, Париж

extremum

Миша Вербицкий
Сэр Роджер Пенроуз: новое мышление короля

Любой современный компьютер является устройством для реализации алгоритмов, исполняющим последовательность инструкций. Каждая инструкция продолжается определенное время, причем квантовая механика накладывает серьезные ограничения на минимальное время исполнения инструкции. Параллельное вычисление выигрывает во времени, теряя столько же на массе компьютера. Поскольку масса компьютера ограничена (например, массой солнечной системы), многие (в теории, разрешимые) задачи оказываются неразрешимыми с помощью компьютера, реализующего секвенциальный алгоритм. Например, никто не сомневается в невозможности разложить на множители целое 600-значное число, при любом увеличении массы и быстродействия традиционного компьютера. Квантовый компьютер, к созданию которого подошла наука, позволяет решить многие задачи, считавшиеся технически неразрешимыми. Например, разложение на множители 600-значного числа будет возможно с помощью аппаратуры, не дороже и не сложнее устроенной, чем электронный микроскоп. Для пользователя, квантовый компьютер не отличается от обычного компьютера, позволяющего неограниченное распараллеливание одного и того же процесса, с вариацией начальных условий. Один процессор, обрабатывающий кубиты (квантовые биты) сможет работать как 2^{600} параллельно соединенных процессоров. Конечно, не всякую задачу просто оптимизировать для квантового компьютера: эти 2^{600} параллельно соединенных процессоров должны обрабатывать один и тот же алгоритм. Тем не менее, открываются потрясающие перспективы оптимизации компьютера. Традиционные компьютеры уже почти достигли квантового барьера, и вычисления на процессоре на 1000-2000 МГц будут существенно затрудняться помехами квантового

характера. Квантовый компьютер обращает эти помехи на службу вычислениям.

Практических разработок квантового компьютера пока нет, хотя некоторые промежуточные шаги уже сделаны. Теоретическое обоснование давно готово, и ведутся интенсивные работы по разработке алгоритмов, оптимизирующих задачи для квантового компьютера.

Идею квантового компьютера выдвинул Р. Фейнман в 1982 году. Он заметил, что многие задачи квантовой механики практически неразрешимы с помощью детерминистских компьютеров. Например, чтобы изучить поведение системы с 40 частицами, надо умножать и брать экспоненты матриц размера 2^{40} на 2^{40}, что технически невозможно. Таким образом, ставя эксперименты над квантовыми системами, можно решать вычислительные задачи, технически неразрешимые на детерминистском компьютере. Заменить подсчеты наблюдениями. Подобным образом действует плохой школьник, вооруженный калькулятором: не зная таблицы умножения и не умея умножать в столбик, он умножает многозначные числа. Квантовые системы в роли черного ящика-калькулятора.

Сэр Роджер Пенроуз, один из величайших физиков и математиков этого столетия, продолжил это рассуждение до его логического конца. Детерминистское, логическое аристотелево мышление несовершенно, раз ту же самую задачу можно гораздо проще решить на недетерминистском (квантовом) устройстве. Если алгоритмическое мышление несовершенно, то естественно предположить, что в природе используется не только оно. Пенроуз написал несколько книг, пытаясь доказать, что мозг — это квантовый компьютер, и логическое аристотелево мышление человеку чуждо. Но он пошел гораздо дальше, чем Фейнман. Фейнман предлагал решать с помощью наблюдений задачи, которые алгоритмически разрешимы, хотя технически реализация этих алгоритмов невозможна. Пенроуз утверждает, что с помощью наблюдений можно решать задачи, алгоритмически неразрешимые. Его убеждения основаны на разработках в области квантовой гравитации и общей теории относительности, начало которым положил сам Пенроуз. Подсчет результата взаимодействия в случае квантовой механики требует решение алгоритмически разрешимой задачи — перемножить-поделить матрицы и т. п. Квантовая гравитация (она же общая теория относительности на расстояниях, близких к квантовым) целиком не построена, но по тому, что мы уже знаем про кван-

товую гравитацию, ясно, что не все так просто. Подсчет результата взаимодействия для квантовой гравитации предполагает суммирование по всем возможным топологическим формам, которые может принять искривленное пространство. Еще с середины 50-х годов известно, что такая задача алгоритмически неразрешима. Получается, что с помощью физических наблюдений, человек сможет решать задачи, алгоритмического решения НЕ ИМЕЮЩИЕ. Квантовый компьютер с прибором, наблюдающим результат взаимодействия квантовых частиц с гравитационным полем, будет способен к заключениям, которые НЕЛЬЗЯ проверить или обосновать детерминистской логикой. Такой компьютер выступает по отношению к аристотелевому интеллекту в роли сверхъестественного гения. Коммуникация между носителями этих двух типов мышления НЕВОЗМОЖНА в принципе, поскольку аристотелев мыслитель не может ни проверить, ни опровергнуть заключения, принятые наблюдениями над квантовой гравитацией.

Человеку, воспитанному на вере в безграничные возможности интеллекта, очень трудно принять имманентную ограниченность человеческого мышления. Поэтому легко понять эмоциональную основу тезиса Пенроуза о том, что человеческий интеллект использует квантовую гравитацию в качестве базиса для интуитивных озарений, проверяемых (или не проверяемых) аристотелевой логикой. Большинству математиков знакомо это ощущение: сначала приходит интуитивная вера в справедливость того или иного утверждения, а доказательство приходит не сразу, и редко имеет что-то общее с эмоциональным образом, вызвавшим веру. Теория Пенроуза основана на интуитивном убеждении, то есть на эмоциях, как, впрочем, и большинство по-настоящему важных, то есть трансцендентных заключений. Тем не менее, Пенроуз дает себе труд обосновать свою интуицию формально-логическим, аристотелевым аргументом, занимающим большую часть двух его книг — «Нового Мозга Короля» и »Теней Ума». Эмоциональная легкость его веры вызвала много критицизма: по тексту ясно, что он исходит из неалгоритмичности интеллекта, и подгоняет свои аргументы под уже готовое заключение. С другой стороны, в рамках его парадигмы, интересны только те идеи, которые основаны на не-механической, трансцендентной природе мышления, а такие идеи приходят как озарение, а не в результате дедуктивных логических построений. Другими словами, Пенроуз, несмотря на научную строгость его заключений, мистик, и

мистик, обосновывающий свой мистицизм суровой логикой математика. Неудивительно, что его критики так недовольны.

Аргументы Пенроуза основаны на теореме Геделя о неполноте. Гедель доказал, что любая достаточно сложная формальная система правил (такая, как любая математическая теория, содержащая арифметику, т. е. науку о целых числах) или противоречива, или содержит утверждение, которое нельзя ни доказать, ни опровергнуть в рамках этой системы. Другими словами, бывает такая система уравнений в целых числах, которая не имеет решений, но доказать это, исходя из данной конечной системы аксиом, нельзя. Обозначим эту систему уравнений X. В таком случае, говорится, что утверждение о наличии решений у X **независимо от системы аксиом.** И Гедель и Пенроуз считали, что теорема Геделя обессмысливает формальный подход к математике. Действительно, если бы у X были бы решения, эти решения можно было бы предъявить, и при наличии решений X не могло бы быть независимым от остальных аксиом. Поэтому, доказательство независимости наличия решений у X от остальных аксиом является доказательством того, что у X нет решений. Большинство математиков верит, что такими рассуждениями можно доказать или опровергнуть любое математическое утверждение, хотя доказательство не будет формальным и никак не выводится алгоритмически. С другой стороны, алгоритмическое, аристотелево мышление может существовать только в рамках формальной системы аксиом, из теоремы Геделя. Пенроуз дает еще одно, более элементарное (хотя и более формальное) обоснование трансцендентности мышления. Используя теорему Геделя, он доказывает, что существует инструкция, способная остановить («сломать») любой детерминистский компьютер достаточно сложной структуры. Если человеческое мышление детерминировано логикой, то человечество в целом следует видеть как аристотелев (детерминистский) компьютер. Поскольку человечество может существовать вечно, такой компьютер будет абсолютно безошибочен, в потенции, если не в актуальности. Но существование такого компьютера противоречит теореме Геделя.

Идеи Пенроуза встретили гневный отпор теоретиков искусственного интеллекта, не согласных с его доказательством врожденной ущербности компьютерного мышления. Позиция обеих сторон нелогична. Пенроуз верит в абсолютность познания квантовой гравитации, потому что хочет верить в

абсолютность познания, а она, видимо, невозможна без неалгоритмического процессора квантовой гравитации, заложенного в мыслящее существо. У него нет по сути никаких аргументов в пользу того, что так оно и есть, за вычетом несомненного эстетического совершенства его теории. Теоретики искусственного интеллекта верят в возможность искусственного интеллекта, потому что хотят верить, несмотря на то, что у них тоже нет никаких аргументов. История удалилась на совещание...

Обложку «Нового Мозга Короля» рисовал знаменитый в прошлом музыкант »Ультравокса» Джон Фокс.

Вадим Климов
Религия копирайта

Техническое дилетантство

> *«Все права защищены. Ни одна из частей этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, а так же запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав».*

Такое предупреждение можно встретить рядом с аннотацией к книге (пару раз я встречал его *вместо* аннотации). По всей видимости, оно должно уберечь текст от несанкционированного копирования. Птичий язык юриспруденции, усыпляющий официозным жаргоном и повторениями особенно бросается в глаза именно в изданиях, где стилю уделяется не последнее место.

Обычно аккуратная в формулировках юриспруденция в деле охраны копирайта садится в лужу, демонстрируя архаическое невежество. Однако примерно на том же уровне технической грамотности находятся книгоиздатели и ценители словесности, поэтому кризиса непонимания удается избежать. Книгочеи худо-бедно улавливают, от чего их отваживает закон, что и требуется издателям.

Между тем, нелепость предупреждения очевидна каждому, кто хоть немного знаком с устройством компьютерных

сетей, включая Интернет. В сеть объединяется большое количество компьютеров. Чтобы переслать информацию с одного компьютера на другой, она разбивается на фрагменты, которые передаются по цепочкам в зависимости от загруженности узлов.

То есть, скачивая книгу с сайта издательства, пользователь вовлекает в преступление владельцев промежуточных компьютеров, участвующих в цепочке доставки файлов. Что напрямую следует из юридически безупречной формулировки предупреждения. *Ни одна из частей этой книги...* так же осмысленно, как преследовать администрацию вокзалов, через которые проходит поезд с пассажиром, провозящим что-то запрещенное, например, оружие или наркотики.

Суеверие копирайта

Копирайт, интеллектуальная собственность, авторское право стали синонимами культуры и противопоставляются варварству нелегальных копий. Несмотря на то, что главной функцией культуры всегда являлась передача своих плодов во времени (следующим поколениям) и пространстве. Причем передача всем, кто может их *воспринять, а не купить*. Когда-то глашатаи копирайта уверяли массы, что интеллектуальная собственность — такая же собственность, как любая другая, и украсть (скопировать) чужое стихотворение — то же самое, что украсть яблоко или одежку. Когда всех удалось в этом убедить, демаркационная линия незаметно сдвинулась — отныне можно украсть деньги или другие материальные ценности, но не чужой интеллектуальный продукт. На первое еще можно смотреть сквозь пальцы (с подачи сюрреалистов, битников и других культурных маргиналов), второе же немедленно приравнивается к преступлению против человечности.

Любопытен правовой скандал 2010 года с французским писателем Мишелем Уэльбеком, в романе которого обнаружили фрагменты статей из Википедии. В этом инциденте нет потерпевших, но есть обвиняемый, присвоивший интеллектуальную собственность общедоступной энциклопедии со свободным контентом, авторство которого коллективно, а зачастую и анонимно.

Последнее, впрочем, нисколько не мешает адептам копирайта интерпретировать любые заимствования (основу культурного развития) в терминах уголовного права. И даже

отсутствие потерпевшей стороны не склоняет к отказу от преследования. В такой оптике копирайт следует трактовать как суеверие разложившейся религии.

В христианской мифологии Иисус мог накормить 5000 голодных пятью хлебами и двумя рыбинами. То же предполагает функционал интеллектуальной собственности в цифровую эпоху: не только информация, но вообще интеллектуальный продукт возможно скопировать практически без затрат. Увы, именно против этого и восстают хранители копирайта. Две тысячи лет назад они так же ополчились против сына божьего, несанкционированно тиражировавшего хлеб и рыбу.

Нацистские костры

Как всякое суеверие, копирайт дистанцируется от логики и рациональности, хотя позиционирует себя именно рациональным и непротиворечивым. Многие помнят вторжение рынка интеллектуальной собственности в постсоветскую Россию с пиратскими кассетами и дисками в каждой палатке.

Именно тогда произошло переформатирование сознания российского населения в матрице западной (или общечеловеческой) культуры. Без возможности знакомства с образчиками западного искусства по бросовым ценам, россияне еще долго осваивали бы эту премудрость.

Западные миссионеры парадоксальным образом решили совместить цивилизаторский прозелитизм с насаждением полной стоимости на продукты копирайта. Даже у наркодилеров первая доза бесплатная, но не у охранителей интеллектуальной собственности.

Торжественное шествие общечеловеческих ценностей дополнили полицейские бульдозеры, уничтожающие контрафакт. Как это похоже на костры из неугодных книг в нацистской Германии. Правда, Третий рейх был государством идеократическим, и значимость плодов культуры определялась их содержанием, в капиталистической же плутократии ценно лишь то, что приносит прибыль правообладателю.

Институт отчуждения

Последнее важно: именно правообладателю, а не творцу. Прячущийся за этикой поощрения автора копирайт всегда отстаивал интересы крупных собственников, держателей

лицензий, будь то книжный бизнес, кинематографический, музыкальный, программный или любой другой. Постепенное увеличение срока действия интеллектуальных прав после смерти автора — не забота о бедных родственниках покойного, а концентрация (интеллектуального) капитала.

Поэтому вдвойне забавно сталкиваться с лексикой копирайта среди людей, максимально далеких от выгодоприобретения. Когда о правообладании и репрессиях заговаривают поэты и переводчики, с трудом сводящие концы с концами, они напоминают нищих батраков, перенимающих язык хозяев.

Копирайт это, в первую очередь, концентрация капитала, репрессии и цензура. А создатели произведений — такие же жертвы института отчуждения, как все остальные, кроме крупных лицензиатов.

Курицы следят за питательностью яиц, коровы — за свежестью молока, овцы озабочены качеством шерсти, собаки — звонкостью лая. Это и есть культура копирайта, поощряющая творчество и следящая за тем, чтобы талантливый автор не умер от голода.

Дискурс копирайта можно считать вирусом, он заражает здоровых и калечит больных. Даже сочувствующие антикопирайту подвержены бухгалтерскому беспокойству за свои карманы.

Когда издали книгу Миши Вербицкого «Антикопирайт», наиболее значимое исследование по теме на русском языке, немедленно нашлись недовольные. Вероятно, любую цену на книгу с таким названием следует считать завышенной, ведь издательство продает воздух, идеи, причем чужие, а в контексте антикопирайта идеи принадлежат всем, то есть не стоят ничего.

Курьез ситуации в том, что защитники свободы (от диктата интеллектуальной собственности) в данном случае призвали к запрету (продажи книги). Текст Вербицкого остался в Интернете, его не удалили ни с одного сайта, то есть функционал распространения нисколько не пострадал, лишь дополнился возможностью покупки напечатанной книги. Но именно это дополнение и вызвало недовольство адептов свободы информации.

Задыхающаяся культура

Яркий фрагмент манифеста 1985 года от гуру свободного программирования Ричарда Столлмана:

«Представьте себе космическую станцию, где воздух приходится вырабатывать по высокой цене. Может быть, взимание платы за каждый литр со всех, кто дышит, справедливо, однако носить противогаз со счётчиком весь день и всю ночь невыносимо, если даже каждый может оплатить счёт за воздух. А телекамеры повсюду, чтобы проследить за тем, не снимаете ли вы противогаз, возмутительны. Лучше содержать воздушный завод поголовным налогом и сбросить противогазы».

Это метафора задыхающейся культуры — цивилизационного механизма облагораживания современников и потомком, однажды дополненного прорезью для монет. Культуру заперли, оставив лишь эту донатационную щелку для дыхания и общения с людьми.

Так понятая культура неотличима от уродца, которого показывают за деньги в вульгарном цирке. Она задыхается, но пока еще дышит. Репрессивный аппарат направлен на защиту плодов творчества, отсекая всех тех, кто не может или не хочет платить.

Отныне культура это не то, что продают и охраняют, а сама процедура защиты и коммерции.

Культура эпохи интеллектуальной собственности есть культура потребления.

И ничего больше.

Июнь 2019

Жюли Реше
Живой труп Фрейда: психоанализ vs нейронаука

В комментарии к одному из моих текстов юный приверженец психоанализа выразил свое негодование по поводу того, что я, имея докторскую степень и специализируясь на психоанализе, не являюсь поклонницей Фрейда. Такая реакция меня удивила, ведь докторская степень, по моему мнению, является свидетельством способности критически относиться к изучаемому материалу, а не подтверждением участия в фан-клубе или религиозной секте. Ни в коей мере ради стоит отметить, что я, скорее, исключение из правил. Гуманитарное образование действительно часто напоминает религиозное сообщество. В процессе обучения исследователи Фрейда обращаются во фрейдизм, а полученный ими диплом лишь подтверждает их неспособность критического отношения к психоанализу. Таких дипломированных сектантов несложно понять: довольно нелегко не признавать значимость того, изучению чего было посвящено много времени и усилий.

Базовый навык, который должен усвоить исследователь, изучающий психоанализ — умение игнорировать тот факт, что Фрейд давно мертв в интеллектуальном измерении. Не обладая этим навыком, крайне сложно считать его работы источником истин, релевантных для нашего времени. В сфере психоаналитического образования, таким образом, учат трюку — как втянуть затхлый труп Фрейда в современность, делая вид, что он все еще жив или, по крайней мере, не такой уж и затхлый.

В одной из провинций Индонезии существует необычный погребальный обряд. Гости, собравшиеся на похоронах, счастливо смеются и танцуют рядом с трупом, ведя себя так, как будто виновник торжества жив. Этот обычай вполне может служить источником вдохновения для введения церемонии, сопровождающей вручение дипломов выпускникам, изучавшим психоанализ.

***

В 1979 году была опубликована работа Фрэнка Саллоуэя “Фрейд, биолог разума” — до сегодняшнего дня считающаяся ключевой ревизионистской работой о психоанализе. Фрейд в его книге представлен как гениальный плагиатор, упрямый и беспощадный самопропагандист, приверженец сумасшедших идей и преждевременных выводов. Саллоуэй был лишь одним из многих, приложивших усилия к развенчанию мифа о научной значимости традиционного психоанализа. Сегодня, в условиях существования колоссального количества ревизионистских работ о Фрейде, его доктрину больше невозможно воспринимать однозначно, сам факт существования в наши дни апологетов традиционного психоанализа — странная аномалия.

Итак, для самых настойчивых, новости науки: учение Фрейда всецело дискредитировано в научно-академической сфере, начиная с его теории эдипового комплекса и заканчивая идеей о зависти к пенису, которую сегодня признают одновременно “и трагичной и смешной”[6]. Большинство ученых считают Фрейда в лучшем случае устаревшим, в худшем — не представляющим из себя сегодня никакого научного интереса. В академических кругах практически любой дисциплины считается недопустимым ссылаться на Фрейда как на релевантный источник знаний.

Относительно самой психологической науки, со сферой которой привычно связывается имя Фрейда, то в 1996 году она пришла к выводу, что «Нет буквально ничего, что могло бы быть сказано, в научном смысле или в терапевтическом, в пользу всей системы Фрейда или любой из составляющих ее догм»[7].

В 2004 году Тодд Дюфрен, автор книги “Убивая Фрейда: культура 20-го столетия и смерть психоанализа”, сделал еще более радикальный вывод: “Фрейд действительно единственный в своем роде. Пожалуй, в истории не было ни одной другой заметной фигуры, которая бы так фантастически заблуждалась по поводу почти каждой провозглашаемой ею значительной вещи. Но, к счастью для него, ученые были и

[6] Layne K. “How the man who invented psychotherapy got everything wrong”, io09, 2013.

[7] Crews F. “The verdict on Freud. Psychological Science”,1996, 7, P.63.

до сих пор остаются бесконечно находчивыми в своих усилиях отбеливать его ошибки»[8].

Размышляя о причинах того, почему некоторые исследователи все еще предпринимают попытки доказать релевантность фрейдизма, Дюфрен замечает, что миф об открытых психоанализом истинах существовал десятилетиями, на нем была построена репутация многих терапевтов, о теории психоанализа было написано множество работ, за изучение теории Фрейда многие получили академические звания — после всего этого довольно нелегко признать, что психоанализ был всего лишь заблуждением.

Упомянутая выше работа “Фрейд, биолог разума” не только разоблачила доктрину психоанализа, в ней Фрэнк Саллоуэй также указал и на то, в чем, по его мнению, заключалось настоящее величие Фрейда, раскрытию которого парадоксальным образом препятствовали его чрезмерно фанатичные последователи. По мысли Саллоуэя, статус Фрейда и его популярность во многом обусловлены психоаналитической легендой, которая поддерживалась как самим Фрейдом, так и приверженцами его теории. Легенда заключается в том, что Фрейд был оригинальным, революционным мыслителем-одиночкой. Саллоуэй утверждает, что мнение о независимости и оригинальности идей Фрейда является значительным преувеличением и пытается развенчать предубеждение, что Фрейд задумал свои идеи в интеллектуальной изоляции.

Саллоуэй адресует свою критику предыдущим биографам Фрейда, замечая, что они представляли его достижения в ложном свете, изображая его как психологического мыслителя. Идеи Фрейда, согласно выводам Саллоуэя, являются ответвлением доминирующей начиная с конца девятнадцатого века по настоящее время биологической мысли. Фрейда, такими образом, следует считать не психологическим мыслителем, а «криптобиологом» или же “биологом разума” — именно в этом заключается его настоящее величие.

***

Фрейда действительно принято ассоциировать исключительно с теорией психоанализа, а между тем, до того, как

[8] Todd Dufresne “Psychoanalysis Is Dead ... So How Does That Make You Feel?”, Los Angeles Times, 2004.

приступить к исследованиям бессознательных процессов, Фрейд был анатомом — изучал работу мозга на элементарном биологическом уровне. Больше того, ему удалось внести значимый вклад в развитие нейробиологии.

Получив образование невролога, Фрейд работал научным сотрудником в Институте физиологии под руководством Эрнста Бруке, выдающегося в то время физиолога. Фрейд изучал мозг миноги, речного рака и лягушек. Помимо прочего, Фрейд исследовал взаимоотношения между серым веществом и выходящими из него нервными волокнами.

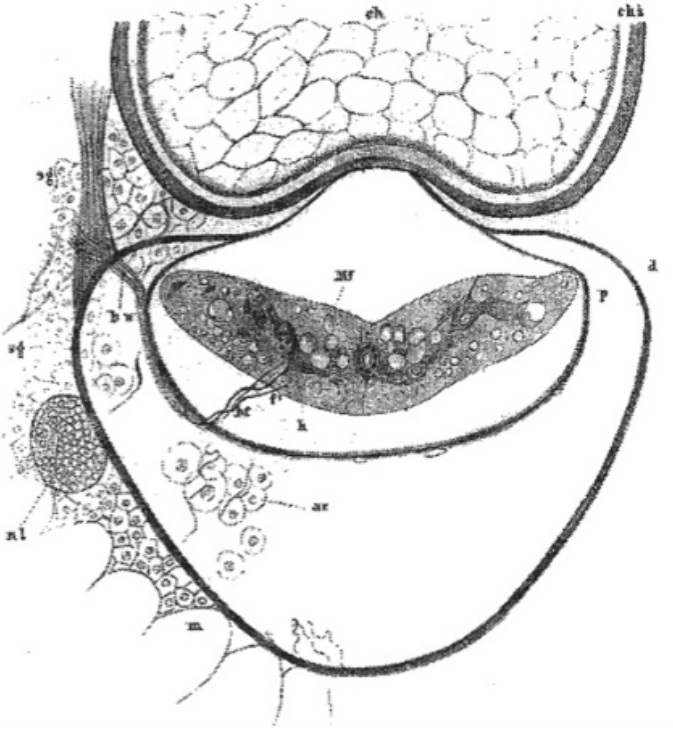

Рисунок Фрейда спинальной хорды миноги
с нервными клетками. (1877 г.)

В лекции 1884 года Фрейд следующим образом описал свои наблюдения: “Если мы предположим, что нити нервных волокон являются изолированными проводниковыми трак-

тами, нам придется сказать, что эти пути раздельных волокон соединены в нервной клетке: тогда нейрон становится “началом” всех этих нитей нервных волокон, анатомически соединенных с ним… Я не знаю может ли существующий материал решить эту важную проблему. Если данное предположение может быть подтверждено, это позволит нам значительно продвинуться в физиологии частиц нервной системы: мы могли бы представить, что стимул определенной силы может преодолеть изолированность нервных волокон таким образом, что нерв как единица, осуществит возбуждение, и так далее”[9].

Важная проблема, о которой ведет речь Фрейд, связана с продолжающимся в то время спором между нейронистами и ретикуляристами. Именно в контексте этого спора становится видимой прогрессивность научных предположений Фрейда, говорящих в пользу нейронистов.

Из-за особенностей строения клеток головного мозга и несовершенства техники исследования нейронной ткани, не все биологи того времени воспринимали нейроны как отдельные клетки. В отличие от более простой формы других типов клеток, клетки головного мозга имеют большое количество тонких отростков. Микроскопия времен научной карьеры Фрейда была недостаточно развита, чтобы можно было утверждать, принадлежат ли эти отростки самой структуре клетки, или же они являются частями непрерывной нервной сети. Те, кто отвергал гипотезу, что мозг состоит из отдельных клеток и считал, что он представляет из себя непрерывную сеть — принадлежали к лагерю ретикуляристов. Нейронисты же утверждали, что мозг состоит из элементарных структурных элементов — нейронов. В частности, к лагерю нейронистов принадлежали Маттиас Якоб Шлейден и Теодор Шванн. В 1839 году ими была сформулирована клеточная теория, согласно которой все живое состоит из одних и тех же элементарных структурных единиц — клеток, мозг человека тому не исключение. Основоположником современной нейробиолигии и наиболее выдающимся нейробиологом считается Сантьяго Рамон-и-Кахаль. Именно он заложил основу нейронауки и сформулировал, исходя из клеточной теории нейронную теорию нервной системы. Благодаря тому, что Кахаль усовершенствовал

[9] Цит. по: The PrePsychoanalytic Writings of Sigmund Freud, ed. G. van de Vijver & F. Geerardyn. London: Karnac, 2002, pp. 20-21.

методику исследования клеток головного мозга, ему удалось отчетливо разглядеть границы нейрона, и подтвердить, таким образом, что несмотря на большое количество отростков, нервные клетки являются отдельными структурными элементами. В 1906 году Рамон-и-Кахалю была присуждена Нобелевская премия за его работы по структуре нервной системы.

Исследования же Фрейда остались в тени, несмотря на то, что приведенная выдержка из его лекции, которая была прочитана за семь лет до того, как нейронная теория Кахаля стала общепризнанной, может считаться свидетельством того, что Фрейд был передовым учёным своего времени и двигался в правильном направлении. Все же имя Фрейда осталось в истории нейробиологии, хотя бы потому, что в своем основном труде «Гистология нервной системы человека и позвоночных» Кахаль ссылается на результаты научных исследований Фрейда в подтверждение собственных выводов.

***

Каким же был путь превращения Фрейда из перспективного ученого в общепорицаемого в академическом мире прохвоста?

В середине восьмидесятых годов XIX века, несмотря на свои достижения в науке, Фрейд прекратил исследования нервных клеток. Однако он оставался в курсе последних достижений нейробиологии и даже использовал некоторые из новых идей Кахаля в своей неопубликованной рукописи “Проект научной психологии”, над которой он работал в 1890-х, то есть уже после того, как принялся за разработку теории психоанализа. В проекте Фрейд задумал разработать междисциплинарную модель разума, описывая ее на языке количества энергии и нейронов. Рукопись Фрейда была передовой для своего времени — он описал работу разума настолько основательно, как это было возможно с учетом того, на каком уровне в 1895 году находилась нейронаука и эволюционная биология. Все же Фрейд не опубликовал эту работу и к 1897 году вовсе отказался от исследований, необходимых для её завершения.

Исследователи биографии Фрейда указывают на разные причины такого решения. Общепринято считать, что ею было примитивное состояние нейронной доктрины, ведь даже основы того, как функционирует нейрон все еще требовали

выяснения. Будучи неудовлетворенным ограниченными возможностями языка объективной науки, Фрейд изменил свою методику исследования, сосредоточившись на психологии. Как утверждает сам Фрейд в гл. VII «Интерпретации сновидений», он решил ограничить себя описанием того, что может быть изложено в форме психологических дискрипций.

Доктрина психоанализа считается следствием переориентации Фрейда с объективной науки на субъективный подход к пониманию работы психики. Метод психоанализа — это интроспективный метод терапевтических бесед. Материалом для исследования здесь служат рассказы пациентов о своей внутренней жизни: воспоминаниях из детства, снах и желаниях, которые психоаналитик интерпретирует как проявление бессознательного пациента, лежащего в основании его сознательных мыслей и поведения.

Существует также мнение, что Фрейду пришлось отказаться от исследований нейронных процессов после того, как он влюбился в свою будущую жену. Финансовое положение Фрейда-ученого не позволяло ему содержать семью. Именно поэтому им было принято решение открыть свою собственную медицинскую практику. “Возможно, если бы в те времена научная работа позволяла, как сегодня, зарабатывать на жизнь, Фрейд был бы известен теперь как нейроанатом и один из создателей нейронной доктрины, а не как отец психоанализа”[10]. Фрейд не особо верил в целительную силу психоанализа. Он иронично признался Абраму Кардинеру: «Мы проводим анализ по двум причинам: понять бессознательное и заработать на жизнь»[11].

Следует заметить, что Рамон-и-Кахаля к исследованию нейронов направил тот же интерес, которым руководствовался Фрейд в своих психоаналитических исследованиях: Кахаль стал исследовать мозг на клеточном уровне, следуя своему желанию создать рациональную психологию. В отличие от Фрейда, переориентировавшегося на дедуктивную структурную теорию психики, Кахаль остался верным индуктивной методологии исследования базовых частиц нервной системы. История развития нейробиологии подтвердила эффективность исследовательской методологии Кахаля. Именно благодаря имплементации индуктивного метода

[10] Кандель Э. В поисках памяти: Возникновение новой науки о человеческой психике. М.: Астрель: CORPUS, 2011. С. 117.

[11] Цит. по: Jacoby, R. Social Amnesia, Sussex: Harvester Press, 1975, P.124.

нейронауки, основанном на изучении мозга “по одной клетке”, за последние полвека удалось многое узнать о психической деятельности человека.

Впрочем, успехи нейронауки вовсе не свидетельствуют о том, что Фрейд принял неправильное решение, изменив индуктивной методологии. Безусловно, с точки зрения объективной науки его переориентация была фатальной ошибкой, совершив которую Фрейд больше не мог считаться ученым. К примеру, Малькольм Макмиллан, ученый, анализировавший доктрину психоанализа, заключил, что Фрейд, разрабатывая свою теорию, «искренне, но при этом безграмотно перепутал свою верность материалистическому редукционизму с методологической строгостью»[12].

Хотя теорию психоанализа действительно можно рассматривать как свидетельство о разрыве Фрейда с наукой, парадоксальным образом именно эта фатальная ошибка Фрейда является примером того, как продвигается научная мысль: проверяя гипотезы. Фрейд, не только не отрицавший возможности быть опровергнутым, но опровергавший сам себя, таким образом, остался учёным и как бывший невролог, и как опровергнутый психолог, сыгравший свою роль в развитии научной психологии и психиатрии.

***

В 1896 г. Фрейд сознался в одном из своих писем: “В молодости меня привлекали занятия философией, и вот теперь, перейдя от медицины к психологии, я на пороге осуществления своей мечты”[13]. Трансформацию Фрейда в самом деле можно интерпретировать как превращение ученого в философа. Но воплотив свою мечту приобщения к философии, Фрейд все же не перестал быть ученым, по крайней мере теорию психоанализа он видел как значимый вклад в развитие науки. Следовательно, Фрейд стал философом не в результате отказа от своих научных инвенций, а благодаря изменению своего подхода к науке.

---

[12] Crews F. “Freud Evaluated: The Completed Arc by Malcolm Macmillan”, Online Dictionary of Mental Health, 1991.

[13] Freud S. La Naissance de la psychanalyse. Lettres à Wilhelm Fliess, Notes et Plans (1887—1902). Paris, P. U. F. Ed. allemande: Aus den Anfängen der Psychoanalyse... — Frankfurt am Main, Fischer, 1962. P. 144.

Исследователи Фрейда также утверждают, что несмотря на то, что Фрейд отстранился от изучения нейронной системы и переключился на психологию, его предшествующие исследования значительно повлияли на последующий образ его мыслей. В целом, разработанная им впоследствии теория психоанализа может быть рассмотрена как базирующаяся на нейробиологии. В частности, Эндрю Брук утверждает, что Фрейд вовсе не отказался от нейронаучной модели, разработанной в "Проекте научной психологии", он лишь трансформировал ее в метапсихологию, став использовать для своих целей другой язык.

Роберт Холт, профессор психологии Нью-Йоркского университета выразил аналогичную мысль: "Похоже, во многих отношениях Фрейд совершенно переориентировался, превратившись из исследователя-нейро-анатома во врача-невролога, экспериментировавшего с психотерапией и наконец ставшего первым психоаналитиком. Однако мы были бы плохими психологами, если бы вообразили, что в этом развитии содержалось больше перемены, чем преемственности. Фрейд не мог просто так выбросить из головы двадцать лет самоотверженного изучения нервной системы, когда принял решение вместо этого заняться психологией и работать с чисто абстрактной, гипотетической моделью"[14].

На эту ошибку указывал и Саллоуэй, предпринимая попытку развенчать биографическую легенду о Фрейде. По его словам, в основании этой легенды лежит миф о том, что наука Фрейда — психоанализ — является чистой психологией. Концепты, составляющие психоанализ, в соответствии с этой легендой были разработаны в результате отказа Фрейда от идентичности невролога и прекращения попыток понять психическую жизнь в терминах биологии и химии. Саллоуэй оспорил это убеждение, указав, что разрабатывая теорию психоанализа Фрейд не отказался от биологического редукционизма в пользу автономной концепции психики, напротив, психоаналитическая теория укоренена в биологическом режиме мышления.

Невозможно непредвзято анализировать наследие Фрейда, изымая его из современного ему научного контекста. Доктрина психоанализа укоренена в передовой для своего времени биологической мысли, для теории Фрейда она явля-

[14] Цит. по: Кандель Э. В поисках памяти: Возникновение новой науки о человеческой психике. М.: Астрель: CORPUS, 2011. С.116-117.

ется одновременно и базисом, и материалом для смелых интерпретаций. Психоанализ, таким образом, не является следствием отказа Фрейда от своей идентичности биолога. Скорее, это смелые спекуляции на основе науки.

Теорию психоанализа следует рассматривать как расширение границ взаимодействия современной для Фрейда науки и философии. Следовать же критикуемой Саллоуэйем легенде, то есть считать Фрейда мыслителем, порвавшим с современной для него наукой и в результате раскрывшим истину — заблуждение, не позволяющее рассмотреть в работах Фрейда наиболее ценное.

***

Одним из примеров отрицательного действия легенды, изымающей Фрейда из научного контекста, является ошибочная оценка его вклада, связанного с разрабатываемой им теорией бессознательного. Исследования в области бессознательного провозглашаются наибольшей заслугой Фрейда, которая стала следствием его перехода от биологии к психологии. Приверженцы идеи о революционности теории Фрейда, провозглашают его первооткрывателем бессознательного. Дескать Фрейд первый указал, что мысли и поведение человека по большей части определяются бессознательными процессами, тем самым, свершив "революционный переворот" в понимании психической жизни человека.

Хотя изучение бессознательных психических процессов действительно считалось и самим Фрейдом основанием теории психоанализа, Фрейд вовсе не был так революционен в своих размышлениях о бессознательном. Бессознательное существовало до Фрейда и как философская категория, и как биологическая. В начале 19 века Шопенгауэр провозгласил, что все происходящее детерминированно бессознательной «мировой волей», и человеческое поведение не является исключением из этого принципа. Взгляды Шопенгауэра наследует Ницше: его понятие "воля к власти" может быть определено как бессознательный инстинкт, являющийся основанием любого вида человеческой активности, в том числе и познания.

Фрейд также не был первым, кто стал рассматривать понятие бессознательного в сфере психологии. По словам историка психологии Марка Альтшулера «Трудно, или даже невозможно, найти психолога или психиатра девятнадцатого века, который бы не признавал бессознательную деятель-

ность мозга не только как в действительности существующую, но и как имеющую первостепенное значение"[15].

Заслуга Фрейда была в том, что он предпринял попытку сделать бессознательное научной категорией, то есть очистить его от мистически-философского контекста. Но его усилия нельзя рассматривать как личную заслугу — скорее он сделал вклад в коллективное усилие, отличившись, возможно, лишь тем, что сделал большое количество ошибок.

Фрейд исследовал бессознательные процессы, основываясь на данных из терапевтического кабинета. Джоэл Вайнбергер замечает в связи с этим: "Как ни странно, соединение теории бессознательных процессов с исследовательскими данными было одним из основных признаков, отличающих взгляд Фрейда от более ранних взглядов на бессознательное; однако, психологи, принявшие позитивистско-эмпирическую философию науки никогда не были в восторге от рода данных, на которые опирался Фрейд"[16].

Дрю Уэстен, психолог из Гарвардской медицинской школы, стоящий на позициях защиты науки, и один из немногих ученых, защищающих психоанализ, признался, что, являясь практикующим динамически ориентированным врачом, не может найти ни одного утверждения в предложенной Фрейдом теории, с чем он был бы хотя бы отдаленно согласен. Уэстен также считает, что "без сомнения, многие психоаналитические труды неясны, бестолковы и безграмотны относительно соответствующих эмпирических данных", и что Фрейд несомненно ошибался в "некоторых своих фундаментальных идеях о природе человека"[17].

Что же в таком случае позволяет утверждать, что он занимал позицию защиты психоанализа? Уэстен защищает его в единственно возможной для ученого форме, утверждая, что "Великие теоретики, такие как Фрейд, Пиаже и Скиннер, как правило, и величайшие распространители лжи в своем деле. Это отражает простую математику: чем больше предположений выдвигается исследователем (и чем более смелые

---

[15] Altschule, M. Origins of Concepts in Human Behavior. New York: Wiley, 1977. P.199.

[16] Цит. по: Westen D. "The Scientific Legacy of Sigmund Freud Toward a Psychodynamically Informed Psychological Science", Psychological Bulletin 1998 by the American Psychological Association. November, 1998 Vol. 124, 3. P. 337.

[17] Ibid., p. 362.

эти гипотезы), тем выше вероятность того, что какие-то из них будут неправильными"[18]. Несмотря на то, что многие из идей Фрейда были отклонены в пользу новых теорий, Уэстен уверяет нас: "Это хорошо. Именно так продвигается наука"[19].

По его словам, участь, постигшая теорию Фрейда — это лучшее, на что может надеяться мыслитель в стремительно развивающейся дисциплине по истечению более чем полувека. Современная наука сегодня знает, что подсознательное существует, но оно не существует в том виде, как предложил в своей теории Фрейд. Тем не менее, сегодня, находя вдохновение в идеях Фрейда (и ссылаясь на них), формулируют свои мысли такие продвинутые современные мыслители, как когнитивный ученый Марвин Мински и философ сознания Дэниел Деннет, скорее наследующие спекулятивный подход Фрейда к науке, чем сами его идеи.

***

Сам Фрейд никогда не провозглашал изложенные им размышления законченной и подтвержденной доктриной. За это Лакан назвал теоретическую работу Фрейда "мыслью в движении"[20]. По его словам, она "непрерывно открыта для пересмотра. Это ошибка сводить ее к набору банальных фраз"[21]. Теории Фрейда — это догадки, наброски, которые требуют последующих исследований, доработок и подтверждений (на что неизменно указывает сам Фрейд). Так, из биографических данных о Фрейде известно, что, к примеру, "Три очерка по теории сексуальности" несколько раз им переписывались и дополнялись. В течение двадцати лет, пока издавались разные варианты этой работы, изменения внесенные Фрейдом, увеличили ее размер на половину. В частности, разделы об инфантильной сексуальности и прегенитальном развитии появились лишь спустя девять лет после появления первого варианта работы. В 1923 году Фрейд признался, что в его исследовательской практике часто случалось так, что его новые идеи "не складывались со старыми

[18] Ibid.

[19] Ibid.

[20] Lacan J., The Seminar of Jacques Lacan, Cambridge: Cambridge University Press, 1988, p.1.

[21] Ibid.

в непротиворечивое целое"[22], поэтому ему приходилось подвергать их нещадной ревизии.

Фрейд всегда оставался ученым, сохраняя верность принципам научных исследований. Он не утверждал, что провозглашает истину, а рассматривал свои идеи как гипотезы, которые впоследствии должны быть проверены наукой. Фрейд писал: "Недостатки нашего описания, вероятно, исчезли бы, если бы психологические термины мы могли заменять физиологическими или химическими терминами. [...] Биология есть поистине царство неограниченных возможностей, мы можем ждать от нее самых потрясающих открытий и не можем предугадать, какие ответы она даст нам на наши вопросы несколькими десятилетиями позже. Возможно, что как раз такие, что все наше искусное здание гипотез распадется"[23].

Не только индивидуальное мышление Фрейда следует рассматривать как мысль в движении, но и сами идеи, составляющие доктрину психоанализа, также теряют любой смысл в отрыве от интенции последующего исследования. Обездвижить теорию Фрейда, воспринимая ее как завершенную и повествующую об открытых истинах и не требующую в связи с этим ревизии, — значит уничтожить то единственное, что в ней ценно: подвижность, характеризующую живое мышление.

Такое мышление не терпит догматичности. Пытаясь скрыть тот факт, что Фрейд мертв, и, таким образом, представить его идеи как набор догм, вмещающих релевантные для современности истины, преданные последователи Фрейда превращают психоанализ в мистическое учение, хотя именно этого сам Фрейд стремился избежать.

Недопустимость догм является определяющим свойством науки, что делает ее единственно пригодной средой для существования психоанализа, и в отрыве от которой, психоанализ превращается в догму. Парадоксальным образом, интенциям Фрейда в большей степени соответствует научная парадигма, признающая, что Фрейд мертв.

Выдавать, как это делают приверженцы Фрейда, его труп за живой, маскируя его трупные запахи — недостаточный уровень извращения для такого искушенного извращенца как сам Фрейд. Достойный его уровень воплощён в

---

[22] Freud S., On Sexuality, Harmondsworth: Pelican, 1977, p. 307.

[23] Фрейд, З. По ту сторону принципа удовольствия / З. Фрейд. — М. : Прогресс, 1992.

способе отношения к Фрейду в научном мире: провозглашая его трупом, наука не брезгует глумиться над ним в свое удовольствие и в своих целях. Некрофильские тенденции науки в отношении Фрейда в гораздо большей степени соответствуют методу самого Фрейда, искажавшего науку в угоду самой науке, чем фетишистские наклонности почитателей его трупа.

персонажи

Станислав Щербаков
Тьма — и больше ничего
Кое-что из дневников 2017-18 гг.

7 октября

Смешная штука: вчера впервые за не знаю даже сколько времени испытал в метро сексуальное возбуждение.

10 с половиной лет приема таблеток от горя снизило мое либидо до уровня берёзового полена, но иногда его что-то триггерит. В данном случае это была mtf-транссексуалка, которая закусывала губы, была очень милой и вообще.

9 октября

Коллега призналась, что её угнетает одиночество. Если бы я мог её понять! Даже мысль о невозможности одиночества повергает меня в ужас.

Живешь, стареешь, потом умираешь. Никакой трагичности, одна скука. К тридцати годам подъезжаешь с шиком аптечного джанки и в воспоминания больше не веришь.

Едет в трамвае елейный молодой человек в капюшоне, звонит и говорит в трубку: «Ты как, моя маленькая?» Это какая-то другая жизнь, ничего не понятно.

Зачем и как жить с кем-то, любить кого-то и ждать? Как смотреть на человека после того, как кончишь благодаря ему? Почему он всё ещё здесь?

Что делать с его раздражающей музыкой, его ненужной нежностью, с его запахом утреннего кала, глупыми вкусами и общей нелепостью?

16 декабря

Пугают люди, пугают и интересуют их запахи — запахи больше и прежде всего.

Смотрел много гей-порно — гипермаскулинные, волосатые, толстые, вспотевшие мужики сосут друг другу рты, раздвигают ягодицы и лижут потные промежности, нюхают подмышки и ступни друг друга. Шуршит щетина, огромные

растянутые соски томно раздуваются на каменных плитах грудных клеток. Смотрел с ужасом и отвращением: как так? Как же так, господи? Потом включил гетеросексуальное, а там ещё горше: бледные петушиные гребни женских половых губ, как недопечённый слоёный пирог, тяжёлые, состоящие из прогорклого жёлтого жира груди, мутные соки похоти.

Кончаю с ужасом и без всякого удовольствия, сразу включаю музыку. Вот бы снова научиться чувствовать. Вот бы снова чувствовать хоть что-то!

Да хотя бы видеть сны. Сон вижу так редко, что потом — воспоминаний на целый день. Мелочи, подробности. Во сне я, кажется, чувствую что-то.

Снилась М.А. и какая-то неловкость. Снилось её теплое тело, и на нём что-то цвета хаки, грубоватая хлопчатобумажная ткань. Целовал её в рот. Пальмы над нами. Жёлтый песок и ещё нечто важное. Но, конечно, всё забыл.

Сны такие — как перекати-поле в ебучей плоской степи безэмоциональности моего разума.

Зашёл в библиотеку, взял «Маленькую жизнь» Янагихары (надо все-таки дочитать) и, неожиданно, словарь культуры XX века Вадима Руднева; я уж собирался купить, а тут старое издание.

Библиотекарша говорит: я пожилой человек, она говорит: мне 68 лет. Мне страшно дома одной. Я включаю телевизор без звука, чтобы только мелькал. Сижу за компьютером, спиной к нему. А у сына телевизора совсем нет. Ему 38 лет. Женат уже 11 лет. Мокрая зима как вид из окна онкодиспансера. Таджикские елки и девочки в ботинках. Лупоглазые трамваи, соляная каша, верность — лучшая защита от СПИДа.

29 декабря

И в этом году хоть какие-то эмоции мне снова доставляло только омерзительное: чужая половая невоздержанность, всё, связанное с исламом, медициной, постоянные мысли о чужих запахах, о сокровенном, о смерти и разложении.

Триста дней в году, отправляясь спать, представлял себе, как стою на виселице с толстой петлёй на шее, а иногда сам выступаю в роли палача. Иногда я размышлял, что чувствовали те русские дурачки из чеченского VHS-видео, — «Не надо, вы же добрые люди!» — «Добрые, добрые… добрыши!»

Но жаловаться постыдно, я и сам не люблю тех, кто часто жалуется — живи с гордостью и умри без позора, та́к вот, думаю, лучше всего.

Плюю на кремлевские звёзды и надеюсь, что вселенная сколлапсирует.

30 декабря

Когда вижу молодых (и не совсем) мамаш с колясками, представляю себе их лицо в момент, когда в них кончают, это очень забавно, очень! попробуйте и вы.

13 января

Одни и те же слова, сказанные (а особенно — написанные) разными людьми, имеют разную массу. Это было бы слишком просто, если б касалось только односложных текстов, но на крупные тексты правило также распространяется.

Да и ценность любой философской идеи стоит определять только возможностью адаптировать её для обывателя. Философия-сырец совершенно не нужна: это полное бесполезное говно, а философы — гнусь (хуже только люди, кончившие лит. институты). Хорошо бы, большинство изысканий погибало на стадии вкратце обоснованной идеи.

17 января

Люди, лёгкие на то, чтобы прослезиться, никогда ничего кроме презрения и неприязни у меня не вызывали.

18 января

Сколько с утра некрасивых людей с несвежими харями и в таком же, без сомнения, исподнем в вагоне метро! В царстве божьем такое попросту немыслимо.

Я читал на одном мусульманском сайте в разделе «имам отвечает» или нечто вроде терпеливые ответы специалистов на наиболее волнующие трепетных салафитов вопросы — является ли смегма наджасой? Крупное или малое омовение совершать после прикосновения к клитору? Испражняются ли в раю? — на последний вопрос ответ был такой, что, мол, все сожранные одесную Аллаха финики не превращаются в фекалии, а выходят кожей на манер амброзийного пота. Изрядная теория! У христиан, впрочем, тоже нечто схожее, что неудивительно, впрочем, тк изобрели всё евреи...

27 января

Поразительно, но среди десяти стоящих на остановке тупоумных старух каждый дед с вонючей пастью выбирает именно меня для того, чтобы спросить — доеду ли я на двадцать шестом до Загородного шоссе? Идет ли он до Даниловского кладбища? Сворачивает ли сорок седьмой налево в сторону Павелецкой?

Do I look like a fucking friendly person?

Do I look like a fucking NPC to you?

Сталкерить людей стало слишком, слишком просто.

За четыре минуты узнаешь больше, чем сам хочешь.

Раньше в этом был какой-то азарт (нечто подобное, наверное, бывает у охотников).

А теперь скука, господи, какая скука.

27 января

Жду чуда или смерти — и то, и другое, по сути, чарующе и беспроигрышно.

17 февраля

Мысли о смерти навевают на меня уныние.

Смириться с неизбежностью собственной смерти несложно, на то есть специальные механизмы в голове, но чужая смерть приводит всех ее случайных свидетелей в оцепенение и тоску.

Смерть — тихая горничная. Ее никогда не видно, но вся работа сделана.

Это я к чему. Я шел и размышлял о том, что это за чувство, когда смерть взмахивает крылом над кем-то рядом с тобой так близко, что видишь быструю тень и чувствуешь ветер (как из тоннеля метро). Так вот, это чувство — досадное. Ужасно досадно от смерти. Хуже просто некуда.

В сербском языке *dosadno* значит скучно. Что-то между скукой и досадой (как она воспринимается в русском) и есть это ощущение.

12 марта

Как я уже говорил, море стало моим первым крупным разочарованием, хорошо осознанным во взрослой жизни. Оно, как я и боялся, оказалось просто массой горькой на вкус воды, да ещё и неприятно бульонной. В море полно подозрительно невидимой жизни, а само оно только и ждет, чтобы слизнуть человека с песка и потопить. Плаваю я очень

плохо, по лягушачьи, и отношения с морем не сложились — по этой же, в том числе, причине.

А секс не разочаровал, потому что в нем полно глупости и хулиганства, неожиданных запахов, нелепых звуков, неловкости и прочего занятного. Хоть я и остаюсь в основном теоретиком-эпикурейцем в половой жизни, мой интерес к ней всегда был велик, но, скорее, с технической, исследовательской точки зрения. И кто не согласится с тем, что вид чужих половых органов — штука веселая, вызывающая в основном радость и волнение?! И насколько смешны люди, относящиеся к сексу как к священнодействию, камлающие, проводящие сложные ритуалы! Правда, только этим они и смешны. Сильно сомневаюсь, что некто, серьезно относящийся к совокуплению, может быть остроумным.

Я помню из подростковых лет несколько приятелей, способных отказаться ради унылой прогулки с поцелуями взасос от попойки. Поцелуи взасос, продолжавшиеся десятки минут. Клянусь дьяволом! Что можно 10 минут делать в чужом рту? Как не начать отвлекаться на мелочи? Не чувствовать холодной клейковины в трусах, сковывающей боли в мошонке?

Второе, что меня разочаровало сильно позже — это сумасшествие. Я всегда был очарован душевнобольными. Они казались святыми недостижимого нонконформизма, их было мало, они привлекали и пугали просто невыносимо. Позже, когда везде появился интернет, сумасшедшие начали плести свои коконы в рунете: всех их я знал как наблюдатель и обожал. В основном это были шизофреники — шизофрения самодостаточна и интеллектуальна. Неприятно ведь смотреть на умственно отсталых, на слюну, чувствовать запах больничного кала и сквозняки на курительной лестнице.

Потом появились соцсети, материала стало чересчур много, и, получив возможность охватить его взглядом и как-то обобщить, я расстроился жутко. Конечно, они сладко шокируют на первый взгляд. Но потом узнаешь больше, смотришь на них, на плоскость и стереотипность выводов, на неизобретательность маний, на неразборчивость в теории — какая-то пена вонючего православия, антисемитизм, государственность — мне не встречались сумасшедшие со свободным духом, всё какая-то óпричь и тоска.

Безумие стало большим разочарованием, но мне не грустно: ведь ещё умирать, надеюсь, что по собственному желанию.

В общем, не грустно, да! — просто решил конспективно обобщить все то, о чем размышляю последние пару недель.

А может быть все это оттого, что я любил всегда только нечеловеческое, страшное и омерзительное. Вот М.Ш., между прочим, тоже любит, только никогда об этом не пишет — а я всю жизнь о своей любви пишу.

31 марта

Некоторые вещи, до которых люди доходят при помощи своих партнёров, мне приходится постигать в одиночку, иногда задавая знакомым вопросы. Люди считают, что я над ними подшучиваю, но я спрашиваю всерьёз. Иногда даже получаю действительно ценные ответы, безо всякой мишуры. От тех, как правило, кому я доверяю (и которые так или иначе доверяют мне). Так, к примеру, совершенно ясный ответ на вопрос «зачем вообще с кем-то жить?» я получил от Л., объяснившей, что жить вдвоём элементарно легче в бытовом плане. Я сам никогда бы не додумался.

Все, что мне приходилось видеть — семьи моих друзей, переставших быть друзьями, семьи чужих людей с их совершенно непонятными жизнями — приходилось наблюдать как бы со стороны, домысливая всё то, что происходит внутри. Более всего меня смешили показная ревность, запреты одного партнёра другому делать что-то, обиды и истерики. Становиться свидетелем всего этого было неловко, но невероятно познавательно.

И, дорогой друг, ты можешь понять, что жизни я учился исключительно наблюдая за чужими жизнями и пытаясь подражать социальным шаблонам как могу — а выходило, понятно, жалко. Но мне не грустно! Мне не грустно! Ведь, в конце концов, *qui est le monstre, toi ou moi?*

3 апреля

Одной из самых удивительных загадок для меня является происходящее под балдахином супружеского ложа. Надеюсь, что у людей всё не так жалко, как, к примеру, у моих родителей — не просто же так люди выходят замуж и женятся, верно? Должно быть что-то особенно прекрасное, и оно разблокируется только после официального брака.

Например, можно в любой момент попросить состоящего с тобой в браке человека плюнуть тебе в лицо, и он это сделает. Или мастурбировать во время завтрака. Или попросить его мастурбировать во время завтрака. Или попросить его читать тебе стихи Рильке, пока ты блюёшь. Должны быть

новые степени свободы. Новое, непостижимое, запредельно свободное. Выше телесного, ближе к богам! То, что с бойфрендом или девушкой ты позволить себе не можешь. Ведь это чужой человек. А тут уже — кровинушка.

На днях спросил одну знакомую, обрезан ли её муж, потому что сам задумываюсь об обрезании и всячески собираю инфу. Но она сказала, что не станет обсуждать со мной такие интимные вещи! Я очень удивился. В западном мире это, вроде бы, совершенно будничный вопрос. Вот я не обрезан, крайней плотью улицы мету! И мне не стыдно! Мне не стыдно.

Шел утром за юношей, от которого пахло Dior Fahrenheit!

Не люблю розовый цвет. Еще — зелёный чай. Натоптыши. Запах спермы. Чёрный кофе с сахаром. Вкус губной помады. Когда таксист не выключает радио. Русские кладбища. Бетховена. Пепси-колу.

Который день, а то и месяц не дают покоя мысли об эстетике тонико-клонических судорог при асфиксии.

Проснулся вчера 4 и больше не уснул уже; в итоге поехал на работу на два часа раньше. В метро снова ехал с двумя ментами и их собаками. Одна из них, огромная вонючая немецкая овчарка, постоянно нюхала промежности стоящих рядом женщин, а те панически смущались, но делали вид, что умиляются.

4 апреля

Каждый мой половой акт за последние лет 10 — это какой-то бизарный калейдоскоп порнографических клише. Здесь нет больше ни моей фантазии, ни свободы внутреннего зверя. Я просто делаю так, как видел в кино. Копирую и подражаю. Это нелепо и глупо.

Коммерческое порно — консервативное и противное авангарду явление.

Я чувствую себя таким глупым — практически идиотом. От своей глупости я пережил уныние и ужас, и еще отчаяние, а теперь вообще нахожусь на задворках какой-то серой обыденности. Людям, живущим наполненной чем-то важным жизнью, наверное, нет необходимости думать об этом, но я думаю о собственной глупости — и стыжусь её покаянно — каждый раз, когда не думаю о смерти (но не своей, что мне своя смерть, куда мне с ней?)

5 апреля

Не очень верю в существование влюбчивых гетеросексуальных людей. У гетеросексуальной влюблённости есть естественный эволюционно оправданный предел: однократное семяизвержение в полость влагалища. Поэтому гетеросексуальным людям не до́лжно судить о любви.

Н. говорит: самой мне не нравится трогать себя изнутри пальцами, кажется это отвратительным — мягко-ребристая поверхность. Я думаю, она права по-своему: всё же вагина потрясающе утилитарна, продумана так, что хоть встраивай в МКС.

Не дают покоя мысли об эстетике тонико-клонических судорог в общем и целом. Пересмотрел все видео с эпилептическим *grand mal* на ютьюбе по многу раз (единственное, что раздражает, это клокотание пены в горле по завершению, но тут звук можно делать потише). Нарастающий в начале припадка крик, когда несчастный уже без сознания, и воздух судорожно выгоняется из легких — это просто нечеловеческое.

Совсем не осталось друзей-мужчин, один и тот далеко; в основном женщины, но с женщинами дружить очень трудно. С радостью дружил бы с гомосексуальными мужчинами, но очень стесняюсь своей неловкости и отсутствию вкуса (для женщин это вообще, кажется, не имеет никакого значения…)

6 апреля

Еду в метро, читаю Жибо, но отвлекаюсь:

Обычная темноволосая девочка с несмелыми стрелками набирает в заметки телефона:

> *Мне нравится разговаривать с тобой, вынося что-то новое для себя из твоих суждений… нравится, что ты всегда приедешь по первому моему зову, и я всегда могу расчитывать (автокорректор на телефоне вежливо поправляет: рассчитывать) на тебя. Ты пахнешь пряностью.*

Кроме шуток, отдал бы немало за возможность прочитать эту заметку полностью (и еще за некоторые небольшие подробности).

Другая, со страшненьким, но наглым и деревянным лицом (спалил её имя вконтакте: Елена Абдуллаева) быстро, на доли секунды зумит чью-то аватарку (высокая девушка стоит на фоне закатного моря), открывает вотсапп, ей кто-то

пишет: *ахахахаха она просто ебнутая лесбуха*, отвечает смайликами.

Девочки-студентки на трамвайной остановке разговаривают о какой-то косметике; будь я девочкой, я разговаривал бы с другими девочками только о том, как охуительно быть юным. И целовал бы ежесекундно влажные свежие вишнёвые рты своих подруг.

Кажется, чудовищное количество красоты утилизируется, даже не будучи распакованной, не говоря уж о том, чтобы быть заслуживающим образом сервированной. Ужасное, ужасное расточительство.

8 апреля

Вчера были в консерватории и слушали студентов, пока не попорченных славой и нищетой: я, А. и её девушка, драматически похожая на молодую Йоко Оно. А. очень мила и всё время смеётся. Запомнились: рыжий тромбонист, красивая скрипачка-осетинка Индира Скаева (нашел ее страницу вконтакте и расстроился: христианство, семейные ценности и подавляемая мечта о карьере модели; осетины точно такие же поехавшие на религии, как и какие-нибудь лезгины, видимо, это часть культуры, вернее, заменяющая её пульпа, культура бывает только у язычников), еще одна несколько шизофренического вида скрипачка с нечистыми волосами, но ураганной страстью исполнения, и еще одна скрипачка, смахивающая на Ирму Грезе. Скрипачки, как по мне, все немного ёбнутые, вроде как и девушки по имени Маша — кто-то больше, кто-то меньше, кто-то в хорошем смысле, а кто-то в плохом... Бетховен как всегда плох, Рахманинов прекрасен, а Брамс мне очень нравится — думаю, у меня ужасный вкус. А. мило поглаживала свою девушку по коленке. А на сцене гетеросексуальных мужчин и вовсе, кажется, не было, одни твинки. Зато в зале куча старух.

Ненавижу такую погоду — непонятно, то ли жарко, то ли холодно, спина мокрая, а сам продрог.

В Юникло примерочные глухие, в них пахнет горячим потом предыдущего посетителя. Была бы у меня фантазия, а не сыр с дырками, мог бы и помечтать.

Еще шел домой и думал о том, как это ужасно, когда никто не хочет с тобой целоваться. Секс это ерунда, ебаться всегда найдутся желающие, в сексе эмоций мало. Чем старше я становлюсь, тем уже бутылочное горлышко, куда могут просочиться те, кто захотел бы поцеловать меня. Думать об этом неприятно и страшно.

Снова снился отец, вернее, его отсутствие, он куда-то пропал и никто его особо не искал, причем было очевидно, что пропал он при обстоятельствах, не располагающих ни к чему хорошему. А потом я проснулся и испытал облегчение, потому что второй раз он уже умереть не может. Мёртвые прекрасны.

11 апреля

В конце платформы на Китай-городе целуется пара подростков. Он в дебильной панамке, а у нее небольшая прогения и большие глаза. Как и любая девочка, которая может мне понравиться, она похожа на О., последнюю влюблённость из 2013. Он выходит на Тургеневской, она палит ленту в смартфоне и достает катышек из уголка глаза. Думаю о том, мокрая ли она, но уже не думаю. Все равно. На Сухаревской воняет говном.

Подумал, как мало для меня значит фикшн: мог бы вовсе его не читать. Поэтому, вероятно, и фэнтези не полюбил, и сам ничего не смог придумать — пишу только о том, что было. Ввиду этого даже обидно, что нет ни бога, ни чудес, да и во вселенной мы, скорее всего, одиноки.

12 апреля

Трудно любить человека — голого, покрытого мурашками, стоящего перед тобой с отпечатками резинок от белья на теле, стыдящегося своих родинок и бледных, сухих, спящих половых органов. А просто любить — атлетическое строение, юность, возбуждение — это лучшие из нарядов. Что же делать с голым, стоящим перед тобой с расширенными от страха глазами? С волнами отдающей воздуху тепло анатомической единицей? Его не хочется ни обнять, ни ударить. Кинуть ему одеяло, чтобы завернулся в него? Рассечь ему кожу лезвием, чтобы сначала показались белые пленки, а потом полезли бесстыдно облака желтого жира?

Ничего не хочется.

Гибер пишет в «Моих родителях», как разговаривает по телефону с отцом — усатым неудачником, сильно потеющим мещанином, а в это время его друг вылизывает Гиберу задницу, отец же об этом, конечно, не подозревает. Через главу он жалуется на то, что грибок не дает ему жизни, причиняет ужасные страдания, между пальцами ног мокнущие трещины, мучает сильная боль — тогда у него, по всей видимости, уже начался СПИД, поэтому вылечить грибок стало не так-то просто. А я еду в метро и думаю о том, что нипочем бы не

стал вылизывать задницу человеку, у которого на ногах грибок.

Вспомнил вдруг о том, как в детстве стал объектом домогательств в поезде «Неман» Москва—Гродно. Я был крайне пухлой и румяной деточкой лет восьми с сиськами, увенчанными впуклыми нежными сосочками и белоснежной гладкой жопой, с очаровательным заиканием и в больших роговых очках, так что мой совратитель имел катастрофический вкус к юношам. На меня эта история никак не повлияла — не успел же он меня выебать, в конце концов. А если бы и успел, думаю, тоже не особо бы повлияла... Зато *запах мужчины* — прокисший пот, запертый в синтетической рубашке, горячий перегар, громкое дыхание (таких особей полно на любом корпоративе) запомнился навсегда и вызывает стойкое отвращение. Такого человека всегда хочется ударить ножом в живот.

13 апреля

Очень важное вот что — понял, что не знаю, как жить, не умею. Знаю, как умереть, но это проще простого.

Но хотелось бы иметь точный и понятный ответ — что люди делают, когда они встречаются?

Что происходит между людьми в выходные?

Если они приходят в бар — как разворачиваются события?

Они создают какую-то историю или обсуждают случившееся в общем прошлом?

Они трогают друг друга? Смеются потому что им смешно или потому что надо?

Целуются после сигарет, сосут друг другу члены в туалете, встречают утро тахикардией и прерывистым пульсом, мокрыми ногами, несвежей кожей.

Как понять, что делать с людьми?

Как понять, что они должны делать с тобой?

Сладкая зависть, истома, камень в желудке всякий раз, когда думаю о пропавших без вести. Вышел из дома и не вернулся. Был замечен дорожными рабочими в районе 115 километра, после чего его местонахождение неизвестно. Застрял между словом жив и словом умер. Скучают и пылятся дома вещи. Устаревает музыка и репосты в сети. Заходил в 11:44 16 октября. Потом статус вовсе исчезает. Гулкая пустота.

В моей жизни, наверное, слишком мало новых людей (их нет вообще).

Но как заново рассказать им всё, что я чувствую, тысячи моих ненужных историй, маленьких тайн. Кому это нужно, когда умирают родители? Бывшие друзья проживают громоздкие, нелепые, чужие жизни.

Лучше всего потеряться и никогда не быть найденным, быть похороненном на тенистом заднем дворе, на ничьей земле, которую через десять лет закатают в стекло и бетон, и никто никогда ни о чем не вспомнит.

17 апреля

Никогда в жизни не приходилось быть любовником замужней женщины, а теперь думаю, что это мог бы быть неплохой и нестыдный совершенно опыт.

18 апреля

Установил Tinder (последний раз делал это во времена динозавров), всё там ужасно: лица кажутся одинаковыми и сценарии фотографий тоже, к каждой возникает десять вопросов, ответить на которые некому. Также тиндер неприятно коммерциализировался, теперь нельзя сделать так, чтобы мне не показывали старух. А в остальном — нагулявшиеся губастые девочки, ищущие уверенности в завтрашнем дне, тощие педики в спортзалах или на вечерних улицах. По-прежнему нельзя выбрать только азиаток или транссексуалок.

19 апреля

Все мы читали Гарсию Маркеса и справедливо ненавидим его за старческое нытьё, несвежий запах изо рта и пенсионерскую многословность. За Г. М. же следует целая, есть такое фанерное совковое слово, плеяда замечательных латиноамериканских писателей. Все они как один стары, прокурены, носят фетровые шляпы, напиваются, а также думают о самоубийстве чуть ли не каждый вечер. Девушки их не любят, но сальсы они продолжают посещать. Бедняги! Невидимый господь наказал их долгой и мучительной жизнью.

В «Ста летах одиночества» меня неприятно поразил тот факт, что один из героев запросто умял восемнадцать (или что-то вроде того) варёных яиц. Вот это магический реализм! Это вам не волшебная пыль и не дудочка Пана по утренней росе.

Я однажды написал двадцатистраничный рассказ о том, как сам себе делаю вазэктомию садовыми ножницами. Рассказ вышел очень хороший, но показывать я его никому не

стал, а однажды, когда разлилась черная желчь, и вовсе сжёг в печи.

Iudica me deus! Всё это я начал писать ради того, чтобы рассказать вам о контактном зоопарке, виденном мною на днях в одном из крупных торговых центров. Противная девочка за уши вытаскивала бедного испуганного кролика из-под пластиковой табуретки. Я ненавидел ее в тот момент (наблюдая за всем через стекло с нейтральной стороны). Пожалуйста, не водите детей в контактные зоопарки. А лучше вовсе не имейте детей. Апостол Павел одобрял! Он сам иссёк себе семявыводящие протоки при помощи кинжала, украденного на рынке у пожилого еврея. Впрочем, тогда все были евреями — такое уж было время.

Последние дни, мир живет последние дни!

20 апреля

Вижу в метро унылую высокую девушку с очень длинным носом, строго указывающим на смирно сложенные девушкины руки. Она делает вид, что спит, но держит ухо востро и посматривает черным глазом из-под век. Представил, как сосу её длиннющий нос и стало смешно. Но потом стало грустно.

Вчера ворочался и не могу уснуть, татуировка на ноге, намазанная кремом, прилипала к простыне, очень неприятно, вспоминал стихи.

1 мая

Дети до половозрелого возраста — отвратительные животные, разросшиеся, прожорливые зародыши, лживые, хитрые, юркие твари. Я ненавижу детей. Мне хочется кричать от ужаса и гнева, когда я их вижу. А уж о том, чтобы прикасаться к ним или засовывать в них член, не может быть и речи.

Особенно жалки оправдывающие свой несдерживаемый инстинкт размножения заботой о будущем человечества. Вот уж где прибежище ублюдков! Человечество разрослось так, что начало уже пожирать само себя, пропиталось токсичным исламом, засрало моря, океаны, поля и леса и живет так, словно оно и есть хозяин планеты. Единственное верное решение, которое может принять сегодня гуманист, — это отказаться от размножения — в первую очередь! — а потом уже заняться борьбой со сверхпотреблением. И в третью очередь — хорошо спланировать свою собственную смерть, чтобы не коптить небо до одурения.

4 мая

Мент-альбинос в кепке с тупым еблом ведет очень нервного чувака в свое дупло, зажав его паспорт в руке. И жарко, и холодно, мокрая спина и ледяной как у мертвеца лоб, на Сретенском сильно и сладко пахнет заварным кремом — какой-то дорогой сладостью для воннабишечек

Женщина с хуевыми волосами наклеивает на крупную круглую пятку пластырь, прислонившись к стене в переходе, у нее лакированные туфли, на сходе с эскалатора чуть не сталкиваюсь с длинноволосым юношей в очках, он похож на Альтерман. За доли секунды представляю, как целую его в рот

Отнёс книги в Тургеневку, она изнутри в десятки раз меньше, чем снаружи, и книг как будто бы мало, заблудился в тёмных стеклянных переходах между зданиями, подергал закрытые двери, в читальне — головы за компьютерами — как капустная грядка...

Всё смешалось в голове и ничего не хочу (или что же?), словом, скучно! и как-то досадно, простуда дерёт в горле, на Тургеневской сел напротив милфы в босоножках и с темным лаком на ногтях ног — вышла на следующей, а на её место сел жирный гей с надменной рожей и пакетом TOGAS—

Он в поло Boss, и у него мезиальный прикус. Чувак с тату — ловцом снов — на локте, смешно. *Aber so ist das Leben!* Много жирных (и я!), у женщины опухшие ноги засунуты в туфли с ремешками, торчит паскудный следочек. *This is Botanicheskiy Sad. Change here for Moscow Central Circle*

15 мая

Меня пугали натоптыши, внезапные запахи и звуки, засохшие пятна и несвежие рты, грязные скомканные тряпицы, непонятные начатые мази и куски марли, рубцы, отделенные от тела волосы, разворачивающаяся жуть чужих половых органов. бывали дни, когда я не мог встать с кровати от ужаса

Непонятны принятые ценности, долгосрочные стремления, парадигма стерпится-слюбится, трупная бульонная вонь варящегося супа, кошмары стоптанных тапок, грязный хлам, раковой опухолью растущий на балконе, ранние морозные утра, сладкий чай с колбасным бутербродом за клеенчатым столом

Непонятны слова «забери меня отсюда», имя Виталик, изжога и потная водочная духота семейного застолья, вонь

мужичьих подмышек и тёщиной капусточки, тревожное автобусное курево, кладбища и огороды, подъезды и дома, мне ничего, ничего здесь не понятно

7 июня

Насколько же мне отвратителен московский (и вообще, наверное, российский) общепит.

Все эти бадьи заготовок, похожих на рвоту, подернутые нежной плесенью салаты, забытые в огромном и грязном кухонном холодильнике. Угнетенные и бесправные, пугливые, словно мыши, официантки в балетках. Бармены на спидах. Внезапно появившееся в дверном проеме недовольное лицо повара в грязном колпаке. Тихая лунолицая киргизская женщина, обреченно размазывающая грязь по полу серой тряпкой, пахнущей то ли хлоркой, то ли спермой, — и над всем этим гнетущая постсоветская обыденность.

А девочка-менеджер всегда зла — у нее, может быть, киста в яичнике и мужик паскудный, да и мало ли как может обезобразить дух человека вечное отчаяние и нищета?

Под штампованные вывески и полиграфию франшиз смогли уместить тоскливую кабацкую каждодневницу, вопящую от экзистенциального отчаяния спальных районов безымянных городов-стотысячников.

Вермут и роллы «первое свидание», дежурный борщик со сметанкой для быдло-мужичка, остро попахивающего потом из прорехи разошедшейся на пузе синтетической рубашечки, неизменные девочки-подруги, которых никто и никогда не полюбит по-настоящему.

Зайти на кухню любого российского кафе или ресторана — все равно, что наткнуться на стыдный тайничок подростка — какой-нибудь хрустящий носок со странным запахом, мятые полпачки сигарет или еще что похуже.

Все это ужасно и стыдно, и не выйти из этого колеса перерождений никогда, и не выйти вашим детям, и не выйти внукам.

9 июня

«В Свердловской области ушла в минус добывающая промышленность. Означает ли это, что шахты стали загружать уголь в землю?»

Пахнет в вагоне метро немытой мужской промежностью. Даже предполагаю от кого: вон чувак с хуевым блэкворком на кисти, и рожа у него красная и отвратительная, как постгнойная луна, вся в кратерах от акне.

Заметил, что многие еще вчера молодые плешивцы особо ярко блестят обручальным кольцом, то бишь, недавно была женитьба. Едут такие красавцы в метро на работу, а синенькая рубашка женою выглажена. Хорошо! А что случается с мужчиной, который не успел жениться до того, как у него появилась плешь? Конечно, весь он становится пористым, пахнущий потом и поросшим грубым волосом неостроумным полудурком, и через пару мучительных лет ухает в могильник.

Противно смотреть на свою гнусную морду в стеклянном отражении раздвижных дверей. Слабая боль в желудке который месяц напоминает о всяких нехороших вещах.

17 июня

Вижу в метро полусимпатичную девочку за 25 с хуёвыми венами на ногах. Сестра моя, товарищ! Прижаться опухшей мордой к тощим твоим желтоватым ногам еще вчера свежей красавицы и замереть, овосковеть навечно.

Напротив сидит престарелый папаша лет сорока, минут 15 обсасывает свою приблизительно двухлетнюю дочь, омерзительное зрелище, блевануть бы, да нечем.

Все эти дни думаю о Гибере. Спрашиваю себя о своей сексуальности и по привычке вру. Утром, лёжа в постели с легким похмельем, думаю о теле Е.В.

Гражданская жена друга — один день в Москве проездом из Турции. Увядающая натуральная блондинка с массивным черепом. Свозил её в район Раменки, чтобы показать дом, в котором она когда-то выросла. В «Перекрестке» купила в поезд 0,3 российского коньяка. Я купил слойку с сыром. Новые станции метро скучны и бездушны. Две вчерашние школьницы с крашеными волосами беспокойно обсуждают мелочи (мышиные говна, *excréments de souris*) свежими, сладкими ртами. У одной грязные белые носочки и кеды. У каждой — гитара в чехле. Яркие крашеные волосы и порезы.

Русская пунктуация глупа и нелогична, а еще чудовищно манипулятивна эмоционально; что угодно, написанное с точкой с запятой, выглядит патетически.

Достал ещё пачку феназепама. Подстриг когти хорьку. Купил матери билеты на самолёт. Гордиться нечем и тужить тоже не о чем.

19 июня

Невыносимо жарко. на работе так душно, что начинаю различать людей по запахам их секретов. Утром в метро обдало гнилым духом из чьего-то пародонтозного рта, и стало так тоскливо не по себе от этой желудочной вони, тоскливой глубокой могилы. Читал защитительные речи Реве и кое-какие воспоминания о нём, написанные усталыми педерастами с хорошими библиотеками, мысли о том, что меня собьет машина, немного отошли на задний план — летом умирать постыдно и жалко, утром поляк спрашивал у спешащего на работу русского менеджера с залысинкой дорогу куда-то, а русский менеджер ему отвечал снисходительно и добро, поляк довольно хорошо говорил по-русски и стал желать русскому менеджеру здоровья, а русский менеджер сказал — у меня-то брат тоже поляк! ну, тут я уже довольно далеко от них отошел и больше ничего не слышал, впрочем, наверняка это пиздеж был про брата. Девушки в босоножках читают Умберто Эко, они очень умны и весьма избирательны в еде, чуть меньше — в мужчинах, старухи кутаются в гробовой тюль, парит под сводом неба июньская тоска.

20 июня

В пять утра восхитительно пролилось вдруг по мышцам горячая, томительная болезненность, запылала кожа, мысли стали как бумажный мусор, 38.5, кусок стекла в горле, не могу согреться, похороните на заднем дворе в безымянной могиле

Заниматься любовью с высокой температурой — необходимый и скучный опыт. Тело партнёра кажется прохладным и чужим, из подмышек остро начинает пахнуть лихорадочным потом — будто коты нассали в подъезде, в голове бухает маятник, потом смазанно и быстро кончаешь словно кипятком

Когда лихорадка выходит на плато, приятных ощущений не остается, кипит голова, болят глаза, трудно выйти из дрёмы, совсем невозможно встать за водой — она холодная, надо греть в микроволновке, а значит — будет горячая внизу и холодная сверху. И как же тяжело вставать! И не встаю.

23 июня

Поймите, родные, самые близкие, любимые люди: такие проблемы, как повышение пенсионного возраста или ОСАГО или КАСКО или еще какая-нибудь малопонятная аббревиатура могут волновать только ипотечного обывалу, который

сгорбившись ходит в протертых на жопе штанах по одному и тому же маршруту в паршивом своем вонючем бесславном городе-бараке, раз в год насаживает деда на палку и выносит его с просветленным лицом на главную площадь, чтобы потолкаться среди точно таких же убогих пингвинов, а также, как состарится лет в сорок, долго-долго ночью стоит над унитазом, выдавливая из себя последние капли мутной мочи, проталкивая их что было сил через распухшую, хронически воспаленную простату, от напряжения гулко попердывая, потом забирается по одеяло, где несвеже дышит тестообразная, жуткая предрассветная жена с длинными водорослями половых волос, с полянами родинок на нездоровых телесных просторах. Да! Мы приветствуем смерть!

Почему бы вообще не исключить любое сотрудничество с государством — его любое проявление следует расценивать как насилие, ведь само государство синонимично насилию. Государство не заслуживает по-хорошему даже презрения, да и ненавидеть его как врага трудно — в понятии врага есть что-то от чести и достоинства, государство же уродливо, и ни чести, ни достоинства, ни славы не имеет. Оно — эклектичная картина нечистоплотного московского художника, лужа блевотины возле Казанского вокзала, оно не ты и не я, а нечто чуждое, уродливая тюрьма с нарисованными окнами. Выбирать стоит смерть, искусство, небинарность, отрицать — государство, религию, любые запреты и несвободу, но по поводу возраста, когда тебе начнут бросать корку хлеба под ноги, рассуждать попросту глупо.

24 июня

Ненавижу женский парфюм. За всю жизнь ни разу не сталкивался с адекватным его применением. Эти сладкие запахи и оттенки, шершавые толстые пыльцовые стержни в миллиарды раз усиленных фальшивых химических цветов втыкаются мне прямо в мозг через ноздри. Сиропы, стекая по пластмассовому слепку лица, застывшего в удобоваримой гримасе, плавятся, капают на горячий асфальт, а его подметает бесконечная синтетика и пористые пластики подошв.

Никто этого на самом деле не хочет жизни, которую живёт. Это, как скажут люди, что называется, умные, как говорится, уважаемые, крайности — и «ну-вы-же-все-сами-понимаете». Любые убеждения обрастают мхом невероятного недопонимания. Покрываются заботливым льдом сладкого невежества. Никто ничего не хочет и никому ничего не интересно. Религиозность оказывается обсессивно-

компульсивным расстройством, неврастенией и суеверностью, политические убеждения строятся на пропаганде и людских толках. Как монах-бенедиктинец пятнадцатого века, человек проживает жизнь в темноте, в гари, в какой-то лихорадочной дреме, в монотонных заученных молитвах на чужом языке.

Каждый день это падающее дерево. Каждый день это еще один скомканный и выброшенный черновик с крайне дрянным рассказом, написанным через силу. Каждый день это тошнота.

Я живу с постоянным чувством ужаса. Я просыпаюсь в страхе и засыпаю, представляя, что меня возводят на виселицу и вешают (или же обезглавливают на гильотине). Меня пугает все то, чего я не понимаю. А не понимаю я и вовсе ничего: как отличить красивое от некрасивого? Как понять эстетику? Как узнать все о том, что мне интересно? Почему шестнадцатилетние девочки в социальных сетях могут отличить хорошую картинку от плохой, а я — с трудом? Что такое постинтернет и что будет дальше? Как разбираться в аниме, исламе, вебпанке, брутальном дэт-метале, эстонской поэзии, китайском языке, философии, живописи, литературе, миллионе других вещей и дисциплин одновременно? Меня не устраивает пустой лист бумаги. Он олицетворяет кошмар. Я просыпаюсь в страхе и засыпаю, представляя, что меня вешают. Я живу с постоянным чувством ужаса.

Я не могу выбрать что-то одно. Я не могу выбрать пальто в магазине. Я не могу выбрать магазин. Не могу выбрать город. Не могу выбрать что-то одно и поэтому выбираю вообще всё.

25 июня

Низко начинающийся разрез ягодиц это так некрасиво. Напоминает груды ледяных закостенелых трупов на черно-белых фотографиях из лагеря Аушвиц-Биркенау.

Трепеща от желания и вожделения, снимаешь с девушки (ну, или юноши) трусы, чтобы уткнуться лицом между ягодиц, а там вдруг напоминание об ужасах второй мировой. И грустно коричневеет кожа вокруг стыдливого ануса. Эта кожа никогда не видит солнечного света. Представьте, каково ей!

Однако мне по-прежнему кажется, что тонкие щиколотки (или голени? может, икры? никогда не мог запомнить, что там как называется на ноге) — прямое благословение Богини-матери. Понимаете? Прямое благословение Богини-

матери. Как природно светлые волосы. Как рассветы над городом! Как песня ветра! Как музыка воды!

26 июня

Самый опасный враг религии, прежде прочего, ты сама — не пытающаяся по-лавеевски скрыться от себя же под маской дружественного старины-дьявола, отвергающая недоказуемое и неоправданно злое либо доброе; но та самая привычная и ненавистная, известная до непристойностей ты, и даже не столько твой разум, сколько попытка его гармонии с телом — идеально порочный и восхитительный союз на земле.

27 июня

Есть несколько активистов, которые святостью своей заставляют меня поеживаться каждый раз, когда я о них слышу. Ну, то есть, они по-всамделишнему русские святые, блаженные, мученики. Я, хоть в бога не верю, чувствую себя таким говном всегда, когда с ними как-то (чаще всего в сети, потому как не часто оставляю свою горькую келью) пересекаюсь.

Они вступаются за самых сирых, самых убогих, отверженных, покрытых коростами страдальцев, умащивают их язвы своей слюной и дают надежду этому миру.

За них никому никогда не нужно поручаться: хорошо известно, эти люди не возьмут чужой копейки. Сами они готовы поручиться за многих, и, в случае, когда тот, за кого поручились, надежд не оправдал, с них тоже ничего нельзя взять, ведь они поступили так из безграничного человеколюбия и детской доверчивости.

Страдают они образно, ярко, выпукло, так, что хочется себе голову разбить о стену. Так же начинают страдать и те, кто берет их за образец.

Их обвинит только государство, бросит их в застенки, изобьет и подвергнет страшным мукам, пьяное быдло будет тыкать в них жирными от шашлыка пальцами, дышать перегаром, смеяться, унижать. Но разве можно унизить святого? Когда Христу плевали в лицо, он старательно собирал харчок пальцами и съедал, а плюнувшего ждали тысячи лет мучений в кипящем котле с адским супом.

И если эти мученики — неохристиане, постхристиане, сверхтерпимостью берущие на себя грехи мира, то, может быть, лучше поскорее скормить их львам.

in tuo adventu suscipiant te martyres!

<...>

Не могу понять ни тех, кто переезжает жить из Петербурга в Москву, ни тех, кто едет жить в Питер из Москвы. Насчет второго, впрочем, понятно — обычно из-за женщины, т.е. временно. Не забывайте, что смерть ваша всегда следует за вами, и багажа у неё нет.

28 июня

Мир прекрасного не имеет никакого отношения к этой полной скорбей жизни.

Одна из причин, почему не могу разобраться с тем, нужны мне бумажные книги или же не нужны — то, что я вообще с ужасом представляю себе, как можно иметь в собственности больше вещей, чем можешь унести с собой. Всё принадлежащее мне с легкостью влезет в большой чемодан. И даже это кажется мне удручающе излишним.

1 июля

Ясное понимание, что ты уже никогда не станешь кем-то имеющим значение, не наступает однажды после обеда. Не раздается глас с небес, не щелкает тумблер. Жизнь не делится на до и после. Это как наступление никотиновой зависимости. Попытка отловить этот миг всегда неудачна, ведь в этот момент ты лежишь на мягкой подушке под облачно-нежным одеялом в затемненной прохладной комнате и, что уж скрывать, никогда не хотел бы покинуть эту постель снова. Вещи в комнате тлеют, покрываются пылью, пахнет плесенью и затхлостью. Это уже не детская, где живы теплые и милые воспоминания, это склеп, каменный и глупый мешок, где свалены жалкие останки навсегда забытых людей, их надежд, бесконечного самоутешения, пустых упаковок от печенья, использованных ватных палочек, выгоревших чеков из макдональдса, пустых бутылок, неинтересных книжек и прочей чепухи. И ты там лежишь посреди всего этого хлама — гордость родителей, вершина эволюции, с искореженным таблетками мозгом, больным телом, удовлетворительным будущим. И уже вроде бы и знаешь, что не стал никем. Ну и все, делов-то. Вот видишь, а ты боялся. Даже ничего и не почувствовал.

4 июля

Проснулся в пять и больше уже не уснул, поэтому на работу еду почти на три часа раньше. Зато погода сегодня замечательная, и нет этой проклятой жары.

Купил черный-пречерный лак для ногтей, но надо сначала сходить на маникюр. Никогда не ходил раньше, живу с заусенцами размером с Татарстан и мерзкими, похожими на девственные плевы кутикулами... записался на маникюр к мастеру с тошнотворным именем Изольда. Отменил запись за час, не сумев смириться с ощущением ужаса от того, что руки мои будет трогать своими нежными холёными руками смуглая милфа по имени Изольда, а у неё, может, есть дети и пахучий щетинистый муж в Абхазии, а тут я, не хочу быть частью этой истории и этой жизни. Подожду, пока в салоне неподалёку выйдет на смену молчаливая киргизка Гуля, с простым и круглым лицом, с диким густым пучком смоляных волос, с маленькими сильными руками.

У метро Шаболовская один человек-бутерброд (*ломбард, золото дорого*) включил другому человеку-бутерброду, женщине в розовой куртке и потрёпанных кроссовках, песню с темой саксофона на мобильнике — у нее на щитах написано *напечатаем вашу книгу*, ее лица я не вижу. Он держит перед ней телефон, вытянув шею — голубые глаза, подбородок, как у Чеда, закопченое от солнца лицо. Он понимает в музыке! Представляю себе, как они ебутся — наверное, скучно и долго... хотя её лица я не вижу... такая смертная скука и дождь.

6 июля

Похвала всегда лишний раз напоминает мне о том, что мои стихи плохи, насчет прозы я ничего не могу сказать, потому что с ней просто, ее не жалко, это тебе не карточки Набокова, и в общем и целом хвалебные отзывы, даже от умеренных критиков, даже от людей, которые тебя не любят, ничего ровным счетом не значат, и вызывают лишь раздражение.

11 июля

У девушки, над которой я нависаю, стоя в вагоне метро, очень крупные и хорошо вычищенные ушные раковины, но на затылке, в слепой зоне зеркала, комья перхоти, хоть она и тщательно расчесана — а еще неприятный светло-красный лак на ногтях. Само одиночество воплотилось в человека.

Каждое утро со мной едет молодая женщина с православным молитвословом. Женщина каждый раз новая! Интересно, православным можно молиться на ходу или она просто зазубривает церковнославянские мантры?

Ненавижу обращение «молодой человек», хуже просто ничего нет на свете. Снилась А. Встал, исполненный досады и всяких нелепых мыслей.

Купил зубную щетку с жесткой щетиной. Иногда мне хочется кого-то обнять. Но это тоже слабость, которую я почти легко гоню прочь.

Снилась в субботу Ж., беременная тройней, говорила, что одного из трех, наверное, убьют еще в матке — я спросил, разве такое возможно? — конечно, сказала она, достаточно раздавить мозг щипцами. Но ведь это уже будет не стерильная среда! — воскликнул я, но сдержанно одобрил решение. Мне кажется, что страх того, что Ж. забеременеет и родит, не оставляет меня с момента, как я с ней познакомился — а было это больше 10 лет назад. Это совершенно иррациональный, непонятный страх.

12 июля

Ел на ужин творог, яблочное пюре из детского питания, доел вчерашнюю черешню. Некоторые ягоды отдавали плесенью.

Переел, желудок неприятно полон, домой пришел с мокрыми от пота волосами, с мокрой спиной, с отвращением смывал в душе всю бессмысленность, тянущуюся за мной изо дня в день как жестянка, привязанная к хвосту кошки, на почте забрал книги и снова пообещал в этом году деньги на них не тратить. Я простой и примитивный, меня сегодня удивил красивый быстрый трамвай 17 и еще утром девочка с плохо прикрашенными в сине-сиреневый прядями и аккуратными квадратными ногтями на ногах, вчера я ехал с ней в трамвае с работы, а сегодня на работу. Впрочем, встреть я её сейчас на улице — не узнал бы. К сожалению, распознавать человека в лицо я начинаю встречи с третьей. И вы даже представить себе не можете, сколько неудобных ситуаций в связи с этим мне пришлось пережить.

13 июля

Пищевод проходим, в просвете незначительное количество пенистой слизи. Слизистая серо-розовая, эластичная, перистальтика сохранена. Розетка кардии смыкается.

Желудок расправляется воздухом, в просвете значительное количество пенистой слизи. Складки средней высоты, эластичны, продольно извитые. Угол не изменен. Перистальтика равномерна, прослеживается во всех отделах. Слизи-

стая умеренно разрыхлена, в теле и антральном отделе поверхностно гиперемирована. Привратник проходим.

Луковица двенадцатиперстной кишки не деформирована, проходима, слизистая застойна, пестрая, бархатистая. Слизистая постбульбарных отделов не изменена. Область большого дуоденального сосочка без особенностей.

14 июля

Распухшие москвичи в примыкающих к пр. Мира переулках сыто преют на террасах семейных ресторанов, предынсультно багровеют еблами, полупьяно смеются и шевелят толстыми пальцами. Вытащили и бледных старух, их ноги, обтянутые серыми чулками, втиснуты в некрасивые туфли из кожзама. Собирается дождь.

Дóлжно быть проблемным, встревоженным, искаженным, неправильным, ускользающим от бездушно лабораторных эмпирических проб, а не сидеть на кухне в тапочках, дóлжно не иметь тапочек, а кухню называть как-нибудь вроде гнецдоброх или ххаршиогъ, или по-монгольски — гал тогоо.

16 июля

Уже перед самым пробуждением приснился ужасный сон про то, как симпатичную мне коллегу по работе убил муж. Несмотря на то, что его, вроде бы, арестовали, некоторое время он сидел в нашем рабочем чате за нее, скидывая очень личные фото, на некоторых из них она была обнаженной. Проснулся с чувством абсолютного ужаса, несколько минут пытался понять, правда это или нет. Запоминаю сны не чаще раза в пару недель — и каждый раз какая-нибудь стыдная, тревожная ерунда.

Чтобы не писать про удушающую жару или бензодиазепины или секс или то что решил перечитать «Некрофила» Витткоп или лак для ногтей или притягательность нистагма у альбиноса-девочки, раздающей газеты у метро, ничего не напишу больше.

19 июля

Не глядеть в глаза идущим навстречу людям и попутчикам в транспорте по пути на работу — сразу вполовину меньше ненужного спама в голове. Достаточно смотреть на лица тех, чьи пальцы на ногах красивы как у Деметры. Как вам античная отсылка, а? Еду на работу.

У кондитерской, где иногда беру двойной эспрессо с молоком и одним сахаром стоит скорая с включенными синими проблесковыми маячками, в скорой сидит потный дед, а юная врач заполняет бумаги. Не сегодня, дед! (А может сегодня, но позже?)

Водитель тупо смотрит в экран смартфона.

У Деметры из Элефсиса пальцы на ногах, кстати говоря, самые обычные.

20 июля

С самого начала имел непопулярную точку зрения по поводу принадлежности Крыма, но друзья отвернулись от меня не поэтому. А потому, возможно, что людей всегда грубо и первоочерёдно делил только на две группы: те, с кого хочется снять обувь и те, с кого обувь снимать не хочется. И уже потом дальше всё буйно ветвится, словно дерево предопределения у лютеран, как сосудистый рисунок, эмфизема легких или еще что-то очень интимное.

Коллега сказала, что беременна, понял, что боюсь беременных и больше никогда не буду любить ее как человека. Еще я боюсь птиц. И всегда поражался несоответствию гибкого, элегантно-лебединого «шейка матки» тому нелепому пупырышку с вмятиной, которой она является.

Но я светлый, позитивный человечек. Я иммортализт. Я читаю комментарии к некоторым старым постам в жж уже совсем как переписку Батюшкова с запаршивевшим Каутским, и мне ничего, ничего не понятно.

Ненавижу гиперфемининость и гипермаскулинность. Не нравится ни запах мужского пота, ни нежно-тестообразная пухлая мякоть детородных бёдер. Предпочел бы нечто среднее. Например, девочку с пенисом (женские половые органы нелепы). Спать с кем-то в одной кровати, а уж тем более под одним одеялом. Никогда не спал в одной кровати со своими партнёрами. Ненавижу автомобили и автомобилистов. Всю культуру, связанную с автомобилями, автоэстетикой, вождением. Кино. Реализм в искусстве.

Ненавижу, когда пацаны выпьют и раздеваются по пояс. Когда тонкая женская шея торчит из воротника рубашки. Рубашки на девочках это здоровски, но только когда они хорошо сидят. Чаще они, увы, сидят как крахмальный макинтош на покойнике в гробу. Ненавижу популярную психологию. Когда психоанализ воспринимают серьезнее чем просто развлечение. Мотивационную литературу. Одержимость саморазвитием. Горите в аду. Горите в аду.

quare id faciam fortasse requiris
nescio, sed fieri sentio et excrucior

21 июля

Спать бы мне до трёх дня и видеть тревожные сны после приговорённой бутылки пиросмани, но проснулся от того, что с внутренней стороны москитной сетки безумствовали две черные бабочки, два омерзительных мотыля, ангелы божьи, уродливо преображенные в истинную свою природу лучами звезды светлой и утренней, а я без трусов, во рту кислятина, на всем теле следы от белья что странгуляционные борозды, вскочил, стал хватить их, меловых, трепещущих, руками, вздрагивая от отвращения, корча рожи, захватывать за невесомую, осиную, истлевшую как будто плоть и выкидывать в окно, где серое небо, а потом — какой сон? Минут семь сидел на унитазе и с трудом помочился, хорошо еще, что день пасмурный, но зато потер себе морду и, видимо, эта пыльца с крыльев бабочек попала в нос, сразу вызвав приступ аллергии такой силы, что я залил густыми соплями все руки, громко и гулко чихал, как крупная, глупая собака, потом выпил таблетки, стало чуть полегче, выпил кофе, съел яблоко, и день вышел на плато.

23 июля

Все мы неоттуда ждем погибели

Сегодня неловко вышло, и вот беда: рассказать об этом нельзя

В вагоне метро прицельно дует холодной струей воздуха в шею, а ниже уровня сидящих голов — настоящая парилка. Хотел бы, чтобы все начали раздеваться и ебаться, но я бы не стал (однако с восторгом посмотрел бы) и никому не позволил ко мне притронуться

Очень хорошо — когда снятся живыми мертвые любимые, и грустно, когда любимые живые снятся мертвыми. Но наивно и кругом глупо рассуждать об этом, если видишь сны так редко, что потом целый день думаешь об увиденном.

В снятой для фана (а не для продажи и стриминговых платформ) гейской ебле столько клише и унылых тропов что господи помилуй

У метро Шаболовская видел девочку, чуть-чуть похожую на А., но потом присмотрелся и чуть не вырвало, совсем не похожа и даже наоборот, а подруга ее еще хуже, в черных кроссовках и черных же капроновых носках, подвернутых на толстых щиколотках

Господи существую ли я или это в душной моей комнате в Будве клоназепамовый сон, где много лет на мокрой насквозь от пота подушке с 2010 года лежит чужое мое присохшее к пожелтевшему белью тело в ужасном предчувствии того что это не навсегда

25 июля

В идеальном мире половой партнёр утрачивает возможность разговаривать после первого оргазма и полностью исчезает после второго. Позавтракал в макдональдсе, сочетание жареного яйца и свиной котлеты довольно неприятно.

Как по-русски будет клитор, напомните

От слова эссе хочется блевать. Некрасивые люди, милые, пишите мне свои адреса.

Спустя полгода более-менее стал узнавать коллегу по работе в лицо по пирсингу в ноздре, теперь она сняла пирсинг и иногда издевательским тоном здоровается первой, но я не хочу каждому объяснять свои проблемы, смотреть фотки заранее не помогает, запоминать лица *очень* трудно.

Пока не понюхаешь мокрые волосы человека, не говори, что хорошо его знаешь.

Пока ждал очереди на сдачу крови, зашла крупная молодая женщина в блестящих ботинках, попросила на стойке ампулу для говна и пошла срать в туалет за дверью. Через пару минут смыла, долго брызгала освежителем, вышла и кокетливо передала ампулу красивой кавказской деве в белом халате.

Если бы я потерял ногу ниже колена и вынужден был бы ходить с тростью и на протезе — в моей жизни ничего бы не изменилось. Но выёбываться я стал бы ощутимо больше.

26 июля

Лучшее, что я могу сделать для Европы — никогда не побывать там. Кроме того, это единственный способ сохранить любовь к ней до самой смерти

В метро хорошо заметны парочки, которые ночью поебались: девочка к нему льнет с влюбленными глазами, а он несколько растерян и с тупым лицом

Сейчас только начинаю понимать, насколько ужасающе много времени потратил в жизни на убеждение себя и других в том, что ненавижу Москву, но с Москвой это, похоже, так не работает, например, жалуешься, что в Москве мало воды — но воды на самом деле очень много, хоть она и утопленническая; возмущаешься, что летом по ночам темно (как

так?), но это тоже неправда, скорее уж белые ночи это какое-то шоу, представление для туристов, которое и увидеть-то можешь только когда юн или стар и глуп.

26 (?) июля

У нас в подвале месяцок проработала фотографиней админка легендарного феминистского паблика... жаль, что так недолго... жернова капитала быстро и жадно переломили еще один хребет, сладко покрытый рабочей станковой глазурью юного волнующего пота... спи, спи хорошо, сестра!

Впрочем, герои не умирают, а у нас и так работает изрядно мало цисгендерных или бодинегативных персон, а уж тем паче гетеросексуального скоморошья и выблядиц... *no shit! no shit!*

27 июля

М.Т. пишет у себя: если в кафе вы не платите за десерт, то десерт это вы (можно было на этом сегодня закончить)

В метро видел девочку, отчаянно жестикулирующую, озабоченно рассказывающую что-то своей матери, обе — похожие друг на друга, у каждой нос и губы, образуя сложный кожаный мешок, тянут лицо вниз, между слегка румяными складками белой плоти блестят зубы и шевелятся быстрые языки; у девочки на ногах ногти накрашены в приятный зеленый цвет. Она дует губы, что выглядит некрасиво. Ее проблема явно невелика, она флиртует со всем вагоном сразу. Никому до нее нет никакого дела — кроме подыгрывающей матери.

Ехал домой с Р., иногда жаль ее. В блестящем торчащем клычке есть очарование, не имеющее никакого отношения к дере-дере. Однако поглотило все это маленькое ощущение великолепие вагона «Москва» с его эпилептическими огнями. Апокалиптическими огнями. Эллиптическими зверьми. Электрическими дверьми.

29 июля

Почитал стихи Костылевой и почему-то ужасно расстроился

бросай ее пока никто не видит
бросай покуда ничего не просит
бросай когда от нежности тупая она лежит с твоим концом во рту

а чего бы сегодня еще написать ума не приложу

30 июля

Хочется хлестать себя по щекам. Хочется, чтобы кто-нибудь (хороший и неродной) бил меня нещадно кожаными ремнями по спине за то, что я делаю (не делаю).

Печальным образом не хватает денег.

3 августа

В интернете врут, как в общ. транспорте с ними флиртуют транссексуалки и происходят другие удивительные события, но мне не попадались в метро симпатичные т. примерно с февраля, только ебаные деды и бабки с триллионом кератом на черепе, как затонувшие суда покрытые ракушечником

(?) августа

Стою на почте в очереди из двух человек, электронные талончики есть, а экрана — нет, только голос робота вещает откуда-то буквономера. Оператор 1 класса Айгуль Аскарова не может провести платеж платочной бабке, платочная бабка не выкупает, что там у нее в квитанциях не так — «программа не принимает, ПРОГ-РАМ-МА!», бабке по-прежнему непонятно, но про нее уже забыли, оттесняют, Айгуль читает со скрижалей: «Я тут одна, имейте в виду» — за мной стоит тощий лысый мужик с пачкой конвертов. Рядом старуха платит за квартиру, у нее в кошельке рубли вперемешку с гривнами

У дагестанских девушек красивые глаза, пока они юны, потом становятся заебанными, осоловелыми, ненужными. А у чеченок глаза всегда злые, даже у маленьких девочек

Айгуль спрашивает у меня, юридическое я лицо или нет, как будто не видно, что лицо самое обычное, отправляю письма, вот у Айгуль красивые глаза были когда-то, а потом перестали, так жить, должно быть, очень обидно, носить под белой форменной рубашкой сиреневую кофту в катышках и на золотой цепочке что-то очень тонкое и нейтральное, не разобрать, и лицо у Айгуль оплыло, на работе целый день дует в спину, даже представить трудно, как она себя ненавидит — скорее, впрочем, ей просто все равно, для себя она не очень-то и существует, во рту у Айгуль живет раскатистая буква Р и звонкий голос, в горле горская h, которую она пытается смягчать, может быть, несколько пломб на коренных зубах, плачу 187 рублей, монеты Айгуль ссыпает на прила-

вок, выхожу на улицу, улица медленно плавится от жары, проезжаю одну остановку на трамвае, вот и всё

7 августа

Искусство на каком-то довольно раннем этапе познания становится для меня нестерпимо сложным. Более того, подозреваю, что и у множества других людей все точно так же, просто они не признаются, а некоторые еще и выебываются

Русские девочки не заслуживают похоронного свадебного тюля, мужа в костюме блестящей ткани, родни из отборных потных ублюдков — у русских девочек огромное множество всепростительных свойств, нпр горячие руки утренние сонные улыбки в плацкарте или августы с «королевскими ночами», или блеснувший слюной клык, маленькие нестыдные секреты, которые непременно хочется разграбить и уничтожить

Однажды целовался с коми девочкой намного старше меня, у нее были крупноватые зубы черные глаза много сладковатой слюны, чистая, но почему-то неприятно блестящая кожа на лице, будто натянутая, вышло не очень здорово, зато она дала мне послушать диски Current 93, Cruachan, по-моему, даже Danzig, потом мы никогда не виделись (но диски я вернул)

16 августа

В детстве, когда приезжали с кладбища, все казалось ярче, и картошка с рыбой на ужин была вкуснее, запахи вечернего дыма от растопленных в поселке печей приятнее — контрастно с серым, скучным кладбищем, где комары были просто зверскими, а мертвецы — чужими и условными

Когда еду домой, тошнит от голода, начинают трястись руки. На выходе из перехода прохожу между двух ментов, у них хорошее настроение, они смеются, вот бы наблевать им на ботинки, на улице холодно, но подмышками мокро, идешь, слушая сбивающееся сердце и только и шепчешь сам себе — скорей бы зима, скорей бы зима, скорей бы уже зима

21 августа

Решил испечь морковный пирог в честь 100 дня голодовки Сенцова. Встал в 5 утра, замесил тесто, но оказалось, что нет моркови. Остаток ночи провел, мастурбируя на юзерпики

А если вы ни слова не поняли из того, что я написал, то оно вам тупо и не надо по жизни, вы живете в другом мире. Возможно, даже лучшем

Еду домой хер знает как, потому что назло себе сел не в тот трамвай, а он вывез меня к Тульской, где «Ереван плаза» и всегда воняет канализацией. Оттуда еду вообще вслепую, но, кажется, нащупал гнилостную Кольцевую линию и сейчас её того

25 августа

Выходные не принесли ничего такого, чем можно было гордиться. Выпил дешевого португальского красного вина, искал, куда приткнуть пару найденных медицинских бумажек — с результатами ФГДС и с анализом крови. Нашел свои медицинские книжки — детская распухшая, словно в гнойной хирургии, пожелтевшая, некротизированная по краям, болел я много и изобретательно, а взрослых отчего-то сразу две штуки — и ни в одной нет записей о перенесенном пару лет назад остром простатите. Простатит я заработал самым естественным образом, стоя на митинге социалистов, господи, в пальто поздней осенью, и холодным ветром мне надуло жопу — там, дорогие, и находится простата. Болезнь запомнилась тягучей болью в промежности, бесцветными жидкими оргазмами и чувством удивительного, когда небритый молодой уролог, засунув руку мне в задницу, как-то по-особенному скрючив два пальца, ловко провел ими внутри прямой кишки, и по протокам горячо и неприятно пошла мутноватая жидкость, а я уже, неловко и матерясь про себя, пытался выжать её из серой, съежившейся от холода в кабинете головки члена на прямоугольное стеклышко для анализов.

Ничего почти не читал; думаю взяться за переписку Туфанова с женой. Самого Туфанова читать не смог, да и зачем? Разве то, что люди придумывают, будет когда-то интереснее их собственной жизни!

Домашняя жратва кажется мертвецкой. Пошел на улицу, там — жара и бесы. Зашел в местный (хочется написать локальный) макдональдс, но там не работали стойки самообслуживания, и вся система, по всей видимости, как-то накренилась, что ли; очень неприятно. Пришлось стоять в очереди за женщиной с обвисшей подмышками кожей и делать заказ, заикаясь в лицо юной кассирши со стрелками и очаровательно плохой кожей на скулах, я успел подумать, что предпочел бы ее тело даже в конце дня и с вонючими ка-

тышками между пальцев ног всем этим среднеклассовым блядищам, тут же в зале засовывающим жратву в своих паскудных детей.

А еще, пока ждал свой бургер с картошкой и колой, видел очень толстого парня, и сало у него свисало прямо до колен — такой настоящий, американского типа эндокринологический жирдяй, иллюстрация для статьи morbid obesity! Насколько я в жизни не на своем месте, настолько он смотрелся естественно, прислонившись к поручню ожидания там, в макдональдсе. А еще он, кажется, тяжело дышал (уверен, это мне дорисовало воображение), но мочой от него все-таки тащило дай бог! От самого Иоанна Крестителя в его трусах из верблюжьей шерсти пахло так же. Но никто не падал ниц. Никто не падал ниц.

Потом я купил упаковку диувера для своей престарелой бабули и пошел домой. Ловко я! Ишь ты как! Сегодня не буду есть много транков, потому что куда больше-то, ха-ха!

3 сентября

Слишком активные попытки убедить себя в том, что мне необходимо общение с кем-либо, работают точно наоборот. Я оставил даже бескорыстных симпатичных любовниц. Собственные мысли кажутся глупыми и отвратительными

Чуть не засыпаю по дороге домой в метро, невиданное для меня дело. Хочется спать, полдня побаливает голова. Читаю Гибера

У школьниц свежее только лицо, возможно, груди, как-то эпизодами они волнуют, но в целом гадкие неряхи, грязнули и тупицы к тому же (есть счастливые исключения), я бы не хотел отношений со школьницей, как, впрочем, и отношений вообще, конечно

Поражаюсь мужчинам в светлых рубашках с длинным рукавом, у меня спустя минуту были бы круги размером с колесо от камаза подмышками — из-за нарушенной от сиозс терморегуляции, но прикол в том, что я не помню, было ли так всегда, потому что моя память от сиозс это пиздец

Я с ужасом обнаружил, что некоторые из моих ровесниц превратились в гнусных старух, в мягкие, морщинистые мешки, наполненные синими, вспухшими, обвитыми лианами вен внутренностями. Своеобразные гигантские, марсианские мошонки. Такую хочется проткнуть заостренной палкой

4 августа

Видел сегодня рано утром в «Пятёрочке» лысого мужика, который нашил себе на воротничок ветровки георгиевскую ленту как лычку

11 сентября

В сентябре 2001 года я пошел в одиннадцатый класс, и это было лучшее время моей жизни. У меня была девушка, которая мне нравилась, я играл в группе и слушал лучшую в мире музыку. Мать к тому времени уже уехала в Москву, я жил с отцом. Если не считать давящий постоянно смутный страх, что он внезапно запьет и порушит этот пряничный домик, все было очень хорошо.

Солнечным вечером, часов в семь, я пришел, вероятно, с репетиции группы в клубе, отец лежал на диване (как всегда голый по пояс и в спортивках) и с удивлением смотрел новости — там самолет влетал в небоскреб. Пахло жареной картошкой. Было очень неприятное ощущение, как будто бы физически чувствовалось, вот произошло что-то действительно серьезное, и прежним мир уже не будет. Картошкой пахло очень вкусно. Раньше восток был похож на смешной и шумный рынок, как в диснеевском мультике про Аладдина, а сейчас он отрубал голову пяти тысячам глупых белых воротничков одновременно.

С тех пор все как встало комом в горле, так и стоит. Европейская цивилизация не особо часто доверяла кому-то уничтожать себя, предпочитая обходиться своими силами. А тут призвала, так сказать, на ханство других ребят.

Закончу на этом, чтобы не обосраться, написав что-то сентиментально-говноедское вроде «а жареную картошку я люблю и сейчас, жаль, что так, как это делал отец, её никто больше не умеет жарить...»

13 сентября

Попадая домой с Фонвизинской, проехал до Окружной, уверенный в том, что сяду там на Окружную МЦК, но не смог найти её даже по навигатору в телефоне, зато прошел километра два до платформы пригородных электричек, которые мне не нужны

После чего прошел весь обратный путь до метро, и теперь поеду домой через Тургеневскую, +— час времени, куда с добром, куцей собаке сто вёрст не крюк ! Мне, блядь, плакать хочется от собственной беспомощности (но редко)

И уж, конечно, не плачу

Поддался сентиментальному чувству, купил бутылку красного вина, черт бы с ним; бабушка испекла жирные пироги с яйцами и рисом, раковыми камнями придавили они мой желудок к полу, к средостению

А на днях еще, пользуясь служебн. положением, прочитал сборник раннего Арк. Драгомощенко, и тихой радостью порадовался, что есть такой вот умный и красивый внутренне человек, и как хорошо, что он умер, ему бы понравилось слово средостение в предыдущ. абзаце

Навязчивая мысль, что человек, стоящий передо мной на платформе подземки, обязательно бросится под поезд. И потом менты будут отсматривать записи с камер, чтобы понять, не я ли его толкнул. А мне придется ехать домой на неудобных маршрутах автобусов

Все настопиздело, но в меру... а завтра, быть может, даже схожу на презентацию книжки Рымбу. Всерьёз собрался. Надеюсь, она прочитает стихотворение про то, как они с девчонками собрались, пили вино и пукали (там в сборнике есть такое)

Надеюсь, Галина Рымбу будет пить вино и пукать на презентации своей книги

14 сентября

Два раза за последнюю неделю я слышал в свой адрес «Господи, да лучше бы выебал...» — думал, о таком можно только хвастливо врать

С работы вышед, считал ворон и сел не в тот трамвай. Доехал до Третьяковской, а там все такие красивые, но довольно несвежие (свидание после рабочего дня это эстетика заветренной стороны колбасы), начало мазать от огней, шума и православия, спешу на свой район, где ебальнички попроще

Еду в скоростном локомотиве «Москва», смотрю на уставшие ноги девочек. Скоро уже никто не будет ходить в босоножках (тем ценнее фантазии). Снова буду сегодня пить винище. Завтра прилетает мать. Послезавтра с утра выйду на работу. Потому что почему нет? (Моя любовь это тоже бульдозер)

Переводчик Эрве Гибера Алексей Воинов нипочем не сможет выебать меня в это воскресенье в туалете Сахаровского центра. Во-первых, я этого не хочу. Во-вторых, вы видели туалет в сахарнице? Как в ГУЛАГе, блядь. И не стыдно? Ведь туда ходили диссиденты — и даже Елена Боннэр

Всем вам хороших выходных, вы, верно, все хорошие люди, а хороших людей Брехт нас слезно просил, учитывая их заслуги и их достоинства, ставить к хорошей стенке и расстреливать из хороших винтовок хорошими пулями, а потом закапывать хорошей лопатой в хорошей земле, а каких вы от меня коленцев ожидали еще, Хайдеггера, что ли

15 сентября

Впервые за многие годы ночью блевал. Ну как блевал? Стоя на коленях перед унитазом, копался пальцами в своем изуродованном ангинами горле, трогал какие-то дивные мясные наросты, щупал стенку глотки, миндалины, а блеванул всего ничего

16 сентября

Ma petit oudmourtienne!.. и прочее. Все девочки, *lembi* которых вышибало пробки совершенно, были, в основном представлении, некрасивыми. Не может укрыться город, стоящий на верху горы

В кои-то веки я человек на своём месте (надолго ли)

25 сентября

Желательно никогда не разговаривать и не водить дружбу с людьми, имеющими точно такое же мировоззрение, как ты сам: то же самое, что садиться обедать на сытый желудок

Яндекс еда уничтожила желтый цвет. Теперь человек в желтой куртке без куба за спиной больше не выглядит целостно. Эй, Джорджи Денбро, где мои осетинские пироги? Где мой комплект роллов калифорния

Очень красиво у Рундека: *čitavu noć si plesala ko da si brod bez vesala* — всю ночь ты танцевала, словно лодка без вёсел

Песня про то, как мы садим лён, а потом поём и танцуем до утра, костры и прочее

Много-много занакса, но он скучноватый, и еще коечего, kuitenkin, тут писать об этом крайне неправильно

Дропнул «Человека с синдромом дна» Витухновской на 20%, скучный прозаический пафос одинокой женщины, которую уже вообще ни от чего не прет из-за сверхвысокого толера (многого и не ожидал)

Среди множества отвратительных свойств моей бороды наиболее мерзостным является то что борода растёт неровно, образуя гадкие проплешины

Какой же я идиот, господи

Решил переспать с К. Узнал, что мальчик Л., с которым я также хотел переспать, умер год назад. Вспомнил, что уже кончал К. на спину и ягодицы прежде

Поразительно гадкое ощущение на лице от бороды. Люди, которые носят бороды постоянно, должно быть, ненавидят себя так сильно, что обречены не только на уродство, но и на вечные тактильные мучения

У Жене: «Я хотел уподобиться женщине, которая втайне от всех держала у себя в доме дочь — отвратительное, безобразное, тупое, бесцветное чудовище, хрюкающее и передвигающееся на четвереньках...» Старуха эта потом, кстати говоря, спалила дом, но её саму из огня вытащили и, видимо, предали суду. Возможно, повесили

À propos Жан Жене мужиков немытых и потных сосать и лизать любил больше чем меня мои родители, а я был желанным ребенком! Я охуеваю, можно ли чувствовать и смаковать телесное женщины так, как это делал Жене по отн. к мужчинам? Ни разу не встречал подобного в литературе

А если бы что-то подобное встретил, то скорее уж посмеялся бы — как у де Сада, к примеру, ну невозможно же подобное всерьёз воспринимать. Будь проклят ебаный бог, будь ты проклят

10 октября

В яркости осени для меня никогда не было ничего привлекательного. Осень значила прежде всего беспокойство, тревогу, далёкие вылазки из зоны комфорта и всеобъемлющее чувство собственной глупости, разумеется. Осень проходит ужасно быстро: сначала это еще почти лето, а потом вдруг совсем уже зима. Примерно с 2011 года, после второго тяжелого эпизода депрессии, стал замечать, что в жизни появились вещи, с которыми, вероятно, придется мириться до конца дней: катастрофически плохая память (что до сих пор кое-как удается обратить в шутку в большинстве случаев), постоянная зависимость от фармы, значительная потеря воли, способности видеть сны, испытывать яркий оргазм (были счастливые исключения). Мой организм мне в целом недружественен и нередко портит всю вечеринку.

Однако я, пожалуй, никогда в жизни ещё не был так далёк от абсолюта отчаяния, как сейчас. Я примерно понимаю свои силы и своё время, знаю о смерти, строю нехитрые планы, отсекаю лишнее и, конечно, замечательно себя обманываю. Жаль, что мне никого не хочется обнять сейчас — и

тут тоже сквозит какая-то потеря, кажется. Но и это ничего. Всё ничего — и это тоже полная ерунда.

11 ноября

Снилось волнительное свидание с Л. на ветреном пляже, влажные и сладкие поцелуи, отсутствие белья под ее коротким платьем. Потом она внезапно вставляет указательный палец мне в анус и я от досады просыпаюсь

Но это сон, а в жизни... Если бы я в то же время поместил свой палец в её анус, мы сравнялись бы на всех уровнях, до молекулярного. У меня где-то есть фото с большим пальцем её ноги во рту. Но мы никогда не станем равны: она франкофон, а я — нет... уже несколько лет мы вовсе не общаемся

Выходные прошли очень хорошо, выходил из дома только один раз для того, чтобы купить немного еды. В пятницу выпил бутылку недорогого австралийского красного вина, каберне-шираз; и замечательно посидел за компьютером, а потом лег спать и блаженно выспался. В остальные часы работал, смотрел на ютубе видео девочек, которым сделали плохой маникюр, и совсем не грустил, потому что не смог придумать причину для этого

21 ноября

Одной из многих балканских дев, что мне довелось знать, была некая Майя Д. — выросшая в Шумадии со всеми её пашнями и помидорами, шумная, длинная и некрасивая — жизнь её состояла из бесконечных перекуров и чашек кофе, покраски волос в белый цвет, сплетен и турбофолк-музыки. Я встречался с её близкой подругой более европейского вида и воспитания (как мне тогда казалось), чрезвычайно чистоплотной и меланхоличной девушкой, не отрицающей будущее, как делаю это я по сей день, а отказывающейся думать о нем, что по-своему симпатично

Майя, напротив, симпатии не вызывала, у нее никогда не было денег, и она всегда хотела веселиться — бывает ли что более раздражающее! Когда она возвращалась с работы в лавке, продающей поддельные часы, в съемную холодную квартиру на втором этаже довольно унылого дома в Вишнячкой Бане, мы с моей девушкой уже приезжали на автобусе с прогулки, я пытался согреться под вялой струёй вонючей воды в ванной, моя девушка бесконечно втирала в себя какие-то кремы, а Майя включала радио и смотрела ленту

фейсбука. Через дорогу, за обрывом, серел Дунай. Стекла дрожали от ноябрьского ветра. Что за паскудное время

Майя жаловалась, что может сходить по-большому только раз в неделю: меня это приводило в ужас, я живо представлял себе чудовищного питона её кишечника, плотную, ленивую тварь. Майя мяла свой живот и причитала. У нее был нездоровый цвет лица и, наверняка, налет на языке — уж в этом я не сомневался. Год до этого на море я видел её пятки — огромные, нелепые, в шершавой броне огрубевшей кожи. Как-то, воспользовавшись моим отсутствием в будванской квартире, Майя напилась пива с официантом из кафе неподалёку, они громко слушали музыку на ютубе и подпевали, глупо трогая друг друга, гогоча и отчаянно потея, когда я пришел, злой, словно медоед, и стал их выгонять, официант, вскочивший с дивана, попытался скрыть выпирающий из черных форменных брюк упруго торчащий изогнутый член. Мне хотелось бы посмотреть на то, как они трахаются, я беспричинно люблю все отталкивающее

24 ноября

Дети существа жалкие на вид, и притом — несвободные; даже те родители, которые достигли немыслимых высот в самоутешении — мы-то, мол, нормальные, не то, что другие, — детей уродуют, пытаются слепить из них своё подобие, вторичный продукт, жмых человека, жалкую, устаревшую модель, всю жизнь мечущуюся по клетке собственного тела. Свободны дети только лет до четырех — хотя и не могут еще выжить сами, но знают еще достаточно мало для того, чтобы иметь внутренний абсолют свободы — тянуть в рот то, что хочется, не отводить глаза, когда в них кто-то пристально смотрит, по-ошибке проговариваться обидной правдой, не ведать, что родители — первые враги, прячущие за спиной удавку пожизненного чувства вины. Только тогда, когда ребёнок по сознанию близок зверю, он и свободен, как зверь

Мне никогда не хотелось быть человеком, это ошибочное достижение, после Ренессанса мы все равно только глупеем. Я хочу быть только невиданным зверем, невозможным монстром — и, конечно, стану им, когда вырасту

27 ноября

Война, в общем, дело изрядное, и кто не мечтал пожить на войне, тот дурак — неинтересный. Говорю за себя, не знаю, как у других, а спросить не у кого: люди склонны мне врать или льстить. Противно! На улице валом сыплет пуши-

стый снег, скользко, в трамваях потеют стёкла и кашляют некрасивые люди. Приятно! Поверх книжки в метро смотрю на покрашенную в рыжий девочку, у нее модные (дешевые) круглые очки, ноги в черных колготках и тяжелых темно-красных ботинках. Наверное, там надеты еще какие-то носочки (для тепла? но уж точно не для того, чтобы я их видел). Девочка напомнила о Рите К., ее командировке в Ноябрьск с почтенным начальником Магомедом, где за стенкой кто-то тоскливо и надсадно пердел всю ночь, но Рите К. это было только смешно, все, что угодно, — смешно, когда ты девочка с очень длинными пальцами на ногах, с ужасными, впрочем, заусенцами на пальцах рук, вернее, что-то не так с кутикулами, когда ты маленькая флиртующая со мной осетинка, (или) когда ты умирающая от рака Валя К. с темными кругами под глазами, но в фейсбуке ты еще жива в постах за 2013 год, только приехала из Молдавии и восторженно счастлива, потому что догадываешься о том, что скоро умрёшь. И рыжая девушка выходит на Тургеневской, и тоже навсегда исчезает из моей жизни

С восторгом думаю о Варшавском восстании, о восстании 13 июля, об Европе, охваченной войной. Нет лучше того, чтобы быть летописцем войны, правда, к оружию я всегда был равнодушен, сила человека с оружием это слабость, он, обезличенный герой (теперь солдаты всегда носят маски, чтобы их проще был убивать), делает события кинематографичными, возвышая только тех, кого убивает, сам солдат это личность ненужная, техническая, неоплакиваемая. Самые лучшие — убитые, еще лучше — безымянные, выхваченные из мира грубостью, вывернутые лампочки, внутри каждой из которых падает снег, кружится над удивительными огнями, ратушами, лесами, пахнет морозом, как в моем детстве, лето было чем-то искусственым, мгновенным и ненастоящим, но зима пребывала всегда, корка льда, утренний сквозняк от окна, морозный запах коричневой замазки, негромкие голоса моих родителей. А все монументы воинской славы рассыпятся в прах, нужно их просто разрушить, никакой воинской славы быть не может

Не в силах справиться с ухнувшей во мне тоской, заворачиваю за бутылочкой красного вина, сыплет снег, сыплет снег, сыплет снег, сыпь-сыпь, все до утра засыпь, спать мне под снегом, укрывшим родную могилу, так хорошо

30 ноября

Одержимый несовершенностью телесного, отягощенный многими болезненными фетишами и микроодержимостями, исподтишка (а на самом деле особо не таясь) рассматриваю ноги коллег, стоящих в очереди к кофейному автомату. Многие девочки в зимних ботинках. Люди, не понимающие необходимости носить сменную обувь, меня ужасают

Посвятить вечер красному вину или просто читать Левера, досадуя, что не посвятил? Чего я хочу, быть может, спать со старой любовницей или же полюбить ненавязчивую девочку с тысячью проблем в голове, а то и еще что-нибудь, одни беды! Думал о покойном отце всю неделю; это, впрочем, каждый декабрь так, хоть еще и не декабрь. На могилу я не езжу, потому что он похоронен прямо у меня в голове, под желтой черепной твердью, среди склизких извилин, просыпан прах, как тальк в младенческих складках, противных, получеловеческих

Начальница, прочитав мою колонку, в которой я всего-то лишь рассказываю о том, что детям стоит читать классическую литературу, в т.ч. произведения Ренессанса, упрекнула в том, что многовато желчи, проще говоря, не понравились ей использованные мной слова, такие, как суховатый дурак самоедство хищнический сверхпотребление разъедающий чувство вины запрещают цензурируют свинья испорчены мусорная понурый никогда противен подлая дикий жуткий невыносимый извращенный ужасен вреден смерть — прости, написала она, люди всегда чувствуют издевку, даже если не понимают смысла слов.

À propos! был дома у заведующей отдела прозы толстого литературного журнала. В подъезде пахло застарелым говном. Лифт грязный. Забыл зонт: пришлось возвращаться. Хотел это написать еще в октябре, да забыл...

8 декабря

Вопли родственников и близких, пытающихся осуждать (sic!) человека, выбравшего благородную смерть, показывают их лицемерие и шкурность. От таких «родных» следовало бы отказаться (тупоумные христиане могут на этот счет, между прочим, почитать свои сказочки, например, Мф. 12:46–50)

9 декабря

Помочившись в антракте вечера памяти скрипача Жислина, мою руки в ярко освещённом туалете малого зала кон-

серватории, с грустью замечаю седой волос на левом виске. Пендерецкий зануда, Рахманинов очень хороший

Terrain ahead! Terrain ahead! PULL UP! Terrain ahead!

П. в белых носочках на черные колготки и симпатичных ботинках, притягивающий рот и пустые глаза, тоненькая паутинка слюны, scentless apprentice, некрасивая Москва, желтые фонари, кремлевские звезды, снежная каша, бензодиазепины как мягкое, воздушное, прохладное одеяло, но кофе дергает за жилы, начинает сводить желудок от голода. На Чистых прудах девочка с очень синим мохавком и выбритой головой, героиновые славянские юноши в несвежем. Этнические мотивы, Сухаревская, левый карман в джинсах порвался, впереди зима на реверсивной тяге

12 декабря

Дважды писать о чем-либо — непозволительная роскошь (а спать 12 часов в сутки это излишество, достойное сдержанного одобрения), но и то, и другое, — только для понимающих, отсюда мы безусловно исключаем таких людей, как

Женщина лет тридцати утром в метро — с грузом косметики на лице, с миллионом маленьких тайн, с утренней укладкой, чистыми волосами, хорошо закамуфлированными дефектами кожи, мучительно чистыми ногтями, фаундейшеном, тушью, пудрой, нарощенными ресницами, нарисованными бровями, синтетическим бельем, обтянувшим страдальческую депилированную жопку, пара упрямых темных волосков ликуют вокруг ануса как повстанцы Рожавы, господи, да это еще зачем надо, что он, врач, мне жопу разглядывать, — говорит она подруге, хотя, скорее всего, не говорит, ведь я один в мире одержим телесным

Выключим Л., выходящую из душа с полотенцем на голове, надевающую короткий халат из смешной на ощупь ткани, мочащуюся в торговом центре в изящной позе, нависая высоко над тупым мутным унитазом, сталкивающуюся на выходе из кабинки с узбечкой в синей униформе (глазами они не встречаются), Л., проводящую тонкими пальцами по выбритой подмышке, снимающую тяжелые ботинки и проходящую в комнату в светлых носочках, лгунью со сладким мальчишечьим затылком, но разочаровывающе тонкой женской шеей

16 декабря

Все подводят итоги года, хотя рановато начали, за полмесяца еще всякое может случиться, так что вы не особо

расслабляйтесь, я вот знал одного пацана, он тоже расслаблялся чрезмерно, и его забили насмерть собственные друзья палками с вбитыми в эти палки гвоздями хорошей июльской ночью, а утром весь посёлок об этом узнал, большое событие было. А ведь он, пацан этот, только-только вернулся из армии, духам маслице отдавал, рукодельник-душара сшил ему красивую форму с эполетами и прочими вещами, которыми русские люди украшают свои воинские формы, потому что русский солдат это не только — брат, не надо убивать, ну не убивайте пожалуйста, ну вы же добрые люди, добрые-добрые, добрыши, мама, мама-а-а-а, — но и сила, честь, гордость, слава, великие победы, мой прадед, к примеру, страшно опух животом под Бартошицами в военном госпитале и там же скончался, похороненный в скудной польской земле, а в графе причина смерти ему написали красивое слово анасарка

Итоги года, ну а какие итоги года могут быть, прочитал немногим больше 100 книг, среди них дюжина хороших, посмотрел пару фильмов, несколько раз имел секс (только с женщинами), но при этом, пожалуй, окончательно осознал свою бисексуальность, сильнее полюбил свою работу, хоть и не обошлось без разочарований. На мир я по-прежнему смотрю широко открытыми глазами, надеюсь и умереть так, выпучив их в восторге и невыносимом томлении перед неизвестным

Чрезвычайно рад литературным успехам некоторых моих друзей, хоть они и пошли проторенной дорогой мейнстрима, но мне это не подходит, мне как-то горько от этого, зачем человеку слава при жизни? Да и умереть бы хотелось как Вальзер, чтобы шляпа в одну сторону откатилась, а сам в сугробе закоченелый и победивший мир

По-прежнему боюсь быть сбитым машиной, пью разумные количества красного вина каждую неделю, не унываю, потому что чаю воскресения мертвых и жизни будущего века, нет, это, конечно, шутка, христиане поймут, ха-ха, еще я сделал несколько татуировок, но не так уж много, в следующем году сделаю больше, почти научился нормально красить ногти, правда, только на одной руке, ну да господь не оставит, господь не оставит никого из вас, ибо господь всемилостив

20 декабря

Перед выходом на работу, уже слоисто одетый, застегнутый на все кнопочки, клиперы, флиперы, клипсы и флокеры,

так, что не разденешься быстро, начал вдруг биться, как рыбка, которую рыбак выбросил на лёд (а у рыбака на пшеничных усах сосульки и горячее водочное дыхание, вот так и мне жарко в пуховике, чувствую, еще немножко — и начну едко, гормонально потеть, так, что любая собака на меня сразу нападёт и перегрызет горло, интимно обнажит белесую трахею, стыдные синие сосуды, желтый подкожный жир, смешные лоскуты кожи, которые сразу сморщатся и посветлеют), надо одной рукой захватить пустую пятилитровую бутылку из-под питьевой воды, другой рукой подхватить хорька, чтобы он не протёк в коридор, третьей рукой открыть запоры на двери, четвертой рукой нащупать в кармане ключи, пятой рукой выключить свет в прихожей, в итоге забыл дома телефон, что лишило меня возможности читать или делать заметки по пути на работу, пришлось сидеть как огромному мутному снеговику с закрытыми глазами, так, что под веками начинают гулять линзы, нюхать простудных соотечественников, мечтать о том, чтобы телефон оказался не забытым дома, но тщетно, разумеется, он где-то там, на кровати, еще теплой от моих незапомненных снов

Одно из самых страшных происшествий, что случилось со мной за последние лет десять и, видимо, стало следствием долговременной лекарственной зависимости, — я перестал быть способным инициировать псевдогаллюцинации на шторках закрытых век. Это умеет каждый из вас. Закрываешь глаза и визуализируешь, перед сном в детстве я очень часто целые фильмы так себе снимал о том, как лижу крашам писечки и прочее. А теперь я могу видеть только пульсирующую темноту, да даже темнота была бы предпочтительнее, ибо я вижу что-то коричневое, что хорошее может быть коричневого цвета? Вот и мне ничего на ум не приходит

Между тем, пока жива память, быстренько конспектирую, что случилось по пути на работу, во-первых, колоссальный успех: наебал маршруточника на 8 рублей, воспользовавшись тем, что двухрублёвая монета была настолько засалена, что ее можно было принять за десятку. С нового года я и вовсе планирую ввести в оборот монетки в два сербских динара, коих у меня предостаточно — выдавать их за пять рублей проще простого, во-вторых — всё прочее: девочка, читающая «Божественную комедию», девочка в черных носках и черных кроссовках, две девочки с вылупленными глазами, сидящие одна одесную другой, причем та, первая, и есть первоупомянутая девочка в черных кроссовках и чер-

ных носках, еще какой-то юноша с палёной сумкой BALENCIAGA через плечо, а в чайной на работе — девочка-грузинка в поддельной шали GUCCI, и все-таки хорошо, что телефон я забыл сегодня, а не завтра, потому что надо забрать из постамата два бокала для красного вина, а завтра купить это самое красное вино, воспользовавшись накопительной скидкой, активировать которую продавец в винном магазине может, отсканировав кью-ар код в приложении с экрана телефона (представляете, что было бы, если бы я забыл телефон завтра? пришлось бы переплачивать за вино, вот что), и выпить его из вышеупомянутых бокалов — к вящей славе божьей

24 декабря

Подводя итоги итогов, жирно подчёркивая ошибочное, снова и снова возвращаюсь к тому, что постоянно хочу продолжить в голове фразу, вернее, даже несколько фраз, первая: я действительно верю, что (на разных языках, например, *stvarno vjerujem*...) — и дальше тут сквозняк тишины, вторая — не помню, хотя помнил, когда начинал это бесконечное предложение писать, кажется иногда, что у меня мозг как сыр с дырками, оттого эти неприятные проблемы с памятью последние пару лет

Стал меньше думать о конце жизни в смысле практическом и больше — во всех других, но материализм разбивает мне губы о зубы с плохими пломбами и монотонно вещает: нет бога, нет эмпатии, нет искренности, нет «любви» (ну, это даже смешно), нет честных друзей, нет приятных запахов, нет секретов, которые бы знало только двое, нет хорошего и, пожалуй, плохого тоже нет, нет лучшей версии меня, нет абсолютной свободы, нет обратимой смерти, нет наркотиков, за которые не надо дважды платить, нет никого, страх черной планеты полная ерунда, страх пустой планеты гораздо ближе, но все ещё немножко не то

Мать напекла пирогов, потому что Рождество, и она до сих пор не понимает, что я давно не христианин, и не хочу ее пирогов, и мне с одной стороны до тупого бешенства ее жаль, а с другой подавляю раздражение постоянно, тисовым прессом, деревянным башмаком, натершим до крови босые ноги П., танцующей перед зеркалом, давящей деревянной подошвой улиток с противным, влажным хрустом

Хочется разбить голову о шершавую бетонную стену, проволочь по ней белой кожей, оставить навсегдашние шрамы, тут пришлось долго искать то, что когда-то видел в ви-

кипедии: unnecessary mutilation, кажется, в статье про удаление параанальных желёз у хорьков, про купирование ушей у собак и удаление когтей у кошек, unnecessary mutilation, вот это выражение, да, *nepotrebno sakaćenje*, женское обрезание, к примеру, тоже не является необходимым увечьем (глупо как по-русски это звучит, а что является необходимым увечьем?), посему препояшьтесь вретищем, плачьте и рыдайте, ибо ярость гнева Господня не отвратится от нас, хотя, вполне возможно, что и отвратится, я бы не стал особо доверять тому, что обещает привести с севера бедствие и великую гибель, а приводит — агнца

со ие
де но
рж ме
ан ра

Синдром научного вахтера 4

м и к р о

Серое Фиолетовое. Цикл 6
Нестор Пилявский. Стихи господина Тиглера 12
Артур Другой. Дознание 20
Илья Дейкун. Доктор Муха 22

п р о з а

Евгений Долматович. На краю ночи 24
Георгий Панкратов. Билет 35
Ильдар Насибулин. Снежный Король 40
Адам Ранджелович. из «ТРОЙМЕ» 46

мертвый текст

Филиппо Томазо Маринетти. Наслаждение быть освистанным 51
Антонен Арто. Покончить с божьим судом 54
Луи Арагон. Пизда Ирены 69
Сибусава Тацухико. Повесть о лисьих чарах 110

шум

Дженезис Пи-Орридж: наперекор устоям 125

камушек в ботинке

Вадим Климов. Гильотина смысла. Кинотриптих 129

polaroid

Маруся Климова. Воля к красоте 140

extremum

Миша Вербицкий. Сэр Роджер Пенроуз: новое мышление короля 181
Вадим Климов. Религия копирайта 185
Жюли Реше. Живой труп Фрейда: психоанализ vs нейронаука 190

персонажи

Станислав Щербаков. Тьма — и больше ничего. Кое-что из дневников 2017-2018 гг. 204

Последние книги издательства «Опустошитель»

Алексей Лапшин «Метафизика противостояния»
Маруся Климова «Безумная мгла»
Михаил Вяткин «У Тани под мышкой был живой уголок»
Вадим Климов «Скорлупа»
Кобо Абэ «Совсем как человек»
Алина Витухновская «Мир как Воля и Преступление»
Ги Дебор «Общество спектакля»
Илья Данишевский «Нежность к мертвым»
«Бесчеловечный театр»
Алексей Лапшин «Явление смыслов»
Вадим Климов «Дубль реальности. Портреты и замечания»
Анатолий Рясов «Сырое слово»
Георгий Осипов «Конец января в Карфагене»
Маруся Климова «Профиль Гельдерлина на ноге английского поэта»
Нестор Пилявский «Западное Ляо»
«Памфлет. Преломления современности. Искусство, политика, девиация»
Рене Домаль «Святая война»
Бертран Рассел «Почему я не христианин»
«Безрадостное детство. Сборник лапидарной прозы»
Евгений Маликов «Песни кастратов»
Жюли Реше «Введение в философию: пластичность повседневности» / *Вадим Климов* «Прощание с ясностью»
Луи-Фердинанд Селин «Банда гиньолей»
Рене Кревель «Вавилон»
Маруся Климова «Домик в Буа-Коломб»
«Кто сломается первым. Языковой театр»
Луи-Фердинанд Селин «Лондонский мост»
Вадим Климов «Спутники. Рассыпающийся роман»
Сэмюэль Беккет «Опустошитель»
Маруся Климова «Голубая кровь»
Анатолий Рясов «С закрытым ртом. Драматические тексты»
Юлиус Эвола «Люди и руины»
«Антология югославского авангарда»
Луи-Фердинанд Селин «Феерия для другого раза»
«Михаэль Ханеке: кино как катарсис»
«Манифест. 1906—1960»
«Манифест. 1963—2018»

Журнал и книги «Опустошителя» можно приобрести в магазинах:

Москва:

Фаланстер :: Малый Гнездниковский переулок, 12/27
Ходасевич :: Покровка, 6
Циолковский :: Пятницкий переулок, 8, стр. 1
Гнозис :: Турчанинов переулок, 4, стр.2
Порядок слов в Электротеатре :: Тверская улица, 23
Москва :: Тверская улица, 8, стр. 1
Библио-Глобус :: Мясницкая улица, 6/3, стр. 1

Санкт-Петербург:

Все свободны :: улица Некрасова, 23
Подписные издания :: Литейный проспект, 57
Свои книги :: Кадетская линия, 25
Иное кино :: Невский пр., 60 (кинотеатр «Аврора»)
Фаренгейт 451 :: улица Маяковского, 25

Пермь :: **Пиотровский** :: улица Ленина, 54
Екатеринбург :: **Йозеф Кнехт** :: улица 8 марта, 7
Новосибирск :: **Открой Рот** :: Ленина, 8
Ставрополь :: **князь МЫШКИН** :: улица Космонавтов, 8
Ярославль :: **Книжная лавка Юрия Швецова** :: Свердлова, 9
Краснодар :: **Bookowsky** :: Рашпилевская улица, 106, этаж 3

Все издания можно также заказать
в редакции на сайте **www.opustoshitel.ru**
и интернет-магазинах **ozon.ru**, **Читай-город**,
librabook.com.ua (Украина), **mybooks.by** (Беларусь).